И. Г. СТАРИНОВ

МИНЫ ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

ВЫМПЕЛ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Уважаемый читатель!

Весной 1997 года Альманах «Вымпел» предложил твоему вниманию книгу Ильи Григорьевича Старинова «Записки диверсанта».

Воспоминания И. Г. Старинова, которому идет девяносто девятый год, привлекли внимание общественности у нас в России и многих наблюдателей за рубежом. В течение 1997–1998 годов в редакцию систематически поступали телефонные звонки от читателей: когда выйдет вторая книга?

И. Г. Старинов, превозмогая все трудности и преграды, упорно работал над своим архивом и другими источниками, проверяя достоверность событий, правильность своих суждений и выводов. Его суровые оценки действий И. В. Сталина, Г. К. Жукова, К. Е. Ворошилова и других по подготовке и руководству партизанским движением в Годы Великой Отечественной войны оправданы огромными жертвами нашего народа и звучат как предостережение и справедливый урок нынешнему руководству России.

Если мы хотим сберечь свое Отечество, необходимо помочь Президенту и правительству осознать всю глубину и опасность стратегического перенапряжения страны, восстановить социальный контакт с вооруженными силами, стать подотчетными народу, преобразовать стиль и структуру управления страной и армией в новой геополитической ситуации и преодолеть ведущий к взрыву застой в военной реформе.

Предлагая вниманию читателя вторую книгу размышлений старейшего партизана-диверсанта И. Г. Старинова «Мины замедленного действия», редколлегия полагает что читатель еще раз вернется к первой книге, внимательно прочтет вторую и новыми глазами будет смотреть на прошлое своих отцов и дедов, не вернувшихся с войны домой.

Будь внимателен, читатель, тебя еще многое ждет впереди!

Редколлегия Альманаха «Вымпел».

Made for library
LIBRUSEC

- Старинов Илья Григорьевич
- Вместо предисловия. Бог диверсий
- Часть I. Партизаны идут на Запад
  - Глава 1. Украинский штаб партизанского движения
  - Глава 2. Встреча с Завадским
  - Глава 3. Польский штаб партизанского движения
  - Глава 4. В Румынии
  - Глава 5. В Югославии
  - Глава 6. Беседы с Тито
  - Глава 7. Разминирование: найти и обезвредить
  - Глава 8. В Германии
  - Глава 9. Без работы
  - Глава 10. В институте Марксизма-Ленинизма
  - Глава 11. Тридцать лет спустя
- Часть II. Упущенные возможности
  - Глава 1. Определение понятий, роль и значение партизанской войны
  - Глава 2. Роль и значение партизанской борьбы в XIX — начале XX века
  - Глава 3. Роль и значение партизанской борьбы накануне Второй мировой войны
  - Глава 4. Доктрина М. В. Фрунзе[73] и подготовка к партизанской войне
  - Глава 5. Великая Отечественная: не благодаря, а вопреки
  - Глава 6. Стратегия ошибок
  - Глава 7. Преодоление кризиса
  - Глава 8. Вермахт мог быть разгромлен в 1943 году
- Часть III. Теория партизанской войны
  - Глава 1. Второй фронт
  - Глава 2. Международное партизанское движение
  - Глава 3. Искусство партизанской войны — серьезная наука
  - Глава 4. Партизанская борьба — важнейший фактор достижения победы над фашизмом
- Часть IV. Партизанская практика
  - Глава 1. Выход из окружения (прорыв блокады)
  - Глава 2. Освобождение военнопленных бойцов и командиров Красной Армии

- Глава 3. Разрушение бельгийскими партизанами мостов через канал вблизи Монса
- Глава 4. Обоз и штабные документы
- Глава 5. Использование партизанами захваченных у противника средств связи

- Заключение. Подвиг народа
- Список литературы
- Список сокращений
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35

- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79

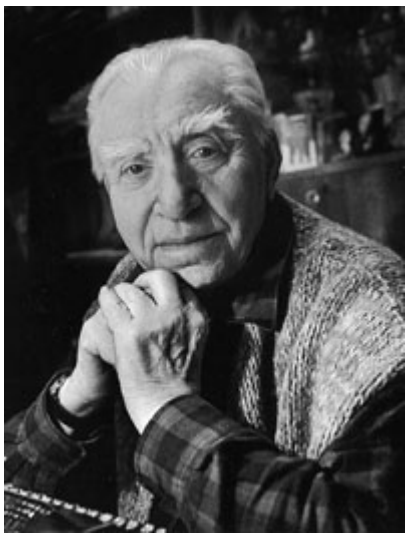
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123

- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152

Старинов Илья Григорьевич Книга 2. Мины замедленного действия: размышления партизана-диверсанта

Особую благодарность хочу выразить Ирине Сергеевне Бородычевой, Игорю Викторовичу Волошину, Александру Дюкову. Анатолию Евсеенко, Валентину Ивановичу Кикотю, Людмиле Петровне Лаврухиной, Борису Андреевичу Плешкунову, Николаю Григорьевичу Смирнову. Без них эта книга никогда бы не получилась.

Илья Старинов



Вместо предисловия. Бог диверсий

Наиболее значимые операции, осуществленным под руководством Старинова

В Испании:

* уничтожение штаба итальянской авиадивизии;

* крушение поезда с марокканцами, крушение воинского эшелона в туннеле, прервавшее надолго важную вражескую коммуникацию;

* вывод из строя на неделю коммуникации между Южным и Мадридским фронтами противника.

Во время Великой Отечественной войны:

* в октябре 1941 год — превращение Харьковских путей сообщения практически в западню для противника (взрыв радиоуправляемой миной Свердловского путепровода через ЮЖД), что затруднило немецкое наступление.

* произвёл самый известный взрыв радиоуправляемой мины. По сигналу Старинова из Воронежа в 3:30 ночи 14 ноября 1941 года на воздух во время банкета взлетел германский штаб в Харькове (ул. Дзержинского, 17; бывший партийный особняк, в котором жили сначала Косиор, затем Хрущёв) вместе с командиром 68-й пехотной дивизии вермахта, начальником гарнизона и комендатном города генерал-лейтенантом Георгом фон Брауном, двоюродным братом знаменитого ракетчика Вернера фон Брауна. Сапёр инженер-капитан Гейден, под чьим руководством разминировали здание и обезвредили ложную мину, заложенную под кучей угля в котельной особняка, был разжалован. В отместку за взрыв немцы повесили пятьдесят и расстреляли двести заложников-харьковчан.[1]

* в феврале 1942 года — ледовые походы через Таганрогский залив, в результате которых была выведена из строя автомагистраль Мариуполь — Ростов-на-Дону и разгромлен гарнизон немцев на Косой Горе.

* создание диверсионной службы в украинских партизанских формированиях и в Украинском штабе партизанского движения в 1943 году, в результате чего на Украине было произведено свыше

3500 крушений поездов, тогда как в 1942 году — всего 202.

* в 1944 году — подготовка кадров и создание партизанских формирований украинских партизан для партизанской войны за рубежом — в Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии.

Стариновым написаны пособия, в том числе совершенно секретные, по вопросам ведения партизанской войны, которые использовались при обучении партизан.

Да, именно так — «Бог диверсий», характеризовали Илью Григорьевича Старинова югославские газеты, когда он в августе 1967 года побывал в этой стране. Старинова тогда встречал его друг и ученик, национальный герой Югославии Иван Хариш, принимал Иосип Броз Тито, на югославский язык была переведена его книга «Мины ждут своего часа», разошедшаяся весьма солидным тиражом в 200 тысяч… Как это ни печально, историческая память югославского народа оказалась гораздо менее склеротичной, чем наша.

Даже краткое перечисление событий, наполняющих долгую биографию Ильи Григорьевича Старинова, впечатляет. Он

родился 2 августа 1900 года в семье железнодорожника. Неизвестно, кем бы он стал, если бы не взбаламутившая всю страну революция, но мне лично кажется, что свой путь он бы нашел и тогда. И едва ли этот путь сильно отличался бы от действительно пройденного. Ведь как бы не называлась страна, какой бы строй не провозглашался в ней, всегда должны быть люди, которые будут ее защищать. За революцией неотвратимо последовала Гражданская война и Илью Григорьевича мобилизовали в Красную Армию. Воевал он честно, был ранен, и после окончания войны предпочел остаться в вооруженных силах. В 1922 году окончил школу военно-железнодорожных техников, в 1935 — Военно-транспортную академию. Все это, наверно, не так интересно, как выражались раньше, «широкому читателю», но необходимо. Именно в это время в советских вооруженных силах появился особый вид войск, которому Илья Григорьевич посвятил всю свою жизнь — диверсионно-партизанские подразделения. Начиная с середины 20-х годов и вплоть до 1933 года подобные подразделения были такой же не маловажной частью обороны страны, как и «Линия Сталина» — полоса укрепрайонов. В случае вражеского вторжения армия противника оказалась бы при такой системе обороны как бы зажатой между УРами и Красной Армией, с одной стороны, и действующими на коммуникациях противника партизанами-диверсантами, — с другой. Подготовкой диверсантов по линии IV (разведывательного) Управления ГШ РККА и занимался Илья Григорьевич. (Тогда же пришлось ему обучать и ряд руководителей европейского «рабочего движения», среди которых были, например, Александр Завадский, Вильгельм Пик, Пальмиро Тольятти, А. Марти…)

Одновременно с подготовкой кадров, он совершенствовал диверсионные средства. Сконструированная им ПМС (поездная мина Старинова) нашла впоследствии широкое применение во время боев в Испании и Великой Отечественной войны. Согласно отчету Центрального штаба партизанского движения эта мина по популярности и эффективности занимала первое место.

В 1936 году началась гражданская война в Испании. Советский Союз оказывал республиканскому правительству Испании военную помощь как техникой, так и специалистами, одновременно пользуясь возможностью испытать в реальной боевой обстановке свои военные методы и концепции. В случае с диверсионно-партизанской войной советская методика полностью себя оправдала — разведывательная группа, к которой был прикомандирован военный советник Илья Григорьевич Старинов, путем слияния с такими же небольшими диверсионными отрядами, превратилась в 14-й (партизанский) корпус. Практически все испанские диверсионные подразделения были, таким образом, объединены в единое целое, нанося при этом тяжелые удары фашистским интервентам. Так, например, Старинову и его диверсионным группам удалось уничтожить штаб итальянской авиационной дивизии, взорвать большой железнодорожный мост без проникновения на него и во время Брюнетской операции в июле 1937 года отрезать вражеские войска Южного фронта от войск Мадридского фронта.

В ноябре 1937 года Илья Григорьевич сдал свои обязанности и вернулся на родину в самый разгар «Великой чистки». Многие

люди, с которыми он подготавливал диверсантов, были арестованы и расстреляны по обвинению в подготовке «банд» с целью свержения советской власти. Только благодаря заступничеству наркома обороны Ворошилова Старинов уцелел. (Возможно ошибаюсь, но мне кажется, что защитил его Климент Ефремович, прежде всего, потому, что сам был причастен к подготовке т. н. «банд». Если «сдавать» всех, то рано или поздно придут и за тобой.) Вместо ГУЛАГовского номера или пули в затылок Илья Григорьевич получил звание полковника. Больше его в звании не повышали. 61 год полковником — это, наверно, рекорд в отечественных вооруженных силах.

Потом была недоброй памяти Зимняя война с финнами. Вражеский снайпер — такой же диверсант, как и те, кого обучал Старинов, — ранил его в руку, обеспечив инвалидность. Но о том, чтобы уйти из армии, Илья Григорьевич не хотел и думать. Так и остался в строю — инвалидом. Стрелять из винтовки он уже не мог, да это и не было нужно — как это ни парадоксально, но за четыре, пройденных войны он ни разу не видел, что убил человека. Только слышал отголоски взорванных мин.

И, наконец, — Великая Отечественная. Илья Григорьевич принимал участие в подготовке и ведении партизанской войны с первых ее дней — в качестве начальника специальной школы, командира 5-й отдельной инженерной бригады, минеры которой действовали в тылу противника, начальника Высшей оперативной школы, помощника начальника Центрального штаба партизанского движения по диверсиям и заместителя начальника Украинского штаба партизанского движения, опять-таки, по диверсиям. При этом, созданная по его инициативе и под его руководством диверсионная служба при Украинском штабе, способствовала резкому повышению эффективности действий партизан-диверсантов. В самом начале войны Старинову удалось уничтожить в Харькове взрывом радиоуправляемой мины штаб 68-й пехотной дивизии противника во главе с ее командиром генерал-лейтенантом Георгом фон Брауном.

* * *

Таково вкратце содержание «Записок диверсанта».[1] Книга, которую вы держите в руках, согласно авторскому замыслу, составляет с ней единое целое и начинается там, где заканчивается предыдущая — во время перехода Ильи Григорьевича из Украинского штаба партизанского движения в Польский. Кроме мемуаров в состав книги включено

историческое исследование «Упущенные возможности», где автор, используя большой фактический материал, на собственном опыте показывает развитие партизанского движения в годы Второй Мировой войны в Советском Союзе и европейских странах.

Здесь следует отметить одну деталь, основополагающую для понимания этого исследования. Илья Григорьевич в оценке партизанских действий и их организации исходит из того, что они должны быть не самодеятельностью, а организованными операциями, проводимыми специальными партизанско-диверсионными соединениями. Подобная точка зрения не является единственной; так во время войны союзники замечали, что у нас в тылу действуют не партизаны, а практически войсковые части, понимая под партизанами прежде всего народные массы, ведущие борьбу против оккупантов, как это было, например, в захваченной Италией Абиссинии и ряде других стран. Не являясь специалистом в данном вопросе, я, однако, хочу отметить, что здесь мы имеем дело с вечным спором о преимуществах войскового и повстанческого партизанства. Как показывает история локальных конфликтов последних десятилетий обе эти формы партизанства продолжают существовать и по сей день, не собираясь отмирать.

В тех же югославских газетах, где Илью Григорьевича Старинова прозвали «Богом диверсий», о нем писали: «дважды Герой Советского Союза». Югославы просто не могли понять, как такой человек, человек-легенда, — и не Герой. Но, как известно у «советских собственная гордость».

Илья Григорьевич, увы, не Герой. И полковником, как видно, ему оставаться навсегда. Что ж, другого такого полковника нет и не будет.

Александр Дюков.

Часть I. Партизаны идут на Запад

«Успешный ход наших наступательных операций поддерживался героическими действиями партизанских сил Советского Союза, которые более трех лет не давали врагу передышки, разрушая вражеские коммуникации и терроризируя его тыл».

«Командованию вражеских войск пришлось у себя в тылу практически создавать второй фронт для борьбы с партизанами, на что отвлекались крупные силы войск. Это серьезно отразилось на общем состоянии германского фронта и в конечном счете на исходе войны».

Жуков Г. К. «Воспоминания и размышления». М. 1971. С. 658.

Глава 1. Украинский штаб партизанского движения

В разгар развертывания партизанской борьбы в 1944 году в соседних странах Украинский штаб партизанского движения (УШПД) фактически превратился в интернациональный. В те апрельские дни мы подводили итоги результатов руководимой мною диверсионной службы Украинского штаба. Количество диверсий за год его деятельности увеличилось больше чем в 10 раз. Если в 1942 году украинские партизаны пустили под откос 202 поезда, а за первую половину 1943 года — уже более 500; то за вторую половину 1943 года, когда была создана диверсионная служба, — около 3 тысяч. Количество их могло быть значительно больше, если было бы достаточно взрывчатки.

Излишне, наверное, говорить, что в силу специфики войны на Восточном фронте перед противником крайне остро стояла проблема снабжения действующих войск. Многомиллионная армия постоянно нуждалась в пополнении живой силой, боевой техникой, боеприпасами, горюче-смазочными материалами и другими видами военного снаряжения. Пространственный размах операций требовал постоянного расширения масштабов оперативно-стратегических перевозок и обеспечения их безопасности. По этим причинам основные пути сообщения гитлеровской армии, особенно железные дороги, становились главными объектами для ударов партизан.

В первые месяцы войны и зимой с 1941 на 1942 год партизанское движение столкнулось с рядом трудностей, обусловленных уничтожением системы партизанских мероприятий, однако даже в таких крайне неблагоприятных условиях партизанская деятельность сильно обеспокоила противника. В ряде директив и приказов фашистского командования обращалось особое внимание на защиту коммуникаций Вермахта, содержались многочисленные рекомендации по охране железнодорожных линий и станционных объектов.

Следует отметить, что зимой 1941–1942 партизанами было подорвано 224 эшелона и сожжено около 650 мостов. До размаха 1943 года было еще далеко, однако незнакомому с партизанским сопротивлением Вермахту подобные булавочные уколы были весьма неприятны. Партизанам же не хватало практически всего, начиная от квалифицированных минеров, и кончая взрывчаткой…

Весной 1942 года советским командованием были

предприняты меры по повышению эффективности партизанской борьбы. Постановлением Государственного Комитета Обороны (ГКО) от 30 мая 1942 года были созданы Центральный и региональные штабы партизанского движения, основной задачей которых являлось «разрушение коммуникационных линий противника». Очевидно, что эта задача была невыполнима без широкого применения диверсий, эффективность которых во многом зависела от наличия в составе партизанских отрядов специальных подразделений и правильного их использования.

Вполне сознавая это, Украинский штаб партизанского движения в середине августа 1942 одобрил меры А. Н. Сабурова[2] по созданию в его соединении 25 диверсионных групп, перед каждой из которых было поставлено задание систематически организовывать диверсии на закрепленных за ними участках железных дорог. Одобрение это выразилось, помимо всего прочего, и в предложении командирам других партизанских соединений организовать такие же группы.

Проведенные УШПД мероприятия в целом способствовали активизации диверсий, однако борьба на вражеских коммуникациях еще не имела размаха, отвечающего поставленным задачам. По сути, партизанские действия не оказывали существенного влияния на дезорганизацию транспортного сообщения Вермахта.

Сложившееся положение объяснялось рядом причин. Во-первых, к этому времени в УШПД, как и в ряде других штабов не существовало специального отдела для своевременного анализа и обобщения диверсионных действий партизан, разработки тактики и техники диверсий, постановки перед формированиями конкретных задач. Во-вторых, в 1942 году штаб не мог организовать регулярное снабжение партизан минно-подрывными средствами. В-третьих, подготовка специалистов партизанской борьбы в спецшколе УШПД еще не обеспечивала растущих потребностей отрядов. В-четвертых, не был решен вопрос о положении диверсионных подразделений в структуре партизанских соединений, а некоторые командиры недооценивали значение диверсий на коммуникациях противника.

В планах советского командования на летнюю кампанию 1943 года придавалось большое значение операциям на путях сообщения вермахта. Поэтому УШПД разработал план боевых действий партизанских отрядов Украины на весенне-летний период 1943 года, составной частью которого стали мероприятия по выводу из строя важнейших железнодорожных узлов, крупных железнодорожных и шоссейных мостов. В соответствии с этим в

апреле 1943 в УШПД оформился технический (т. е. диверсионный) отдел. Одновременно была введена должность заместителя начальника УШПД по диверсиям, которую с мая пришлось занимать мне.

На технический (диверсионный) отдел возлагались задачи разработки планов диверсионных операций, форм и методов их проведения, борьба с противодействием противника в организации диверсионных актов, конструирование и совершенствование технических средств, разработка инструкций и указаний по всем видам диверсионной работы, контроль за хранением минно-подрывного имущества на складах и базах.

Через некоторое время УШПД официально оформил правовое положение партизанских спецслужб. В соответствии с приказом начальника УШПД от 14 июля 1943 года начальники спецслужб в обязательном порядке утверждались УШПД и непосредственно подчинялись командиру партизанского формирования.

Таким образом, к середине 1943 года УШПД в основном осуществил комплекс мер, направленных на централизацию руководства диверсионными действиями. Организация «технического» отдела в Украинском штабе, создание спецслужб и диверсионных подразделений в партизанских соединениях и отрядах подняли на новый уровень диверсионную деятельность партизан, способствовали повышению ее эффективности.

Партизанская война на территории Украины заканчивалась. Заместителю по диверсии оставалось только подводить итоги и заниматься подготовкой кадров для работы за рубежом.

Центральный штаб занимался делами партизан, действующих не только в неосвобожденных областях Прикарпатской Украины, но также в Польше, Чехословакии, Венгрии и Румынии. Он руководил подготовкой кадров для партизанских действий в этих странах, вооружал и снабжал их, поддерживая с ними постоянную связь.

Успешно действовала Украинская школа партизанского движения. В школе мы сосредоточили внимание на подготовке командиров и высококвалифицированных специалистов, способных вести боевые действия не только на советской территории, но и далеко за ее пределами. Значение этой работы проявилось во все большей эффективности ударов, наносимых украинскими партизанами, особенно по коммуникациям. Партизанские отряды и соединения действовали все более согласованно. Главным образом потому, что между ними была налажена радиосвязь.

В школе учились поляки, чехи, словаки, румыны и представители других народов. Разными путями они приходили в

школу: одни из Красной Армии, другие поступали из отрядов ранее сформированных в тылу врага.

Глава 2. Встреча с Завадским

В двадцатых числах апреля 1944 — точной даты не помню — Тимофей Амвросиевич Строкач[3] — начальник школы — попросил меня зайти по неотложному делу. Он был не один. У письменного стола сидел человек в форме генерал-майора Войска Польского.

— Знакомьтесь, — сказал Строкач. — Полковник Старинов — заместитель главкома Войска Польского генерал-майор Завадский.

Мы пожали друг другу руки. У Завадского было приветливое, с тонкими чертами лицо, голубые глаза, аккуратно подстриженные вьющиеся волосы.

— Создается Польский штаб партизанского движения, — сообщил Строкач. — Нужно решить, чем можно помочь польским товарищам.

Помочь следовало прежде всего инструкторами и техникой. Об этом и пошла речь…

Собственно говоря, Украинский штаб партизанского движения, украинские и белорусские партизаны оказывали польским товарищам помощь уже давно. В специальной школе УШПД, которую возглавлял Павел Александрович Выходец,[4] к весне сорок третьего уже учились вместе с добровольцами из других стран Восточной Европы и добровольцы из Польши. В сентябре 1943 года, например, соединение А. Ф. Федорова,[5] установив контакт с отрядами Армии Людовой в Люблинском воеводстве, передало им значительное количество вооружения. Ближе к зиме наш штаб направил в эти отряды девять транспортных самолетов с оружием и боеприпасами.

На территории Польши самостоятельно возникли смешанные польско-советские партизанские отряды, пользовавшиеся поддержкой как белорусских, так и украинских партизан. А в феврале 1944 года, 1-я Украинская партизанская дивизия П. П. Вершигоры[6] совершившая рейд через четыре польских воеводства, и партизанское соединение генерал-майора М. И. Наумова,[7] сделавшее бросок к Сандомиру, помогли жителям польских сел и городов создать собственные партизанские отряды, поделились с ними оружием и взрывчаткой, научили их подрывать вражеские эшелоны.

В ходе беседы я заметил, что Завадский неплохо разбирается в минно-подрывном деле, и спросил, не доводилось ли ему воевать в Испании.

— Нет, не довелось, — по-русски, с легким акцентом заметил

Завадский. — А вот учиться минно-подрывному делу приходилось. И учитель неплохой был. Жаль только, не желает признавать бывших учеников! — Голубые глаза его лучились улыбкой.

Я растеряно уставился на собеседника. Но убей бог, я ничего не мог вспомнить. Ничего!

— А дозвольте, пан капитан, мне самому… — протянув руку ладонью вверх, словно хотел принять какой-то предмет, весело произнес Завадский. И вдруг… Вдруг томительно запахло июньской листвой подмосковного леса, в открытое окно ворвался грохот ломовых телег по булыжнику спускавшейся к реке Сходне улицы. Возникли перед глазами десятки курсантских лиц, и среди них — совсем молодое, с тонкими чертами лицо старшины учебной группы. Старшина любил все делать своими руками!

— Тридцать третий! Школа Сверчевского![8] — вырвалось у меня.

— Вспомнили, наконец! — широко улыбнулся Завадский. — Да, десять лет прошло. Как у Дюма.

Строкач перевел взгляд с меня на Завадского, с Завадского снова на меня, вырвал из блокнота листок бумаги и протянул:

— Пожалуйста, Илья Григорьевич.

— А… зачем, Тимофей Амвросиевич?

— Напишите сразу, кого не учили. А то, кто не появится — ваш ученик!

Они с Завадским рассмеялись.

— Ну, делу — время, а потехе — час, — прервал Строкач. — Давайте обсудим, кого из наших работников и инструкторов можно командировать в штаб партизанского движения Польши.

Обсудили несколько кандидатур. Одними из первых были названы фамилии бывшего начфина Высшей оперативной школы особого назначения (ВОШОН) Алексея Семеновича Егорова, командира отряда «Красный фугас», Вячеслава Антоновича Квитинского, друга Платона Воронько Александра Романовича Кузнецова, Ивана Николаевича Кондрашова, начальника технического отдела, которого я привез с Воронежского фронта (1943). А последней… Последней кандидатурой оказалась моя. Назвал ее Завадский. Это было совершенно неожиданно. И для меня, и для Строкача.

— Центральный Комитет нашей партии и командование Войска Польского убедительно просит, товарищ генерал, — настойчиво сказал Завадский, — командируйте полковника Старинова в Польский штаб партизанского движения хотя бы временно. Пусть только работу наладит.

Строкач покачал головой:

— С кондачка такой вопрос не решишь. Я доложу о вашей просьбе в ЦК КП(б)У. Да и товарища Старинова не грех спросить, как он смотрит на переход в польский штаб.

— Если речь идет о временной командировке, согласен.

— Буду разговаривать в ЦК, — повторил Строкач.

На следующий день Тимофей Амвросиевич сообщил, что, несмотря на его возражения, ЦК решил удовлетворить просьбу Завадского и направить меня в Польский штаб партизанского движения.

И вдруг никуда не захотелось ехать. Не захотелось расставаться с моим вдумчивым и внимательным начальником. С таким отличным товарищем, как начальник отдела связи полковник Ефим Михайлович Косовский, начальник технического отдела Иван Николаевич Кондрашов, его заместитель Сергей Васильевич Гриднев.

Но что поделаешь? Вопрос решен!

— Новое назначение получите в Москве. Заодно попрошу выполнить несколько наших поручений, — сказал Строкач. — А сейчас мне остается поблагодарить вас за работу в штабе и пожелать успехов.

— Спасибо, Тимофей Амвросиевич. Лучше бы я остался.

— Ничего. Надеюсь, командировка не затянется.

Предположение Строкача не сбылось: «командировка» затянулась.

Глава 3. Польский штаб партизанского движения

Польский штаб партизанского движения тогда дислоцировался северо-западнее города Ровно. В его подчинение перешли организованные в СССР пятнадцать отрядов, насчитывавшие 1875 человек, оснащенные всем необходимым имуществом и радиоаппаратурой.

Невдалеке от штаба размещалась Польская школа по подготовке партизанских кадров.

Александр Завадский, как заместитель главкома Войска Польского, находился в расположении штаба армии, более чем в ста километрах западнее штаба партизанского движения. Первый раз, когда я явился представиться Завадскому, как начальнику штаба, он выглядел усталым и обессиленным. У него отекали ноги, а чтобы уменьшить их отечность, он клал их на табуретку. Несмотря на усталость, в нем горел огонь бодрости.

— Трудно! — говорил он. — Много лет народ настраивали против Советского Союза.

В окне мелькнула фигура ксендза.

— Опять идет кляузник, — бросил Завадский.

Вошедший адъютант доложил, что ксендз просит его принять.

— Просите, — устало согласился Завадский.

Высокий, дородный, с излишне красноватым, ожиревшим и умиленным лицом ксендз вошел, перекрестился, пробормотал что-то непонятное.

Завадский пригласил его сесть.

Пастырь сел и выдавив умильную улыбку, сказал по-польски:

— Я не хочу вам мешать, но у меня очень срочное дело.

— Пан полковник не понимает по-польски и он нам не помешает, — ответил Завадский.

Ксендз согласно кивнул.

— Минуточку подождите, а пока посмотрите альбом войска Польского, — предложил мне Завадский.

Пока я рассматривал снимки, ксендз жаловался на безбожников и просил их унять. Говорил он долго.

— Ну и иезуит, — заметил Завадский после ухода попа.

Подали обед. Мы продолжили обсуждение вопросов, касающихся организации партизанской борьбы и обстановки на территории Польши, об аковцах[9] и о Войске Польском.

Во время работы в Польском штабе партизанского движения я занимался вопросами разработки плана действий польских

партизан, а затем сосредоточился на материально-техническом обеспечении и подготовке диверсионно-десантных групп.

На территории Польши действовали не только польские, но и польско-советские партизанские отряды. Кроме того, советские военнопленные вливались в подразделения Армии Людовой. Работу по укрытию и направлению вчерашних невольников в партизанские отряды проводили специальные комитеты помощи советским военнопленным, созданные польской рабочей партией.

Одним из крупнейших партизанских соединений, действующим на территории Польши, была хорошо вооруженная бригада под командованием Ивана Николаевича Банова. К моменту создания Польского штаба она контролировала почти всю территорию от Бреста до Вислы. Ее отряды наносили существенные удары по врагу, заставляя его выделять для контрборьбы значительные силы, направляя их в первую очередь на охрану коммуникаций.

В феврале 1944 года перешло границу Польши наше партизанское соединение под командованием прославленного Вершигоры. Оно прошло всю Польшу через Жешевское и Люблинские воеводства, пересекло Варшавское и Белостокское и вышло с территории Польши. Появление наших партизанских отрядов в Польше и материальная помощь Советского Союза отрядам Армии Людовой усилили там размах партизанской борьбы.

— Туго нам без помощи Советского Союза, заметил Завадский. Подчас аковцы не только не ведут борьбу против гитлеровцев, но иногда помогают им в операциях против Гвардии Людовой и партизан. А гитлеровцы продолжают уничтожать поляков.

После беседы с Завадским мы с группой работников из оперативного отдела во главе с И. Н. Кондрашовым засели за составление плана развертывания партизанской борьбы на оккупированной территории Польши.

План был разработан, утвержден, но противник вносил в него свои коррективы.

Обстановка в тылу врага на территории Польши к лету 1944 года сложилась довольно-таки запутанная.

В начале июня в Яновских лесах Люблинского воеводства сосредоточилось около трех тысяч польских и советских партизан, в том числе соединения и отряды Чепиги, Шангина, отряды Прокопюка,[10] Карасева, Неделина и Василенко, насчитывавшие около 1800 человек.

Немецкое командование начало сосредотачивать регулярные войска с задачей окружить и полностью уничтожить партизанские

отряды на Люблинщине.

8 и 9 июня в районе Яновских и Липских лесов скопились фашистские силы, вдесятеро превосходившие общую численность партизан и имевшие огромное преимущество в вооружении.

К 14 июня гитлеровцам удалось окружить наши отряды. Однако в ночь на 15 июня сосредоточенным ударом партизаны прорвали вражеское кольцо и вышли в Сольскую пущу. Это давалось не легко. Партизаны несли тяжелые потери, в эти дни погиб командир партизанского соединения В. Чепига. Новая попытка немцев предпринятая в Сольской пуще также не имела успеха. К вечеру 23 июня партизанские отряды вышли из второго кольца и обрушили удары по вражеским тылам в других районах.

Большую помощь нам оказывали советские военные летчики. Доставляемые ими боеприпасы, оружие и продовольствие вдохновляли партизан и помогали отбивать атаки врага.

6 июня наши союзники открыли наконец второй фронт. Но, то ли его очень долго ждали, то ли по другим причинам открытие этого фронта не произвело на нас впечатления.

Водитель моей автомашины донской казак Павел Володин, узнав об открытии второго фронта в Европе, изрек:

— Когда нужно воевать, то и следа их не отыскать, а теперь спешат в Германию за трофеями.

Спецшкола

Работая в Польском штабе партизанского движения, я продолжал проводить учебные занятия в школе Украинского штаба партизанского движения (она находилась поблизости). Ее начальником являлся П. А. Выходец. Это была хорошо организованная школа, где бывалые минеры передавали свои знания добровольцам из других стран.

Учеба включала теоретическую и практическую подготовку. Школа имела все необходимые учебные пособия по вопросам организации, тактики партизанской борьбы, наглядные пособия по нарушению работы вражеского тыла, а также памятки, инструкции, наставления и макеты, различные взрыватели, замыкатели и мины.

При обучении новых партизан и повышении мастерства мы использовали материалы обследования результатов действий.

Например, П. П. Вершигора во время рейда на Вислу и Сан поставил перед своим заместителем майором С. В. Кальницким задачу:[11]

— Разрушить водокачку на станции Горынец, где

заправлялись водой паровозы, ведущие поезда на фронт по линии Рава-Русская-Львов.

— Будет выполнено! — четко ответил майор.

Проведя разведку, Кальницкий вместе с напарниками Иваном Тюляковым, Костей Егоровым и Леонидом Кожановым появились в комнате дежурного по станции и приняли на себя дежурство. Иван Тюляков тотчас побежал к водокачке устанавливать автоматические мины. В это время сверкнули огни прибывающего поезда.

— То литерный! — тревожно предупредил дежурный поляк.

— Закрывай семафор! — приказал ему Кальницкий, и тот послушно выполнил команду.

Как и предполагал Кальницкий, машинист остановил поезд перед красным светофором. Смельчаки успели заминировать водокачку и рельсовый путь, на который прибывал литерный поезд.

— Открывай семафор! — приказал Кальницкий дежурному. Поляк-дежурный уверенно открыл семафор и обратился к командиру группы:

— Подождите, пан, нех их холера тисне, шваба клятого. Я пиду з вами. — И пошел.

Паровоз дал гудок и, набирая скорость, двинулся на станцию Торонец. Вскоре послышались взрывы. Рвались автоматические мины под поездом, взлетела на воздух и водокачка.

Результаты подготовки в школе были блестящими. Все инструкции, подготовленные в украинской школе, мы использовали и в школе при Польском штабе партизанского движения.

Преподавание вели опытные инструкторы — лейтенанты Прокофьев и Соколов, прошедшие подготовку в Высшей оперативной школе особого назначения и возглавлявшие потом диверсионную службу в партизанских соединениях Украины.

Старая гвардия

В польской школе я встретил знакомых интербригадовцев — инженера по образованию, бывшего капрала Польской армии Генриха Торунчика, который нелегально в начале 1937 года добрался из Лодзи до Испании. Высокий брюнет, Торунчик сражался на Мадридском фронте, потом на Арагонском, участвовал в трагической битве под Уэской, в наступательной операции под Брюнте. В битве на реке Эбро он стал начальником штаба батальона.

До Испании Генрих Торунчик прошел практическую школу борьбы в Польше. Благодаря его способностям и несгибаемой силе воли, ему удалось получить высшее образование. Пробовал он учиться и на офицера, но его исключили из школы как «недостойного по моральным и политическим качествам». Это было при Пилсудском.[12] После окончания службы в армии его арестовали за коммунистическую пропаганду.

Снова я увидел его в конце апреля 1944 года, когда он зашел в Украинский штаб партизанского движения с письмом Кароля Сверчевского, который просил оказать ему помощь. С большим удовольствием мы выполнили эту просьбу. И в школе мы с ним встретились как старые знакомые.

Встретил я в школе и второго «испанца» — Леонида Ефимовича Рубинштейна, тоже сражавшегося в рядах интербригадовцев, под командованием Сверчевского. В 1933 Леон участвовал в операции по срыву празднества в честь Пилсудского в Лодзенской филармонии. Одиннадцать отважных хлопцев проникли на празднество. Один из них выключил в зале свет. Другие разбросали листовки и выпустили голубей. Один из голубей с красным флажком сел на раму с портретом Пилсудского. Полиция произвела осмотр выходивших молодых людей из филармонии и без труда обнаружила у Леона под полой пиджака следы голубя.

Леон отсидел в тюрьме. Потом эмигрировал во Францию, там учился и, когда началась война в Испании, то в должности командира батальона сражался против Франко.

И вот передо мной вновь Рубинштейнчик. Вспоминаем былое. Говорим по-русски. Переходим на испанский. Я понимаю и по-польски. Есть о чем вспомнить. Пришлось и мне действовать в Испании вместе с поляками. Выносливые и храбрые люди.

В школе я встретил много старых знакомых, которые учились в первых партизанских школах. Среди них партизанская группа Вячеслава Антоновича Квитинского, бывшего командира отряда «Красный фугас» в соединении А. Грабчака-Буйного. Квитинский подбирал себе смелых людей различных специальностей. Если командиру будущей бригады, успешно действовавшей в Польше и Чехословакии, пустившей под откос не один десяток вражеских эшелонов, подорвавшей свыше 100 вражеских автомашин стукнуло всего лишь 24 года, то многим минерам его группы не было и 18 лет.

Квитинский — артиллерист по специальности, попал в окружение. Пытаясь выйти, оказался у партизан. Он быстро понял силу мин, стал энтузиастом диверсий в тылу врага и вырос в талантливого командира партизанской бригады.

Встретил я здесь и другого коллегу — Александра Степановича Ефимова. Он стал партизаном в 1942 году, когда ему едва исполнилось двадцать лет. По роду службы он должен был находиться в нашем тылу, а он рвался в тыл к противнику. Высокий, худощавый, неторопливый, вдумчивый, он познакомился с партизанами и «заболел». Свою смелость он показал в тылу противника на Кавказе зимой 1943. В феврале 1944 года он пешком достиг соединения В. П. Чепиги, став его заместителем по диверсиям.

Тяжело пришлось этому соединению в Польше. В Яновских лесах оно попало под удар карательной операции противника. Командир погиб. Сержант Ефимов с группой бойцов вырвался из окружения, вышел к своим и несмотря на незнание венгерского и немецкого языков стал готовиться к переброске в тыл противника на территорию Венгрии, затем воевал в Чехословакии.

В школе я встретил двух Егоровых. Один — Михаил Алексеевич — командир танка, попавший 29 июня 1941 года в Минске в плен при выходе из окружения. Он использовал первую же возможность для побега и благополучно добрался до своих войск. Прошел обучение в специальной школе и не раз выполнял боевые задания вначале у Вершигоры, потом — у Федорова. После соединения партизан А. Ф. Федорова с советскими войсками, добился направления в школу к Выходцу. Ему удалось добраться до Словакии, где он действовал в соединении под командой Дибровы, успешно проведя несколько трудных операций по разрушению мостов и подрыву воинских поездов.

Алексей Семенович Егоров вступил на путь партизанской борьбы, сменив должность начфина школы на заместителя командира по диверсиям крупного соединения.

Встретил я в школе и молодого энергичного подрывника Александра Романовича Кузнецова. Он стал партизаном в семнадцать лет, окончил специальную школу в Москве и участвовал в боевых действиях в тылу противника в Московской, Смоленской, Калининской и Орловской областях.

Вместе с Платоном Воронько, его направили в соединение под командованием С. Ковпака.[13] Во 2-м батальоне соединения он подготовил 38 подрывников. Во время Карпатского рейда его ранило, позже его эвакуировали в наш тыл. Выздоровев, он обучал курсантов в школе.

Бандеровцы

Я столкнулся с бандеровцами[14] еще в период работы в

Польском штабе. В западных районах, близ Ровно, где размещался штаб, несмотря на продвижение Советской Армии, они продолжали действовать.

Кто такие бандеровцы? Чтобы сегодня не говорили, бандеровцы — организация украинских националистов — являлись по существу немецкой агентурой. Из-за них, на Западе Украины до подхода сюда крупных партизанских соединений Ковпака, Федорова и Бегмы[15] партизанская война не велась. Лишь этим партизанским соединениям, несмотря на то, что бандеровцами народ был морально подавлен, удалось очистить от бандеровских банд и оккупантов западные области Украины. Здесь очень большую роль сыграл отряд Грабчака (Буйного). Его боевики внедрялись в ОУН — УПА (Украинской повстанческой армии), знали их «провод» вплоть до Мюнхена и Кельна.

Сельское население жило в постоянном страхе. Бандеровцы приходили по ночам, забирая у селян продукты, якобы для партизан, на самом же деле передавая их немцам.

Борьба ОУН-УПА с Красной Армией и советскими партизанами значительно облегчала жизнь гитлеровским захватчикам и являлась наиболее эффективной и продолжавшейся на протяжении всей войны формой сотрудничества националистов с оккупантами. Инициированные националистами схватки с нашей Армией начались с первых дней войны. В июле 1941 года отличился в боях под Винницей печально известный батальон «Нахтигаль», входивший в армию вторжения. В августе того же года был сформирован с разрешения немцев отряд «бульбовцев» для борьбы с советскими партизанами и попавшими в окружение красноармейцами. В сентябре была выдвинута в качестве первоочередной задача по очистке оккупированных немцами территорий от «большевистских агентов», т. е. партизан. В 1942 году националисты развернули кампанию по дискредитации советских и польских партизан в глазах населения. С созданием УПА осенью 1942 года вооруженная борьба с партизанами приобрела систематический характер.[16]

В 1943 УПА возглавил Бандера. С этого момента за отрядами националистов закрепилось название бандеровцы.

19 апреля 1944 года состоялось информативное совещание руководителей отделов контрразведки немецкой группы армий «Юг», на котором были подведены предварительные итоги и определены перспективы сотрудничества с бандеровцами. Выступая на совещании, руководитель абверкоманды 101 подполковник Линдхард с удовлетворением констатировал, что поступающие от УПА разведматериалы и обширны, и довольно

ценны, что украинские националисты в совместных с вермахтом боевых действиях показали себя надежным союзником. Отряды УПА, заключил он «оказали нам в некоторых политических ситуациях неоценимые услуги». Высоко оценил сотрудничество с бандеровцами руководитель абверкоманды 202 подполковник Зелингер. Без бандеровцев, подчеркнул он, успешная деятельность его команды была бы просто невозможна. Лишь руководитель абверкоманды 305 подверг хорошо зарекомендовавших себя союзников критике. Он указал, что массовые убийства бандеровцами польских специалистов «наносят ущерб экономическим интересам Германии».[17]

Давайте представим, какой масштаб должны были принять убийства поляков, чтобы отнюдь не бывшие кроткими агнцами руководители абверкоманд — карательных отрядов забеспокоились! С 1943 по 1944 вырезали только на Волыни 80 тысяч поляков, в том числе женщин и детей. Бандеровский приказ от 19 февраля 1944 года предписывал «ликвидировать польские следы так, чтобы не осталось и признаков, что там мог кто-то когда-нибудь жить». Убивали бандеровцы и украинцев, за независимость которых, как сейчас часто говорят, они боролись. Известно, что лишь за период с 1944 по 1945 ими было убито 30 тысяч человек. Среди них люди различных профессий и убеждений, взрослые и дети, мужчины и женщины.[18] И это под конец войны!

Борьба с бандеровцами не закончилась и после Победы. Уже после войны я возвращался из Германии, будучи заместителем начальника Управления восстановительных работ № 20 МПС. Переехав границу Польши вечером собирался было ехать дальше, но меня остановили пограничники.

— Опасно!

Я заночевал в комендатуре, но уснуть не смог, так как пограничная застава несколько раз в ночь поднималась по тревоге: были то поджоги, то обстрел со стороны оуновцев. Позже мне еще пришлось столкнуться с бандеровцами, но об этом — впереди.

Новая командировка

Инженерное обеспечение действий партизан, руководимых Польским штабом, зависело от поставок вооружения. Тут все упиралось в самолеты. А их выделяли мало. Это была беда на протяжении всей войны.

Пробивая самолеты, я случайно встретился с начальником

советской военной миссии в Югославии генерал-лейтенантом Николаем Васильевичем Корнеевым, бывшим в начале войны начальником штаба двадцатой армии, в полосе которой мы ставили заграждения. Генерал Корнеев предложил мне перейти к нему в миссию. Я доложил Завадскому. Тот пробовал отговорить меня, но потом дал согласие.

Война близилась к концу, и мне очень хотелось побывать на Балканах, где условия борьбы были более сложными, а горный рельеф чем-то напоминал Испанию.

— Наверное, до победы не увидимся, высказал я свое предположение друзьям. Я тогда не знал, что Ефимова не увижу никогда, а с Сашей Кузнецовым встречусь в Румынии (недавно он умер в Измаиле).

Глава 4. В Румынии

Начальник штаба

В августе 1944 года я был назначен исполняющим обязанности начальника штаба Советской военной миссии при Верховном Главнокомандующем Народной Освободительной армии Югославии (НОАЮ). Начальник Советской военной миссии Н. В. Корнеев в тот момент находился в Москве.

Было решено, что маршал Иосип Броз Тито[19] с частью своего штаба временно будет дислоцироваться в освобожденном советской армией румынском городе Крайова. Здесь же должна была располагаться Военная миссия Советского Союза.

Первый эшелон Советской военной миссии вылетал 8 сентября. Вместе с нами следовал и начальник штаба тыла Красной Армии генерал-лейтенант М. П. Миловский. Сборы были недолги. Вылетели в 9.00, а в 18.00 уже сели в Бухаресте. На аэродроме до свержения Антонеску[20] базировались немецкие самолеты. Покидая столицу бывшего союзника, немцы его «отблагодарили» — нанесли по аэродрому бомбовый удар.

После заправки самолета мы продолжили путь и в 19.50 были в Крайове — центре богатой сельскохозяйственной провинции Румынии.

Казалось, что война прошла мимо Румынии. Никаких карточек, много мужчин призывного возраста на улицах.

Нашей первой задачей стал поиск помещения для штаба маршала Тито, для всех служб Советской военной миссии и подготовка к их приезду. Все вопросы было невозможно решить в Крайове, и на следующий день мы с Миловским полетели в Констанцу к начальнику тыла 2-го Украинского фронта генерал-лейтенанту А. И. Шебунину. Подлетели уже в сумерках. Несмотря на то, что фонари на мачтах радиостанции не были зажжены, мы приземлились благополучно.

С Шебуниным договорились о выделении необходимых материальных средств для миссии, в том числе машин, горючего, продовольствия и выехали в Бухарест.

Генерал Миловский

За те два дня, которые я провел вместе с Михаилом Павловичем Миловским, у меня сложилось о работниках тыла

совсем новое представление. Раньше я всегда видел в них лишь интендантов.

Немного ниже среднего роста, кряжистый, всегда чисто выбритый и опрятно одетый, генерал Миловский, нигде не терял зря и минуты. Живо всем интересовался. Особо его привлекало состояние сельского хозяйства Румынии. Мы заезжали с ним в деревни и поместья. Помещики — почти все военные — генералы, полковники, майоры и даже капитаны. Многие земли принадлежали королю Михаю.[21]

При прохождении наших войск мимо поместий или при заходе в них для заготовки продовольствия и фуража, охрана разбегалась. Если же нас пускали, то как правило в том случае, когда силы были равны. Но, когда в усадьбы, охраняемые ротой, приезжала наша автомашина, то румыны не пускали солдат без представителя румынских властей.

Характерно, что охрана поместий короля Михая, была очень плохо одета. Изношенное обмундирование, сандалеты на рваной подошве или даже деревянные. В помещениях солдат — нары без постельного белья. В резиденциях Михая — портреты короля и его матери и опять — нары и скамейки. Пищей служили мамалыга и невкусный суп.

— Король-помещик — богат, а разут его солдат! — шутил водитель.

Бросалась в глаза нищета батраков и крестьян. Уже с раннего утра все трудоспособное население работало на полях. В деревнях оставались старые, да малые. Дети школьного возраста тоже работали в поле.

Богатейшая страна Румыния: прекрасный климат, плодородные земли, нефть. В больших городах — роскошные особняки-дворцы, которым могла бы позавидовать Франция и наряду с этим потрясающая нищета. Мрамор и зеркала, картины и ковры в домах богачей, земляные полы и блохи в домах крестьян. Дети знати получали высшее образование, знали два-три языка, занимали командные посты в армии и администрации. Дети бедняков, особенно девочки, оставались неграмотными.

Поначалу крестьяне, едва завидев наши машины, пугливо скрывались. Через несколько дней, при появлении советских машин в деревнях, на улицу как горох высыпали дети и просили их прокатить. Крестьяне обращались с жалобами на помещиков и жандармов. Так рождалась наша дружба.

Бухарест

Стояла прекрасная жаркая погода. Урожай собран. На полях виднелись лишь поздние культуры.

Мы были в Бухаресте. Остановились на аэродроме Рошиори де Веда. Это был один из самых крупных аэродромов Румынии, который мы намечали как базовый для авиации, осуществляющей помощь народно освободительным силам Албании, Греции и Югославии.

Здесь генерал Миловский обнаружил большие склады пшеницы и муки, а также склад сахара. С его помощью я получил у начальника автомобильных войск 2-го Украинского фронта генерала Ермилова необходимые нам автомашины и одновременно наряд на бензин.

— Придется заехать в Плоешти, получить бензин, — сказал я сержанту — начальнику команды выделенных в распоряжение Миссии водителей.

— Что вы, товарищ полковник! Зачем ехать в Плоешти, когда он есть у нас на базе в Бухаресте!

— У меня наряд на получение в Плоешти, а не в Бухаресте, — ответил я. — Наряд на две тонны с половиной. Без наряда едва ли отпустят!

Сержант хитро улыбнулся и сказал:

— Возьмем для крепости тонны три. Бензин всегда пригодится.

Мы поехали на «базу» в крупное поместье, где обитали наши водители. Управляющий его в свое время долго жил в Бессарабии и хорошо знал русский. При бегстве немецких войск из-под Бухареста, он в одну ночь очистил румынский склад с ГСМ, охрана которого сбежала. По его словам он «спас важное военное имущество от уничтожения врагом».

Когда мы приехали, то оказалось, что бочек с бензином уже не было. Начальник команды шоферов нашел управляющего и поинтересовался, куда делись бочки.

— Спрятал в подвал, чтобы не забрали водители других машин.

Когда бензин был получен, один из шоферов спросил его:

— Куда это исчезли со двора свиньи, индейки и куры?

— Ваши приезжали, и все забрали, — ответил управляющий и как-то изменился в лице.

— А на чем приезжали наши, — не унимался водитель — бывший шофер совхоза «Гигант» сержант Василий Григорьев.

— На двух больших грузовиках.

— Видно прямо к свинарнику, — помог ему Григорьев.

— Да, да! Прямо к свинарнику, и все забрали, — подтвердил управляющий.

— Ну, вот что. Есть пословица: «Ври, да меру знай». Без нас во двор ни одна машина не проезжала, а свиньи угнаны. Это видно по следам.

Управляющий не нашелся, что ответить. В отсутствие водителей он всю живность отдал на сохранность батракам и крестьянам.

Перемирие

12 сентября 1944 года в Москве было подписано соглашение о перемирии с Румынией, которым регулировалось пребывание и деятельность наших войск на ее территории. Этим соглашением предусматривалось участие румынских вооруженных сил в совместной борьбе против фашистской Германии. Продавцы газет выкрикивали эти новости, предлагали газеты будущего дня. Я поэтому часто путал числа и дни недели.

Румынское правительство обязано было добросовестно выполнять условия перемирия. Однако большинство румынских офицеров и генералов вело себя нелояльно по отношению к Советской Армии. Многие из них, выступив против гитлеровской Германии, рассчитывали, что одновременно им удастся подавить движение широких народных масс в Румынии, сохранив старые буржуазно-помещичьи порядки.

Король Михай и его «мама» по существу «примазались» к восстанию патриотических сил, которое смело диктатуру Антонеску. Под давлением народных масс король пошел на разрыв с Германией, но реакция не теряла надежд на помощь западных союзников.

Румынская армия, при поддержке населения, рабочих дружин, начала боевые действия против находившихся в их стране немецко-фашистских войск и нанесла им значительные потери, при этом тысячи вражеских солдат и офицеров были взяты в плен.

В генеральном штабе большинство офицеров знали русский, и поэтому я мог разговаривать с ними без переводчиков. В румынском языке много слов одинаковых с испанским, и я кое-что понимал из их разговоров.

Аэродром

И вот мы с представителем штаба тыла фронта ведем переговоры с румынским генералом по вопросу об использовании

нами румынских аэродромов в Крайове и в Рошиори де Веда. Генерал еще молод, хотя волосы уже поредели. Он интересуется, для какой цели нам нужны помещения.

— Цель одна — победа над фашистской Германией.

— К сожалению, все сейчас занято. Мы подумаем, что можно освободить, и завтра дадим ответ.

— Господин генерал! Мы уже осмотрели помещения и надеемся, что вы согласитесь освободить эти склады и один ангар. — И я показываю объекты на схеме аэродрома. — Они полупустые.

Генерал меняется в лице. Еще бы! Мы осмотрели все сооружения без его согласия.

— Хорошо! Я согласуюсь с начальником Генерального штаба, — ответил он недружелюбно.

— Господин генерал! Нет времени ждать. Мы начинаем работу завтра.

У генерала на лбу выступила испарина.

— Хорошо. Я сегодня отдам приказ о выделении вам помещений на аэродромах. — И он вымученно улыбается.

Над его головой одиноко висит портрет короля Михая, а рядом пятно от снятого портрета Антонеску.

Перед уходом я задал генералу вопрос:

— Скажите, господин генерал, как это получилось, что немецкая авиация бомбила столицу своей бывшей союзницы с предоставленного ей аэродрома в Бухаресте.

Он задумался, а потом сказал:

— Трудная была для Румынии ситуация, но наш король, как только создались условия, смело повернул оружие против гитлеровских войск. Все готовилось втайне. Переворот был невозможен до окружения немецких войск в Бессарабии, иначе немцы оккупировали бы Румынию. Даже в условиях советского наступления 24 августа немецкие войска под командой генерала Герштенберга начали военные действия против гарнизона столицы и пытались арестовать короля. Но румынские части задержали в районе Плоешти подкрепления противника и спасли Бухарест.

В действительности, как я уже знал, немецкое командование отказалось от захвата Бухареста ввиду быстрого продвижения наступающих войск 2-го Украинского фронта, которые 20 августа вышли к Плоешти, а 31 августа вступили в столицу Румынии. Когда я сказал об этом генералу, он неохотно признал, что советские войска помогли румынам. Затем речь зашла о вечной дружбе наших народов и подлости милитаристов.

— Мудрая политика короля Михая, — продолжал генерал,

спасла Румынию от ограбления. Король не дал фашистам уничтожить евреев. Если бы Румыния оказала в начале войны сопротивление Гитлеру, то была бы оккупирована и все ее материальные ресурсы были бы использованы Германией.

— Конечно, — продолжал он, — Антонеску принес много вреда и страданий румынскому народу, но он мог бы сократить только долю участия Румынии в войне, не больше, — закончил свое объяснение генерал.

Это все в прошлом. Сейчас мы должны общими усилиями покончить с общим врагом, — заметил генерал Миловский.

Пока мы разговаривали, адъютант генерала принес все нужные бумаги. Мы распрощались.

По дороге в Крайову опять проезжали мимо многочисленных поместий. Основные части советских войск уже были далеко на севере и на западе. В Румынии базировался лишь незначительный гарнизон для обеспечения коммуникаций.

Профашистская администрация по-прежнему оставалась на местах, оставались и многочисленные румынские части. Ими руководили все те же помещики в духе ненависти к Советскому Союзу.

В связи с работой нашей авиации в интересах Народной Освободительной армии Югославии, я часто бывал на аэродромах и видел, что там царили «королевские» порядки, которые были до прихода Красной Армии. Однажды на наших глазах румынский офицер ударил по лицу провинившегося солдата. Мы не выдержали и подошли. Лейтенант, как ни в чем не бывало, отдал нам честь.

— Как вы посмели ударить солдата, да еще в нашем присутствии, — обратился я к нему. Он нагло улыбнулся и ответил:

— Солдат не выполнил приказ.

Мы добились удаления офицера с аэродрома.

Наше заступничество вызвало двоякую реакцию: командир части, хотя и перевел куда-то офицера, и якобы наложил на него взыскание по указанию начальника румынского гарнизона, на нас стал смотреть еще более косо. Солдаты же были полны дружелюбия.

Мне удалось быть свидетелем следующей сцены. Однажды в центре Крайовы мы стояли, ожидая сигнала регулировщицы, перекрывшей движение. Вдруг раздалась автоматная очередь. Румынский офицер упал. Оказалось, что мимо него проходил наш красноармеец, который не отдал ему чести, полковник ударил красноармейца. Это увидела регулировщица и, выпустив очередь в румынского полковника, продолжала спокойно работать

дальше.

Дом Василиу

Для того, чтобы достать необходимое помещение, мне пришлось обращаться к румынским властям: коменданту и в Управление полиции. Когда в сопровождении одного офицера я появлялся или покидал эти учреждения, на меня обращали мало внимания. Пришлось взять себе в сопровождение двух автоматчиков-партизан, одетых в форму Красной Армии, со звездами на пилотках. Румынские власти стали более податливы.

Мы присмотрели особняк бывшего министра внутренних дел Румынии, военного преступника Василиу. В особняке проживала его жена с челядью. Охрана состояла из полицейских и, несмотря на предъявление ордера гражданских властей, нас не впустила. Я решил с одним из офицеров Миссии съездить в Управление полиции.

Работая еще в одном из отделов штаба Украинского военного округа, я имел некоторое представление о румынской полиции: жестокой, коварной, состоящей из физически сильных и грубых мужчин. Но хозяевами в городе были уже не они.

Мы вошли в кабинет начальника полиции. Ковры, чистота и тишина… Была вторая половина дня, лучи солнца проникали через открытые окна.

Высокий, в меру тучный, в гражданском костюме начальник полиции подобострастно улыбался, когда мы представлялись, как офицеры части ПВО Красной Армии (так мы маскировали нашу Миссию в Румынии).

Я изложил суть дела, и подобострастная улыбка на лице начальника сменилась гримасой.

— Без указания из Бухареста я не имею возможности пустить вас в дом Василиу. Он арестован, суда еще не было и я имею указание охранять его супругу.

— Но нам этот дом нужен для обеспечения противовоздушной обороны города, — сказал я.

— Я готов предоставить вам другой и даже больший, — ответил начальник полиции.

— Но положение дома Василиу является для нас наиболее удобным.

— Ничего не могу сделать без указания из Бухареста, отрезал начальник полиции.

— А вы свяжитесь со своим начальником, и получите нужную вам санкцию, — посоветовал я.

— Я вас очень прошу занять другой дом и оставить в покое госпожу Василиу. Звонить в Бухарест я не могу, потому что уже получил указание охранять госпожу Василиу…

Напротив меня в сторонке стоял верзила в полицейской форме, вошедший вместе с нами. Я решил не продолжать спор. В этом доме начальник полиции чувствовал себя еще хозяином. Как охранялось полицейское управление, мы уже успели заметить. Но то, что начальник полиции был в гражданском, свидетельствовало о том, что за пределами управления, он не чувствует себя спокойно в форме.

— Хорошо. Мы сами запросим Бухарест, а сейчас готовы осмотреть предлагаемый вами дом, — согласился я.

— Я пошлю с вами нашего представителя. Он нажал одну из многочисленных кнопок у себя на столе. В кабинет влетел еще один рослый полицейский. Начальник полиции сердито отдал ему приказание и обратился ко мне:

— Я распорядился показать вам два дома.

Представитель начальника, еще один полицейский и мы отправились осматривать дома. Они были хороши, но хуже, чем особняк Василиу.

Осматривая второй дом, я передал бойцу из команды Тищенко, чтобы он ехал в Миссию, взял еще три-четыре автоматчика и прибыл к дому Василиу.

На обратном пути остановились у дома Василиу, где уже было четверо автоматчиков из группы Тищенко.

— Прикажите открыть ворота, — передал я через переводчика представителю начальника полиции.

— Не имею права, ответил тот.

— Тогда открываем в вашем присутствии сами. А если охрана окажет сопротивление, мы ее снимем и вы будете отвечать.

Глядя на хорошо вооруженных и решительных автоматчиков, представитель полиции распорядился открыть ворота и мы вошли во двор.

Вместе с полицейскими и будущей вдовой военного преступника начали осмотр дома.

В гостиной висел большой семейный портрет королевской фамилии и бывшего владельца особняка генерала Василиу. Король на портрете выглядел куда более молодым и мужественным, чем на самом деле, когда я его видел совсем близко. Основным его качеством была надменность. Лицо же его матери несло на себе печать иезуитской хитрости.

В полуподвале, приспособленном под гараж, мы обнаружили роскошный «бьюик», подаренный министру королем Михаем. Машину забрали. Надо сказать, что в городе было припрятано

множество отличных автомашин.

В погоне за необходимыми нам автомашинами, партизаны забрали и машину командира корпуса румынской армии, дислоцировавшегося в Крайове. Шофера отпустили, но он выяснил, что машина попала к нам в гараж. Мне по этому поводу позвонил командир корпуса, я обещал мерседес ему возвратить, но просил его помочь мне найти другую машину. Что тот и сделал.

Характерно, что мы с партизанами совершенно свободно ездили в расположение штаба корпуса румынской армии, находившегося на территории военного городка. Но командир корпуса без сильной охраны никуда из военного городка не выезжал. Сколько раз мы приглашали его к нам в Миссию, но он всегда находил причину для отказа.

Летчики

В гостинице «Амбассадор» я узнал, что наши войска освободили более 100 пленных американских летчиков. С некоторыми из них я встретился. Они выглядели хорошо, были упитаны, чего нельзя сказать о наших. И на этом я хотел бы остановиться особо.

Мне помниться случай, когда советские летчики были сбиты над Румынией во время налета на военные объекты. Пилотам удалось успешно приземлиться и даже собраться в полном составе, но они не были знакомы с действиями в тылу врага, не умели добывать еду, скрываться и, тем более, вести партизанскую борьбу. Когда они вышли за продовольствием в населенный пункт, их схватили. В большинстве случаев экипажи сбитых врагом наших самолетов вылавливались местными полицейскими и фашистскими отрядами железногвардейцев.

Американские летчики, имея на руках румынские и другие деньги, а также карты, на которые наносились места дислокации партизанских отрядов в Югославии, Албании и Греции, успешно уходили к партизанам. Поэтому по сравнению с нашими в плен попало так мало американских летчиков, хотя американских самолетов было сбито гораздо больше.

Кстати, нельзя забывать, что в Бухаресте во время войны работали большие мастерские Форда по ремонту автомашин. Они ремонтировали военную технику Германии и тогда, когда США находились в состоянии войны против Германии.

Глава 5. В Югославии

Первой задачей после моего назначения стала подготовка работы в Крайове. Я уже был знаком с историей партизанского движения на территории Югославии. С первых дней оккупации народ здесь готовился к борьбе. Народные массы горячо откликнулись на зов Компартии, ставшей организатором народно-освободительной борьбы во главе с Иосипом Броз Тито. Тито имел солидную партизанскую подготовку, понимал, что борьба с оккупантами может быть эффективной только при поддержке народа, а также если сопротивление будет хорошо организовано и начнется внезапно.

Нападение Германии на СССР ускорило подготовку вооруженного восстания. Уже 27 июня 1941 года был сформирован Главный штаб народно-освободительных партизанских отрядов Югославии, который возглавил Тито.

4-го июля ЦК КПЮ принял решение о вооруженном восстании. 7 июля организованные и подготовленные партизанские отряды внезапно напали на оккупантов в Сербии и освободили от захватчиков значительную территорию. 13 июля одновременно по всей территории вспыхнуло восстание в Черногории. Итальянские оккупанты потеряли около четырех тысяч человек, и почти весь край был освобожден.

Сложнее, но тоже с участием русских, развивались события в Словении и Хорватии. Надо учитывать, что в это время немцы пытались осуществить свой блиц-криг в СССР, и войска Красной Армии, неся тяжелые потери, с боями отходили, не оправившись от внезапного нападения. К осени 1941 года фашисты сосредоточили в Югославии 80-тысячную армию, но ликвидировать партизанские отряды не смогли. Тяжелой была борьба народов Югославии. Только мужество и отвага партизан, широкая поддержка их народом и компетентное военное руководство партизанскими силами сорвали все попытки врага подавить сопротивление. Подробнее я расскажу немного позже.

НОАЮ

В ходе войны партизанские силы превратились в могучую Народно-освободительную армию Югославии (НОАЮ).

Обороняя освобожденную территорию, НОАЮ совместно с партизанскими отрядами вела боевые действия на контролируемой противником территории, нанося урон врагу, в

основном, минами различного назначения.

Партизанские отряды и НОАЮ создавались в очень сложных условиях. Оккупантам помогали вооруженные сербские четники и хорватские усташи. Сбежавшее из страны королевское правительство так же тормозило усиление НОАЮ. И все же США и Англия, а особенно СССР помогали НОАЮ вооружением и минно-взрывными средствами.

В период времени, о котором идет речь, НОАЮ насчитыва-ла около 400 тысяч человек и состояла из 15 армейских корпусов (50 пехотных дивизий) и 2-х оперативных групп, 16 отдельных пехотных бригад и 130 партизанских отрядов. При этом численность дивизий колебалась от 2 до 12 тысяч человек. НОАЮ не хватало оружия, особенно артиллерийского.

Глава 6. Беседы с Тито

В середине сентября 1944 года в город Крайова прибыл маршал Иосип Броз Тито.

Я о нем слышал уже много. Говорили о его мужестве и авторитете. Тито один из немногих крупных партийных работников, которые непосредственно действовали в тылу врага.

На Тито была маршальская форма. Выглядел он довольно молодым и энергичным, но мне показалось, что был чем-то недоволен.

Он вышел из автомашины, не обращая никакого внимания на находившихся поблизости людей, и отправился к себе.

Позже я был представлен ему руководителем нашей Военной миссии. Крепко пожав мою руку, Тито сказал по-русски.

— Наконец-то я воочию вижу Вас, Рудольфо! (Под этим псевдонимом меня знали в Испании). — Надеюсь, что наша совместная работа будет полезной. Можете, кстати, связаться с Вашим другом Иваном Харишем.

Он пригласил меня в свои апартаменты. Мы поднялись на второй этаж, где он жил со своей женой и ребятишками. Ранее дворец, в котором расположился Тито принадлежал высокопоставленному румынскому чиновнику, бежавшему вместе с немцами.

Этот особняк охранялся сотрудниками так называемой «десятки» — той, которая охраняла Сталина и его соратников. Позднее, когда Тито узнал об этом, он был явно озадачен.

Я видел как Тито тяготился приставленным к нему подразделением чекистов под начальством заместителя начальника охраны Сталина. Соратники Тито, которых я знал по войне в Испании, жаловались мне, что наши территории Югославии продолжали так оберегать Тито, что к нему можно было попасть только пройдя через советскую охрану. Тито тяжело переживал такую изоляцию и при встрече в Загребе в августе 1967 году вспоминая об этом, он говорил, что только избавившись от нашей охраны, смог спасти Югославию от насильственной коллективизации, которую ему навязывал Сталин.

В дальнейшем мы встречались в рабочем кабинете без переводчика. Тито хорошо говорил, по-русски, так как жил и учился в России.

* * *

Наедине Тито становился простым. Не давал почувствовать, разницы в званиях. Он живо интересовался особенностями партизанской борьбы в тех горных районах, в которых мне довелось действовать.

Как-то в одной нашей беседе, Тито высказался отрицательно о деятельности руководства румынской и венгерской компартий. Резкость его поразила меня.

— Нельзя руководить борьбой, сидя в Москве. Победу на блюдечке не получишь. Надо было организовать базы в горах и оттуда направлять всю деятельность. Такие горы есть и в Болгарии, и в Румынии, и в Чехословакии.

Немного выждав, я осмелился заметить:

— Но, товарищ маршал, ваш народ сражается против оккупантов, а Болгария, Румыния, Венгрия и Словакия были преданы своими правительствами и немцы находились там не на правах оккупантов, а на правах так называемых союзников.

— Не то говорите, полковник! Немецкие войска вступили в Румынию в качестве оккупантов еще 12 октября 1940 года, всего через 38 дней после прихода к власти Антонеску и установления фашистской диктатуры. А 1 марта 1941 года немецкие войска вступили в Болгарию. Только после того, как Германия оккупировала Венгрию, Румынию, Болгарию, Чехословакию и заставила капитулировать союзников на Западе, только тогда она 6 апреля напала одновременно на Югославию и Грецию, а через два месяца после разгрома этих предоставленных самим себе небольших стран, она напала на Советский Союз… — Он помолчал и продолжил, — Через полмесяца после нападения на Советский Союз, в начале июля, мы в Югославии уже подняли народ на вооруженное восстание, чтобы оттянуть часть гитлеровских полчищ на себя.

Мы понимали, что исход войны зависит от результатов сражений на советско-германском фронте, а поэтому спешили своими действиями в тылу врага оказать вам помощь. А что в это время делали другие? Кричали о преданности делу борьбы против фашизма, призывали к борьбе и… сидели за границей, а народ был предоставлен самому себе, второстепенным руководителям, которые действовали, оглядываясь на тех, кто сидел в комфортабельных гостиницах!

Вот и получилось, что болгары, венгры, румыны и словаки принимали участие не в борьбе против фашистских полчищ, а в войне против поднявшихся на вооруженную борьбу народов Югославии. В нашей стране тоже были предатели — четники, усташи и другие, но мы их изолировали.

Что меня поражало в Тито — это знание обстановки в тылу

противника. Мне приходилось присутствовать, когда ему докладывали о военных действиях. Он задавал вопросы или давал указания так, словно сам был там недавно. Прекрасно он знал и командный состав.

Когда я при одной из встреч рассказал Тито о группе Тищенко (о ней речь впереди), он заметил:

— Смотрю я на ваших партизан и радуюсь. Чудесные воины. — Он встал из-за стола. — А теперь, как работник штаба партизанского движения, скажите, а не лучше было бы штабы партизанского движения иметь не в Москве, не в тылу Красной Армии, а в тылу противника? Ведь у вас партизаны занимали такие огромные пространства, полностью освобожденные от противника, что там могли бы разместиться целые государства, вроде Албании или Бельгии. Вот там бы и быть штабам партизанского движения.

— У нас там и были областные штабы, оперативные группы республиканских штабов, наконец, подпольные обкомы партии.

— Почему подпольные? — удивился Тито. — У вас у власти одна коммунистическая партия, а в тылу врага такие огромные районы, занимаемые партизанами, что незачем им рисковать, уходя в подполье. Да из подполья труднее руководить. В подполье с собой радиоузел не возьмешь.

— Подпольными у нас называются обкомы в тылу врага, а фактически они находятся на освобожденных партизанами территориях, где восстановлена советская власть. Члены обкомов не скрывают своей партийной принадлежности перед партизанами и населением. Почти все они являются командирами и комиссарами соединений или отрядов.

— Я думал, что ваши обкомы, как в Болгарии, законспирировались в городах. Мы имели свое партизанское подполье в городах, но руководство вывели из городов в горы и поставили во главе партизанских отрядов, а потом и частей Народно-Освободительной Армии, — пояснил Тито.

К маршалу вошел Эдвард Кардель.[22]

— Надеюсь, я не помешал?

— Нет! Мы с полковником Стариновым беседуем о партизанской войне, вспоминаем о партизанах-интернационалистах. Югославы ведь тоже вели партизанскую борьбу в Испании, участвуют в партизанской войне во Франции, а советские партизаны вместе с нашими орлами воевали в Польше, Румынии, ныне действуют в Чехословакии и на оккупированной территории Югославии.

Особенно хорошо себя проявили советские партизаны в Словакии. Там они сыграли роль детонатора. Взрывчатка была:

народ и армия были против предательского профашистского правительства и, когда начали прибывать советские партизаны в Словакию, начались взрывы, народ восстал, восстала и армия.

— Замечательное восстание! — воскликнул Кардель.

— Мне товарищ Старинов рассказал, — продолжил Тито, — как они сохраняли опытные кадры партизан для боевых действий в Польше, Чехословакии, Румынии и Венгрии.

Меня восхищают рейды советских партизан, их удары по вражеским коммуникациям, а их борьба в тылу врага за рубежом вызывает не только восхищение, но требует глубокого изучения и освоения опыта.

* * *

В своей работе очень много приходилось встречаться с начальником штаба НОАЮ генералом Арсо Иовановичем. Это был исключительно обаятельный и работоспособный человек. В отличие от Тито, который якобы не замечал советскую военную охрану Арсо Иованович здоровался с ними. Мой контакт с Арсо Иовановичем был для меня весьма приятен, и я быстро решал все возникавшие вопросы.

Вршац

Вскоре после освобождения восточных районов Сербии, Тито с бывшей при нем частью Верховного штаба НОАЮ и наша Военная миссия перебрались на территорию Югославии в город Вршац. Это был чистенький городок, в котором жило до войны много немцев, но ко времени нашего приезда их не осталось ни одного.

Во Вршаце я впервые увидел полки Народно-Освободительной Армии Югославии, дисциплинированные, боеспособные, хотя и плохо одетые. А комендант города вообще ходил в рваных башмаках.

В подразделениях НОАЮ — у вчерашних партизан — имелось самое разнообразное оружие: итальянское, английское, болгарское, румынское, немецкое. У одних — винтовки, карабины, у других — автоматы, пулеметы и минометы, но недоставало боеприпасов. По пестроте вооружения легко было представить источники его пополнения: трофеи, остатки вооружения регулярной армии Югославии и помощь Советского Союза и союзников.

20 октября 1944 г. наши войска совместно с частями югославской армии освободили Белград.

Жители столицы, воины НОАЮ и бойцы Советской Армии радовались победе. Нельзя забыть здравицы в честь советских воинов, от всей души подхваченные присутствующими «живели русские войницы», «живела Црвена Армия».

Дружба между нашим и югославским народами имела глубокие корни, и советским войскам оказывали всемерную помощь.

Если нам требовались помещения, их предоставляли в тот же момент, с максимальными по тому времени удобствами. Мы чувствовали себя в Югославии как дома.

Если требовалось мобилизовать население и командование обращалось к местным жителям, то, как правило, их собиралось гораздо больше и намного раньше назначенного срока. Трудились они самозабвенно.

Трудно описать ту поистине волнующую картину, которая возникала на улицах городов и сел Югославии при появлении советских воинов. Приветствовать их выходило поголовно все население. Даже в небольших городках и селах народ заполнял все улицы.

Проходящие части Советской Армии народ забрасывал цветами. Стоило колонне наших войск остановиться, как гостеприимное югославское население окружало бойцов и командиров, им пожимали руки, обнимали и целовали их руки, девушки и дети преподносили цветы, часто цветами украшали орудия, боевые и транспортные машины.

— Друже! Друже! — восклицали югославы так проникновенно, что чувствовалось великое значение этих слов.

Особенно бурно выражали свою радость дети. Во время гитлеровской оккупации они всячески вредили фашистам, а теперь наперебой помогали советским воинам в уходе за боевой и транспортной техникой.

В конце октября 1944 года мне довелось присутствовать на одном митинге, стихийно возникшем в районе строительства паромной переправы через Дунай под Белградом. На митинге выступали командиры и политработники Советской Армии и югославы, которые на смешанном сербско-русском языке приветствовали наших воинов и клялись вести борьбу с врагом до полной победы. Митинг закончился пением советских и югославских песен. При этом местное население распевало «Катюшу».

После митинга в беседах с местным населением уже не в первый раз пришлось слышать такие афоризмы, как например:

— Советский Союз — родной брат и нас в обиду не даст.

— Нас с русскими 200 миллионов и нас никому не победить.

— Россия — наша мать славянская!

И поневоле вспоминалась старинная югославская пословица. «На небе Бог, на земле — Россия». Что здесь можно еще добавить?

Многие югославские патриоты показывали портреты Ленина, сохраненные ими во время фашистской оккупации страны.

Помощь союзников

Насколько хорошо относились югославы к нам, настолько холодно к американцам и англичанам.

Характерно, что американское и английское командование часто мешало нам в оказании помощи Народной Освободительной Армии Югославии (НОАЮ), чиня всякие препоны для того, чтобы мы не могли через базы, расположенные на занимаемой ими территории доставлять оружие и боеприпасы.

Сначала они снабжали Михайловича и его четников, по сути, боровшихся с партизанами. Д. Михайлович был даже назначен эмигрантским югославским представительством в Лондоне военным министром. Но, когда англичане поняли, что перспектив у последнего нет, и помощью четнику они только дискредитируют себя перед югославами, то стали помогать Югославской Народной Освободительной Армии. Сбрасывали ей большое количество взрывчатых веществ, что давало возможность проводить крупные операции по разрушению коммуникаций оккупантов, давали некоторое количество продовольствия, даже обмундирования, но плохо снабжали стрелковым и тем более артиллерийским вооружением. Они хотели иметь не сильную НОАЮ, а партизанские отряды, способные добывать разведывательные данные и совершать диверсии.

Снабжая югославов большим количеством взрывчатых веществ, союзники стремились руками югославов проводить значительно больший объем разрушений, чем нужно было для вывода из строя коммуникаций. И действительно, многие железные и автомобильные дороги, разрушенные самими югославами и американской авиацией, вышли из строя на столь длительное время, что некоторые из этих участков приходилось восстанавливать потом нашим войскам, а некоторые рокадные линии югославы не могли восстановить в течение 3–5 лет после окончания войны.

Англо-американские союзники, помогая НОАЮ, преследовали далеко идущие цели — поставить народное

хозяйство страны в возможно большую зависимость от помощи извне.

Негативное отношение югославов к союзникам в значительной мере объяснялось варварскими налетами авиации на югославские города. Эти бомбардировки наносили урон населению, народному хозяйству Югославии, и почти не причиняли вреда противнику.

О холодности отношения свидетельствует один факт. В ноябре 1944 года я ездил на аэродром в Земун. Находившиеся на нем горожане, ликвидировавшие разрушения, бурно приветствовали советских людей. Американские представители, прибывшие вместе с нами, буквально игнорировались местным населением, хотя ростом они были повыше. Ни одного приветствия в их адрес.

Представитель Военной миссии США прокомментировал это так:

— Вы братья по крови. Славяне. А мы и им, и вам помогали. Вы и на аэродром-то приехали на американской машине.

Белград

После освобождения югославской столицы Тито со своим штабом и наша Военная миссия переехали в Белград, Здесь мы расположились в королевском дворце.

Помещения были излишне роскошными. Экс-королева и члены королевской семьи, оставшиеся в живых, сами полностью себя обслуживали.

В первые недели после освобождения Белграда в нем недоставало продовольствия, не хватало угля, электричества, транспорт фактически не работал. Правительство не имело возможности предпринять какие-либо эффективные меры.

Тито приходилось работать в очень сложной обстановке. Война на освобожденной территории и в тылу противника сочеталась с работой по становлению новой Югославии, а тут еще внутренние подводные течения — так называемые союзники, которые в начале помогали врагам новой Югославии, боровшимся против народа с оружием в руках, а потом стали помогать королю и его ставленникам захватить власть в стране.

Работал Тито и рано утром, и поздно ночью. Потому-то он, возможно, казался многим нелюдимым.

Иван Хариш

Последний раз я видел его в конце октября 1937 года, когда отбывал на Родину.

Весной 1939 года Испанская республика пала. Почти вся ее армия попала в плен, за исключением 14-го партизанского корпуса. Основная его часть вышла на территорию Франции, где и была интернирована. Небольшая часть уплыла в Алжир и попала в СССР. В их числе был и командир 14-го партизанского корпуса уже подполковник Доминго Унгрия. Он нашел меня. Но я уже ничем не мог ему помочь и командир знаменитого корпуса вместо того, чтобы совершенствовать свои знания, стал работать слесарем на Харьковском тракторном заводе. При первой встрече с Доминго в 1940 году я поинтересовался судьбой Ивана.

— Наверное, в лагерях во Франции, куда вышли почти все бригады нашего корпуса, — ответил бывший комкор.

— В одну из наших встреч с Тито я поинтересовался судьбой советника и инструктора диверсионной бригады 14 партизанского корпуса республиканской армии Испании, бывшего моего переводчика Ивана Хариша.

На лице маршала засияла радостная улыбка:

— Он прославился своими диверсиями. Его даже прозвали Ильей Громовником за количество подорванных вражеских поездов и мостов.

— Этот неугомонный крепыш, — заметил я, — пустил под откос не один десяток вражеских поездов в Испании, и я не знаю ни одного случая, чтобы, пойдя на задание, он его не выполнил. Хотелось бы с ним встретиться.

— Это очень просто. У нас есть аэродром. Слетайте туда. А пока обменяйтесь с ним радиограммами.

Иван Хариш командовал специальным диверсионным соединением и по существу выполнял обязанности заместителя Главкома по диверсиям. Я связался с ним по радио.

Вообще получилась странная вещь: выехал я с генералом Корнеевым с целью поработать в тылу врага, но меня оставили исполнять обязанности начальника штаба. Только однажды я смог вырваться в тыл противника на встречу, но Хариш не смог прибыть на аэродром.

Рождение романа

Еще во Вршаце, мне доложили, что задержаны несколько человек, называвших себя украинскими партизанами. Их обезоружили, когда они самовольно заняли особняк и передавали шифрованные радиограммы. Командир группы — Тищенко

просил устроить встречу с Т. А. Строкачом.

Мне нужно было проверить действительно ли это партизаны. Войдя в помещение, где их содержали, я увидел хорошо откормленных, упитанных людей. Мысль о том, что они терпели лишения, не могла придти в голову, поэтому сомнения военных мне были понятны. Тем не менее, среди них были люди, которых я хорошо знал.

Оказалось, что группу забросили в Венгрию. Пять русских должны были соединиться с двумя венграми. Однако, венгры на сбор не явились. Русские же не знали ни языка, ни местности, но имели трехлетний стаж партизанской борьбы. Семьсот километров прошли по тылам врага в форме красноармейцев.

Первый день отсиделись в лесочке. Никто их не искал, а местные не выдали. Ночью решили идти в Югославию. Они знали о наступлении Красной армии.

Забрали взрывчатые вещества и мины. Вышли к дороге, устроили засаду. Навстречу ехал грузовик. Его остановили. Раздели водителей, отобрали документы, связали их и отвели в сторону. До рассвета не велели водителям обозначаться. Машина была полна колбасы. На дороге их никто не искал — глубокий тыл. Доехали до железной дороги. Переезд никем не охранялся. Проехали немного и вернувшись к переезду заложили две мины замедленного действия, которые должны были взорваться через 3–4 дня. Поехали дальше. Начиналась гористая местность. Вытащили из машины все, что нужно, в том числе колбасу. Машину спустили под откос.

Переночевали опять в лесочке. Обошли стороной населенный пункт. Вышли на дорогу и опять стали ловить машину. Повезло и на этот раз. Захватили легковушку. Сюда не все поместилось. Пришлось ловить еще одну. Связав пассажиров и отобрав документы, двинулись на юг. Следующий железнодорожный переезд опять заминировали.

Погони за собой не замечали, хотя знали, что ищут. Выручали МЗД. Уж очень умные мины. Они взрывались тогда, когда группы уже и след простыл. Сутки-двое, а если надо, то и неделю по ним проходили поезда, а они все выжидали, а когда поезд летел под откос, группа находилась уже там, где никто и не думал искать.

На дорогах появилась охрана. Пришлось идти пешком по азимуту. Продукты кончились, а взрывчатки поубавилось.

Зашли в село к помещику. Сказали, что высадился красный десант. Потребовали десять овец. Выйдя из села, овец распустили, оставив одну.

Через месяц вышли, наконец, в Крайово, где действовала

Красная армия. Здесь их и взяли.

Вопросам не было конца. Я поинтересовался:

— Скажите, когда вам приходилось труднее в тылу врага: в начале войны на своей территории или в 1944 году в Румынии?

— Конечно, самым трудным оказалось начало войны и потому, что противник был опытный и сильный, а мы не имели ни опыта, ни знаний. Многие гибли. Обидно вспоминать, как в начале войны партизанили в тылу: не знали методов и приемов, не имели техники.

В отрядах было много командиров, вышедших из окружения, но и они не умели действовать в тылу врага.

Самое важное, что везде находились люди, которые стремились помочь.

— Эх, если бы мы так были подготовлены в начале войны, как перед выброской в Венгрию, сказал Фалков, — то на своей территории могли бы уже в первые недели бить врага, минировать дороги и пускать под откос поезда и тогда много сил пришлось бы немцам отвлекать на охрану коммуникаций. Вот это было бы посильней второго фронта. Но в начале войны мы не имели нужных навыков и средств и гонялись за отдельными полицейскими, а за нами гонялись обученные каратели.

— Конечно, мы понимаем, что на своей территории не планировали воевать, — добавил Тищенко, — но, к несчастью пришлось. В начале войны среди партизан объявилось много специалистов, но не было командиров, которые бы знали партизанскую тактику, диверсионную технику, а именно они и были нужны. Впервые они у нас появились только через полтора года.

Позвонил телефон и разговор прервался.

На следующий день я получил радиограмму Строкача:

> «Старинову. Приветствую. Сообщите, где вы и что делаете, как и в каких целях хотите использовать Тищенко, повторяю, Тищенко? Меня интересует южная Венгрия, повторяю, Венгрия. Прошу организовать набор Тищенко хороший отряд и направить в Венгрию — это будет замечательно и вашим вкладом в дело начатого нами партизанского движения остальных стран. Жму руку. Жду ответа.
>
> *Строкач. 11.00.22.9.44 года».*

К этому времени у меня были исключительно большие возможности забросить группу в Венгрию и на самолете, и через линию фронта, в которой были большие бреши.

Однако выполнить просьбу Строкача я не смог. Некоторые работники из хозяйства Берии проявили по отношению к этой группе особую «бдительность».

— Товарищ полковник, кто вам разрешил держать при нашей миссии этих диверсантов и кормить их без аттестата, — таинственно обратился ко мне некто Гавриков.

— Вы же знаете, что они выброшены в тыл противника Украинским штабом партизанского движения. Надо помочь им попасть по назначению. Вот радиограмма Строкача, — и я показал ее Гаврикову.

— А почему они сразу не пошли «по назначению» в Венгрию, а оказались в нашем тылу и как раз в месте дислокации нашей миссии?

— Ошибка и неудача десантирования, — ответил я.

— Мы не можем вблизи нашего штаба иметь радиопередатчик у неизвестных людей, — раздраженно сказал Гавриков.

— То есть как неизвестных! Я знаю лично всю группу, а некоторых из них даже обучал. Это же подтверждает и Строкач.

— Это нас не интересует. Я получил указание забрать радиостанцию, — прервал меня Гавриков.

У партизан вновь отобрали приемник, а без средств радиосвязи выбрасывать их было невозможно. Я обратился к более высокому начальству. Оно оказалось разумнее и разрешило оставить группу при штабе Советской военной миссии в Югославии. Эта боеспособная группа, численностью всего в 7 человек, фактически была единственной реальной силой, которой располагала миссия.

Воевали мы с ними вместе. Это был основной костяк штаба. Тито их очень любил. Он все удивлялся как они шли по Венгрии не зная языка.

То что произошло с ними, то, что испытал я позднее легло в основу романа, который я написал в дни вынужденного «безделья» гораздо позже.[23]

«Русский» батальон

Несмотря на то, что Югославия находится на расстоянии многих сотен километров от границ Союза, немало наших граждан вело борьбу с врагом на ее территории. Многие из них, угнанные немецкими оккупантами на каторгу, а также военнослужащие советской Армии, попавшие в плен к противнику, бежали из лагерей, расположенных в Австрии и на

севере Италии, выходили на территорию Югославии, зная, что там действуют части Народной Освободительной Армии и партизанские отряды.

Население Италии и Югославии всячески помогало советским гражданам, бежавшим из фашистской неволи, и выводило их в расположение партизанских отрядов и частей НОАЮ.

В частях НОАЮ находились и русские, которые в свое время покинули Советскую Россию, как офицеры Белой армии.

Однажды я встретил бывшего офицера корниловского полка. Мы в 1919–20 годах сражались в разных лагерях: я — в Красной Армии, он — в белой. Вместе с Врангелем эвакуировался из Крыма и осел в Югославии. В годы Второй мировой войны, немцы начали формировать подразделения из бывших белогвардейцев. Вызвали и его. Сначала поручик Петр Свечин дал согласие, но поразмыслив, ушел к партизанам, а жена его стала хозяйкой конспиративной квартиры. После войны он как реликвию хранил Красную звезду партизана. Я был у него на квартире. В вазе он хранил русскую землю.

Особенно меня интересовали действия «русского» батальона под командой Анатолия Игнатьевича Дьяченко. А. И. Дьяченко, учился в Харьковской партизанской школе у Максима Константиновича Кочегарова, участвовал в партизанской борьбе на Украине. После того, как отряд в неравном бою был рассеян, Дьяченко пытался выйти в тыл Красной Армии, но его схватили, и он очутился в лагере военнопленных в Италии.

Ему с группой удалось бежать. Опыт и знания Дьяченко весьма пригодились. В начале 1944 года он командовал русским партизанским батальоном в составе 18-й ударной бригады НОАЮ. Этот батальон вырос из роты до 400 человек, пополняясь за счет таких же беглецов. У него на вооружении кроме винтовок и автоматов находились ручные и станковые пулеметы, ПТР, ротные и батальонные минометы.

Весть о делах советского (русского) батальона разносилась не только по Словенскому Приморью, но и за его пределами. В составе 18-й бригады он успешно совершал рейды даже по северо-западным районам Италии.

Опыт действий советского партизанского батальона, выросшего в ударную бригаду на территории Югославии и Италии, показал, как велики были возможности в борьбе с врагом в его тылу.[24]

Приемы

Настоящим бедствием для меня стали приемы, устраиваемые Военными миссиями Англии, США, СССР. Чего стоила одна только подготовка к этим приемам. Я уже не говорю о том, как надо было ловчить, чтобы поменьше пить.

Я пил мало и только тогда, когда уже совсем нельзя было отказаться, прибегая к различным ухищрениям, чтобы вместо спирта пить минеральную воду.

В Белграде на одном из таких банкетов, устроенном Тито, я оказался вместе с сыном Черчилля, который все удивлялся, что я не пью водку.

Первый тост. Я выпил меньше половины бокала и сразу долил минеральной водой. Второй тост я запивал разбавленной водкой. Потом долил в бокал еще минеральной воды.

— Полковник! Все пьют водку, коньяк и вино. Вы комбинируете и уклоняетесь от выполнения своего гражданского долга. Видите, я выпиваю свой бокал полностью, — заметил Рэндольф Черчилль.

— Свою норму я выпил, — ответил я.

— Что за счеты, было бы охоты, — ответил он и тут же налил водку себе и мне.

Слева от меня сидел заместитель начальника Советской миссии генерал-майор Мельников, спокойный в самых трудных условиях, обаятельный, чуткий и знающий начальник. У него можно было поучиться такту в обращении с иностранцами. Я налил ему в бокал минеральной воды, а потом поменялся с ним. Не знаю, заметил ли он, но Черчилль не заметил.

Кто еще тяготился приемами, так это начальник Верховного штаба НОАЮ генерал Арсо Иованович.

— Сегодня опять прием и опять бессонная ночь! — как-то посетовал он.

С Арсо Иовановичем мне приходилось много работать, так как оба мы были начальниками штабов. Нам необходимо было лучше чем кому-либо знать обстановку в тылу противника, разрабатывать планы операций, оказывать помощь материальными средствами, составлять сводки донесений.

В Москву

В середине ноября 1944 года меня и начальника миссии генерал-лейтенанта Николая Васильевича Корнеева отозвали в Москву. В Югославии мы сильно проштрафились: Корнеев передал часть имущества, захваченного армией штабу Тито. Об этом было доложено куда следует. Так что пребывание мое в

Югославии было непродолжительным. Мы с Корнеевым остались без работы.

Выехал я из Белграда в Будапешт, избрав такой маршрут, чтобы проехать по местам наибольшей активности партизан.

Через несколько лет после войны (1948) наступил период, когда Сталин обвинил Тито в измене. Начались репрессии. Меня спасло от возможных тяжелых последствий только то, что Тито не успел меня тогда наградить.

Вернувшись в Москву я поступил в распоряжение Разведуправления Министерства обороны. Начальник Управления со мной даже не разговаривал после нашей «промашки». Меня вызвали в Главное управление кадров. Здесь меня принял маршал Филипп Иванович Голиков,[25] который был также недоволен нашей работой.

— Не выполняя точных директив, вы проявляете излишнюю торопливость.

Был конец ноября 1944 года. Наши войска освободили весь Советский Союз.

— Куда же Вас направить? Вы опоздали. Все должности заняты. Партизанской войной вам заниматься уже нечего. Тут, понимаете, штабы сокращаются. Есть запрос главного дорожного управления на опытных минеров, которые должны заниматься разминированием в тылу наших войск. Короче, наши войска прошли, а в тылу осталось большое количество немецких мин. Они продолжают взрываться и наносить урон. Вот организуйте себе такую команду и идите в распоряжение начальника дорожных войск.

Так поздней зимой сорок четвертого года получил назначение в Главное дорожное управление Советской Армии для организации разминирования автомобильных дорог на территории Германии к Кондратьеву Захару Ивановичу (начальник дорожно-транспортного управления).

Глава 7. Разминирование: найти и обезвредить

Минная война

Война в Испании показала исключительно высокую эффективность применения мин различного назначения в тылу противника. В результате тщательно продуманных и соответствующим образом обеспеченных операций противнику наносился значительный ущерб практически без потерь для партизан-диверсантов. Будучи начальником Центрального научно-испытательного полигона РККА в 1938–1939 годах я уделял большое внимание минно-взрывным заграждениям на железных дорогах и их разминированию. С этой целью велись экспериментальные работы по улучшению минно-взрывных средств и их установке, по обезвреживанию мин вероятного противника. На полигоне в это время сложился костяк минеров-заградженцев, таких как Баркарь, создавший специальный механизм для поточного подрыва рельсов. Одновременно совершенствовались средства для минирования войсками и партизанами: противопоездные мины, угольные мины и пр. Все это нам потом очень пригодилось.

По мере освобождения нашей территории от врага усилилась минная война. Гитлеровцы минировали пути, мосты, станционные устройства, другие железнодорожные объекты, а также устроенные завалы и даже открытые подступы к важным объектам. На каждом шагу наших воинов, особенно восстанавливавших пути сообщения, подстерегала опасность. Хитроумные минные устройства противник устанавливал против советских диверсантов, а потом и против поездов. Очищение от мин освобожденных железных дорог и близлежащей полосы устроенных противником заграждений стало одной из важнейших задач.

В начале Великой Отечественной войны разминированием железнодорожных участков занимались минеры частей, которые их восстанавливали. Для этого с переходом на штаты военного времени в составе путевых и мостовых батальонов были созданы минно-подрывные взводы (МПВ) в составе 28–36 человек, а батальонах других специализаций появились отделения минеров, состоявшие из 8 человек.

Однако уже первые месяцы войны показали, что для

успешного решения задач по минированию и разминированию железных дорог штатных минеров было недостаточно. Поэтому в начале 1942 года почти во всех железнодорожных частях были созданы нештатные минно-подрывные взводы или отделения. Они почти вдвое увеличили состав минно-подрывных подразделений железнодорожных войск.

В Главном управлении военно-восстановительных работ (ГУВВР), Управлениях военно-восстановительных работ (УВВР), и Управлении железнодорожной бригады вопросами разминирования занимались отделы заграждений. В их составе были очень опытные специалисты, которые совершенствовали способы разминирования, составляли описания устройства различных образцов немецких мин и взрывателей, разрабатывали методы их обезвреживания. Все это очень помогало минерам частей разбираться в секретах минной техники противника. Так, например, начальник отдела заграждений УВВР-3 военный инженер 2-го ранга В. С. Онуфриев и его заместитель капитан П. А. Фролов, которые приобрели саперный опыт в октябре 1941 года разработали инструкцию по минированию и разминированию железных дорог, которая стала руководством и для минеров других фронтов. На ее основе ГУВВР разработало «Инструкцию по технике минирования и разминирования железных дорог», которая была издана и направлена в железнодорожные части в 1943 году.

Работа минера

Работа минера особая. Она сопряжена с немалым риском. Недостаток мастерства, пренебрежение к правилам разминирования вело к тяжелым последствиям. Именно по этим причинам только за один месяц осени 1943 года было потеряно 50 саперов на разминировании только железнодорожных участков.

Проиллюстрируем это работой минеров, получивших саперный опыт в нашей школе Оперативно-учебного центра (ОУЦ) в 1941 году. Капитан Ю. В. Аксенов в составе минно-подрывного взвода 60-го железнодорожного батальона разминировал стальные магистрали с августа 1942 года до Дня Победы. «Фашисты — вспоминал он, — отступая, сжигали все, а что не горело, взрывали и минировали. Работы для саперов хватало…».[26]

Даже на чрезвычайно разрушенных перегонах, мостах, станциях противник устанавливал мины с целью максимального

затруднения восстановительных работ. Минировалось земляное полотно, даже полоса отвода. Особенно сильно противник минировал железные дороги в районе переднего края своей обороны. Большое количество различных мин с «сюрпризами» устанавливались на подходах к мостам, возле различных сооружений, на дорогах, ведущих к ним.

На перегоне железной дороги Лиозно-Витебск Ю. Аксенову и его боевым товарищам предстояло провести минную разведку и расчистить подходы к трубе под железнодорожным полотном. Выполнение задачи осложнялось тем, что участок был на виду у врага. Стоило появиться саперам на насыпи, как начинался минометный обстрел. Поэтому саперы работали по-пластунски.

Сначала проделали проход, обезвредили противопехотные мины и произвели разведку трубы. Повреждений особых не обнаружили. Пробовали прослушать звуки работы часового механизма фугаса замедленного действия. Полная тишина. И все-таки чутье минера и весь предыдущий опыт подсказывали: мина должна быть рядом: не могли гитлеровцы оставить сооружение целым, без «сюрприза».

Сверху, над трубой копать невозможно, немцы начеку. Решили вскрывать ее сбоку, с северной стороны, где саперов было труднее заметить врагу. Три дня впятером долбили мерзлую, крепкую как сталь, землю. Наконец показался колодец, обшитый тесом, в котором саперы нашли две противотанковые мины и три ящика с толом. Аксенов осторожно обезвредил головной взрыватель, затем — боковой, а вот над третьим, донным, пришлось крепко подумать. Он оказался с ловушкой, рассчитанный на саперов. Однако и с ним наши воины справились. Железнодорожное полотно в этом место было спасено.

Зимой 1942–1943 года немецко-фащистские войска стали применять для минирования железных дорог мины замедленного действия (МЗД), которые устанавливались в основном у искусственных сооружений, за устоями мостов и на подходах к мостам, в насыпях у водопропускных труб, в горловинах станций и в различных станционных сооружениях, а также в земляном полотне на перегонах и станциях.

В начале марта 1943 года наши части выбили противника из Вязьмы. Команда технической разведки, которой командовал офицер А. Бутенко, по приказу командира 1-й железнодорожной бригады полковника А. С. Дугина, прибыла на этот крупный железнодорожный узел, чтобы выявить степень его разрушения.

При обследовании обнаружили, что на станции Вязьма и в ее окрестностях все постройки уничтожены немцами. «Эта картина

поразила нас, — вспоминал полковник в отставке А. Бутенко. — Кругом тишина, лишь хрустит под ногами битое стекло, да свистит в развалинах ветер. Сиротливо стоят закопченные печные трубы. Станционные пути разрушены. Особенно сильно подорваны стрелочные переводы, линии связи».

Среди ночи в районе бывшего вокзала глухо громыхнуло. Утром военные железнодорожники обнаружили на одном из путей свежую воронку диаметром около 4-х метров. «Возник вопрос — откуда, — пишет А. Бутенко, — она взялась. Самолетов в районе Вязьмы ночью не было. Фронт ушел на запад. Сделали вывод — взорвалась мина замедленного действия. Необходимо срочно обнаружить остальные скрытые фугасы. Как это сделать? Щуп — основной инструмент для обнаружения мин применить невозможно. Весенние морозы сковали балласт до прочности бетона. Миноискатель тоже бесполезная штука: на путях и вокруг них слишком много металла».

К полудню выглянуло солнце и резко потеплело. Снег и лед растаяли буквально на глазах. И тут опытные саперы заметили, что в некоторых местах поверхность балласта просела и со всеми предосторожностями приступили к работе, начали рыть котловины для обнаружения минных устройств. Вдруг прогремел взрыв. Над одним из котлованов встал черный столб земли, в воздух взлетели обломки рельсов и шпал. Двое саперов погибли.

На месте взрыва бойцы обнаружили фигурный кусок пластмассы коричневого цвета. Это была часть корпуса невиданной раньше мины. Вновь приступили к работе. Трудились с утроенным вниманием: ножами взрыхляя грунт, разгребая руками мерзлые комья земли. Через несколько часов минеры извлекли мину с часовым механизмом в пластмассовым корпусе и около 20 килограммов взрывчатки. Обезвреженная вражеская мина совершенно новой конструкции с донесением о происшедшем была немедленно направлена в штаб бригады. Как оказалось позднее, таких хитроумных ловушек гитлеровцы устроили немало. Способ борьбы с ними был найден своевременно. Заметим, что у немцев, слава Богу, не было таких замедлителей как замедлители М. Файнберга, созданные в начале войны и широко нами применявшиеся, начиная с Харьковской заградительной операции.

Большинство обнаруженных мин замедленного действия имели 231-суточный часовой механический взрыватель. Реже применялись химические взрыватели, однако с целью затруднения обезвреживания мин немецкие саперы применяли ручные гранаты, взрыватели натяжного действия, терочные воспламенители и другие устройства. Величина зарядов МЗД

колебалась от 50 до 2500 кг. В качестве зарядов нередко использовались не только различные взрывчатые вещества, но и авиабомбы, артиллерийские снаряды, противотанковые мины и другие боеприпасы.

Мост через Торопу

С миной, в которой был установлен химический взрыватель, довелось встретиться старшему лейтенанту Н. Потатуркину зимой 1943 года. А случилось это так.

Удар наших войск был неожиданным и стремительным. В спешке, оставляя вооружение и технику, гитлеровцы отошли. Не взорвали они и мост через речку Торопу. Но саперы, шедшие в голове технической разведки, понимали, что противник мог его заминировать. Эта уверенность укрепилась, когда от местных жителей узнали о том, что перед самым отступлением фашисты проводили на мосту какие-то работы.

Выяснить обстановку на мосту решил командир разведчиков старший лейтенант Н. Потатуркин. И вот вместе с четырьмя бойцами он тщательно осмотрел каждый метр моста, каждое углубление: что и говорить, немцы умели производить скрытое минирование. Поэтому приходилось работать с особой осторожностью. Главное — проверить опоры. Офицера обвязали веревкой и спустили вниз, прямо на лед. Под первой опорой зарядов не оказалось. Обследовал вторую, третью… И вот, наконец, обнаружил, что искал. Полтонны тола было сложено в ящиках под центральной опорой. Взрывателей нигде не обнаружил. Это обрадовало. Потатуркин осторожно поднял первый ящик. Кажется никаких проводов нет. Значит в нем только взрывчатка. Бережно, как самую дорогую вещь, перенес его. Главное — не торопиться. И вдруг заметил сизый дымок, выползающий из щелей, такой безобидный и мирный с виду. «Меня словно жаром обдало, — вспоминал полковник в отставке Н. Потатуркин, — химический взрыватель! Как это я сразу не догадался, теперь — поздно. Еще несколько секунд и… Нет, сдаваться еще рано. Надо действовать. Открыл крышку, нащупал взрыватель. Плавящаяся металлическая пластинка на исходе. Еще секунда — и цепь замкнется. Но взрыва не последовало: успел отсоединить взрыватель».

Тогда, зимой 1943 года, за успешное разминирование моста через речку Торопа старший лейтенант Н. Потатуркин был награжден орденом Красной Звезды.

МЗД немецкие саперы устанавливали, как правило, в

вертикальных колодцах, причем качество установки зависело от конкретных условий. При заблаговременной подготовке они устанавливались в колодцы глубиной до 4, 5 метров небольшого поперечного сечения и тщательно маскировались.

Для лучшей маскировки МЗД часто устанавливались у разрушенных устоев мостов, в воронках от авиабомб. В обломках разрушенных сооружений. Особенно хорошая маскировка достигалась при установке мин до разрешения участка, а в некоторых случаях — с применением двухъярусного расположения мин.

В качестве противопоездных мин мгновенного действия противник использовал противотанковые мины, устанавливаемые непосредственно под рельсами. Во многих случаях такие мины для повышения разрушительного действия соединялись детонирующим шнуром с мощным зарядом взрывчатых веществ, расположенным, например, за обратной стенкой устоя мостов. Подобная топорная установка мин немцами была прекрасным подарком нашим минерам: такие мины просто невозможно было не найти.

С целью поражения диверсантов, проникающих на железные дороги противника, на многих участках применялись противопехотные мины-«сюрпризы».

До 1943 года в большинстве случаев каждый МПВ разминировал участок своего батальона, а после этого использовался на других работах. Это приводило к максимальному использованию сил минеров, так как в это время соседний батальон не мог полностью развернуть восстановительные работы из-за того, что его МПВ встретился с очень большим объемом работ по разминированию. Да и подготовка МПВ к предстоящему разминированию велась слабо из-за того, что в подготовительный период взвод отвлекался на другие работы.

Поэтому требовалось перестроить организацию работ по разминированию железнодорожных участков. В начале 1943 года руководство работами по разминированию было сосредоточено в штабе бригады. Все штатные МПВ или большая их часть на период наступления наших войск сводились в нештатные отряды разминирования и передавалась в оперативное подчинение отделению службы заграждения бригады, которое непосредственно руководило разминированием всего бригадного участка. Начальником такого отряда обычно назначался один из офицеров службы заграждения. Отделение службы заграждения заранее планировало работы по разминированию, распределяло участки между МПВ, в случае надобности осуществляло маневр

имеющимися силами, чем обеспечивало отыскание минных полей и отдельных мин, обезвреживание или уничтожение их, уборку различных взрывоопасных предметов.

В совершенствовании работ по разминированию многое дала предварительная подготовка минеров. Накануне летне-осенней кампании 1943 года в Москве прошли сборы офицеров-минеров, подобные же сборы были проведены в бригадах и управлениях военно-восстановительных работ фронтов.

Минные поля

Полученные знания очень пригодились, когда в конце лета 1943 года железнодорожные батальоны встретились с массовыми минными заграждениями. Так было в районе рек Северный Донец, Миус и Самбек. Мины устанавливались немецкими саперами ранней весной и к лету заросли густой травой, что усложняло их поиск.

Особенно сжатые сроки были установлены для ликвидации минных полей у моста через реку Самбек. Его восстановление задерживало движение поездов на всем участке. Поэтому для его разминирования были выделены МПВ сразу четырех батальонов.

Саперы вели поиск мин, передвигались ползком или на коленях, ножами и ножницами вырезая высокую траву, а затем щупали, проверяя каждый квадратный дециметр площади. Попытка выжечь растительность не удалась — сочная молодая трава не возгоралась. Неэффективными оказались и приемы массового обезвреживания минного поля — боронование, перекатывание катками. Применению миноискателей мешала все та же буйная растительность. Организация работ была несложной: каждый взвод получил свой район для разминирования, а во взводе каждой паре минеров нарезались полосы шириной в 2–3 метра. Таким образом, в течение 6 дней у моста было снято свыше 4 тысяч мин.

В подобных условиях оказались и минеры 23-е железнодорожной бригады, которые с 4 по 15 сентября 1943 года разминировали участок Ворошиловоград-Родаково. Железнодорожное полотно в этом районе пересекало четыре комбинированных минных поля наших войск и три минных поля противника.

Так же как и на Самбеке, мины заросли травой, проволока и взрыватели заржавели и сделались незаметными. Усложняло разминирование и разнообразие применяемых мин.

Поэтому перед началом работ была проведена командирская

разведка. В ходе ее офицер устанавливал размер минного поля, его направление, схему минирования, тип мин. На основе этих данных минерам определялись задачи и назначались объекты для разминирования.

Первыми продвигались два-три минера, которые обезвреживали линию натяжения мин. Вторыми шли самые опытные саперы, которые вели поиск мин с усиками. Они осторожно перебирали траву руками и, обследовав метровую полосу, расширяли ее до 20–30 метров. В густо заросших местах трава сплошь выпалывалась. Найденная мина ставилась на предохранитель и обозначалась вешкой. Убедившись, что на определенном участке все мины зафиксированы, приступали к их сдергиванию кошкой. Работали саперы напряженно и за 10 дней обезвредили 10 300 различных мин. И не понесли потерь.

В среднем темп разминирования достигал на один взвод 6 километров в сутки. В районах, где отсутствовали минные поля, взвод двигался со скоростью 15–10 километров. Минные поля оборонительных рубежей значительно задерживали минеров. В таких случаях 2 километра пути разминировались в течение 5–10 суток.

Минная разведка

Работе по сплошному разминированию предшествовала минная разведка. Она всегда проводилась при освобождении железнодорожных участков большого протяжения с целью установления общего объема и характера минирования, а также для того, чтобы воспользоваться сохранившимися демаскирующими признаками мест установки мин. Зачастую минная разведка выполнялась минерами из команд технической разведки. В этих случаях они имели постоянную связь с командирами минно-подрывных взводов. Но обычно МПВ для ведения минной разведки выделял команду в составе 4–5 саперов.

Они осуществляли разведку следующим порядком: по оси пути шел старший команды и осматривал верхнее строение пути, земляное полотно, вел записи, нанося километраж, к которому привязывал обнаруженные минные поля.

Одновременно он руководил движением и работой остальных минеров-разведчиков, которые двигались на определенном удалении от земляного полотна, производя осмотр предметов и местности. Опрашивались местные железнодорожники и жители. Их сообщения часто оказывали значительную помощь при определении границ минных полей.

Работа взвода по разминированию пути и полосы отвода велась следующим образом. Одно отделение продвигалось по железнодорожному полотну и два — по бокам в полосе отвода, включая линии связи. Каждое отделение делилось на три звена. Первое из них вело поиск мин и их обозначение, второе обезвреживало их, а минеры третьего звена собирали, считали, а при необходимости уничтожали мины. Полоса, обследуемая одним минером, не превышала двух метров. В отделении, обследовавшем железнодорожное полотно, специально выделялись минеры и для поиска мин с поездными замыкателями.

Особенно тщательно велся поиск мин замедленного действия — МЗД. Специально выделенные группы опытных саперов осматривали земляное полотно, в местах возможной установки МЗД рылись контрольные ровики, траншеи и шурфы. Зачастую обследованные участки подвергались контрольной обкатке.

В некоторых случаях, когда при сплошном разминировании участков не представлялось возможным из-за снежного покрова или по другим причинам ликвидировать все мины, а также при взрывах мин на уже проверенных участках и объектах, проводилось повторное их разминирование.

Форсирование Днепра

Сложные задачи по разминированию железнодорожных объектов были выполнены при форсировании Днепра. К нему железнодорожные войска вышли в 7 пунктах с 13 железнодорожных направлений. На всех этих направлениях для минной разведки и разминирования было сосредоточено до 80 МПВ.

Но вопреки ожиданиям на подходах к Днепру враг значительно меньше применял тактическое минирование. Более широко было произведено специальное железнодорожное минирование. Так, на подходах к Запорожью за устоями разрушенных мостов были обнаружены мощные фугасы, соединенные детонирующим шнуром с противотанковыми минами, установленными в качестве поездных.

Минеры-гвардейцы на направлении Пологи-Запорожье, ни на километр не отрываясь от передовых частей, работали в зоне ружейного и пулеметного огня противника. В Запорожье они вошли в день его освобождения. Дарница была освобождена к вечеру 29 сентября 1943 года, а утром 30-го минеры 19-й железнодорожной бригады уже вели разминирование Киевского

железнодорожного узла. В его пределах было снято 87 мин-«сюрпризов» и 10 противотанковых мин, более 600 накладных зарядов и около 100 фугасов. При повторном поиске мин с применением специально обученных собак никаких элементов минирования на территории Киевского узла не было обнаружено.

С более сложной системой минирования встретились саперы на Запорожском узле. Здесь противник применил в значительном объеме специальное железнодорожное минирование. На 11 мостах узла была обнаружены поездные мины, состоящие из фугаса, установленного за устоем, и противотанковой мины, установленной под шпалой и соединенной с фугасом детонирующим шнуром. Мины были тщательно замаскированы и их обнаружили только при повторном осмотре.[27]

Противник нередко применял при минировании элементы неизвлекаемости и другие «сюрпризы». Так, при отрыве траншеи у одного из мостов под шпалой была обнаружена противотанковая мина. При попытке ее обезвредить саперы установили, что помимо элемента неизвлекаемости от боевого взрывателя в тело насыпи уходил детонирующий шнур. Осторожно откопав его, минеры обнаружили за устоем заряд взрывчатых веществ, который также был снабжен элементом неизвлекаемости. После этого минеры провели проверку всех уцелевших и разрушенных искусственных сооружений и обнаружили еще 10 подобных установок.

Ошибка сапера при обезвреживании мины могла стоить ему жизни. Десятки жизней могла стоить не обнаруженная им на железной дороге мина.

В марте 1943 года 3-й отдельный мостовой железнодорожный батальон 26-й железнодорожной бригады готовился к восстановлению стратегически важного железнодорожного моста через реку Осугу.

В первую очередь, за дело взялся МПВ батальона, который, кстати говоря, перед этим участвовал в разминировании железнодорожного участка Ржев-Вязьма. Взвод обследовал всю территорию в районе расположения моста, мест дислокации батальона, путей подвоза техники и материалов, при этом были обнаружены и обезврежены десятки фугасов, в том числе особенно мощных, с весом зарядов до тонны и более, несколько сотен различных мин. Два больших фугаса обнаружили и обезвредили в насыпи близ моста. Тщательные поиски других результатов не дали.

Мост был большой — общей длиной 88 метров и высотой 22 метра. Его вывели из строя, взорвав пролетное строение и

частично разрушив оголовки обоих береговых устоев. В результате отверстие моста оказалось загроможденным остатками металлического пролетного строения, глыбами камня и льда. Поэтому работы по восстановлению начались с расчистки русла.

«20 марта 1943 года стояла хорошая, ясная погода, — вспоминает бывший военный инженер третьего ранга, командир подразделения, восстанавливающего мост через реку Осугу, П. М. Кузин, — у всех военнослужащих в эти дни было приподнятое настроение, вызванное начавшимся наступлением Западного фронта, сообщениями об успехах на других фронтах, недавним награждением орденами и медалями 39 человек личного состава за досрочное восстановление моста через Вазузу. Возле моста находились почти все бойцы батальона. В этот момент прогремел мощный взрыв.

Когда рассеялся дым, тем, кто находился на возвышенном берегу со стороны деревни, открылась страшная картина: вместо противоположного берегового устоя были видны только остатки фундамента, бетонные глыбы, гранитные блоки, лежащие бесформенными нагромождениями. Комья смерзшейся земли чернели на откосах насыпи, берегу и на льду возле моста. Перевернутый и затонувший валялся на льду копер.

Десятки неподвижных или корчившихся тел лежали на льду и по берегам реки. Сотни других, как в потревоженном муравейнике метались в разные стороны. Раздавались стоны, крики о помощи».[28]

Личный состав сразу же после случившегося был удален из района моста. И вскоре после этого произошел взрыв у второго устоя. Никто из людей от него не пострадал.

Всего же в тот день погибшими, ранеными и тяжело контуженными батальон потерял по численности целую роту. И это не считая тех, кто с травмами отказался госпитализироваться.

Рассматривая проблему взрывов фугасов на Осуге, необходимо рассеять естественно возникающее недоумение по поводу того, что минеры, несмотря на тщательное обследование местности, не обнаружили фугасов. Нет никаких оснований сомневаться в их добросовестности. Дело в том, что немцы, взрывая мост, искусно замаскировали места минирования, нагромождением гранитных блоков и глыб земли. Не могли обнаружить опасность и миноискатели, ибо фугасы были не только заложены в насыпь на большой глубине, но и скрыты за обратными стенками устоев.

В 1943 году на долю 26-й железнодорожной бригады приходилось 22 % обезвреженных железнодорожными войсками

МЗД. 91 % из них был найден по демаскирующим признакам, 7 % — отрывкой контрольных траншей и 2 % — по показаниям местных жителей.[29]

Большинство МЗД противник ставил на подходах к сохранившимся и частично или полностью разрушенным искуственным сооружениям, в горловинах станций, под фундаментом служебно-технических зданий, которые после минирования разрушал.

Всего за период войны противник установил на железнодорожных объектах 347 МЗД. Из них было найдено и обезврежено 281, что составило примерно 80 %. Причем на некоторых участках, например, Орел-Кричев количество обнаруженных МЗД достигало 100 %. В то же время на других участках процент их обнаружения был значительно ниже. Так, из 114 МЗД, установленных противником на железнодорожных участках Западного фронта, было обезврежено только 62 МЗД (55 %), уничтожено 11 (10 %) и сработала 41 (35 %). Такой результат обеспокоил руководство железнодорожных войск. Для оказания помощи саперам-железнодо-рожникам Западного фронта выезжали опытные офицеры-минеры службы заграждения управления железнодорожных войск и Военно-транспортной академии.

Качество разминирования зависело не только от подготовки личного состава МПВ, но и от их оснащения средствами разминирования. А они не отличались совершенством. Основным инструментом для поиска мин являлся щуп — короткий, средний и глубинный. Миноискатели главным образом применялись при разминировании полосы отвода и откосов земляного полотна. Но их недоставало, да и питание к ним поступало нерегулярно. В мае 1944 года в штаб МПВ мостовых железнодорожных батальонов были включены отделения собак минно-розыскной службы. Хорошо обученные собаки облегчили поиск мин. Во многих случаях они обнаруживали мины и заряды, установленные на значительную глубину.

Словом, в оснащении минно-подрывных взводов (МПВ) имелись существенные недостатки. У многих отсутствовали положенные по табелю автомобили, что задерживало их движение к объектам разминирования. Полностью отсутствовали средства механизации для раскопки не взорвавшихся авиабомб, МЗД и отрывки контрольных траншей, скальпирование местности. На эти трудоемкие работы минеры затрачивали много сил и времени.

В ходе войны выяснилось, что и отрядная система организации разминирования имела ряд недостатков. Двойное

подчинение МПВ командиру батальона и начальнику отряда усложняло руководство их деятельностью. Снабжение МПВ всеми видами довольствия было затруднено из-за отрыва от своих батальонов, а отряды не имели штатных органов снабжения и своего транспорта. Отсутствие радиосредств не обеспечивало современного информирования старшего начальника о выполненном разминировании.

Для поиска поездных мин на железных дорогах использовались различные способы. В Запорожье, например, впервые на Южном фронте было применено поддомкрачивание верхнего строения пути. Для этого назначалась команда в составе 4–6 человек, которая с помощью домкартов приподнимала путь на 16–20 см. После этого постель под шпалой тщательно осматривалась и прощупывалась. Противотанковые мины, поставленные под шпалу, обнаруживались без особых трудностей. Как только шпала приподнималась, минеры легко замечали головку взрывателя или деревянную плашку посредника. Но этим они не удовлетворялись и тщательно осматривали всю площадь основания под шпалой и при обнаружении любого нарушения балластного слоя осторожно производили его раскопку. Этот способ оказался весьма эффективным и был рекомендован «Инструкцией по технике минирования и разминирования железных дорог».

Разминирование бригадных участков начиналось «с головы» или на широком фронте в зависимости от темпов освобождения участков, оперативной обстановки и других условий. Чаще применялся метод работы на широком фронте, обеспечивающий более высокий темп разминирования. Метод работы «с головы» применялся сравнительно редко, например, при малых темпах наступления наших войск. При любом из этих способов стремились назначить для разминирования по возможности тот участок, который выделялся его батальону для восстановления.

Следует заметить, что минеры еще до наступления наших войск тщательно изучали железнодорожные направления, которые предстояло разминировать. Так, например, было, когда наши войска готовились к форсированию Днепра. В это время минеры 1-й гвардейской железнодорожной бригады и 15-й железнодорожной с переднего края вели наблюдение за противником в районе своих объектов. Такое наблюдение, а также изучение информации от техразведки и разведчиков стрелковых частей дали возможность заблаговременно получить сведения о расположении минных полей и их плотности. А минеры 5-го отдельного мостового железнодорожного батальона вместе с разведчиками стрелкового полка под покровом ночи

переправлялись через Днепр и проводили разведку минных полей.

Женщины-минеры

Кстати, по минным полям в рядах саперов ходили и женщины. «В железнодорожные войска я была призвана в тяжелое для Родины время — летом 1942 года, — рассказывала о себе ветеран войны ефрейтор Вера Антоновна Белоконь. — Враг рвался к Сталинграду, горели города и села в Прибалтике, на Украине, в Белоруссии, где хозяйничали гитлеровцы… И вот, попав в 9-й отдельный путевой железнодорожный батальон, получила назначение на должность санинструктора, обрадовалась: наконец-то по настоящему смогу внести свой вклад в борьбу с ненавистным врагом. Было нелегко, но знала, что так надо. Выносила раненых воинов-железнодорожников: разведчиков, минеров, путейцев, мостовиков. Еще решила научиться обезвреживать различные фугасы, стала минером».[30]

Вера Белоконь ходила с сумкой, доверху наполненной медикаментами, бинтами. В перерывах между работой читала бойцам газеты. Старалась научиться саперному делу. «Пробовала работать с нами, — рассказывал Д. Ильин. — У реки Случ на железнодорожном мосту ей удалось обезвредить четыре мины. Конечно, страху натерпелась. Но мы, как могли, помогали ей».

Минером-мастером Вера Белоконь стала после такого случая. Было это у небольшой речушки на Украине. Железнодорожный мост разрушен. Пришлось взводу разделиться. Часть людей, перебравшись на тот берег, начала саперные работы. Вскоре выяснилось, что противник произвел на этом участке магистрали сплошное минирование. Решили с помощью щупов и миноискателей сначала определить границы загражденного участка и лишь потом приступить к разминированию.

Ефрейтор Белоконь наблюдала за саперами. Было тихо, солнце клонилось к горизонту, удлиняя тени. И вдруг раздался взрыв. Вера подняла голову. Это слева, видимо «кошкой» обезвредили какой-то фугас. Девушка стала ждать, когда слева за насыпью, там, где прогремел взрыв, появятся из укрытия рядовые Гаврин и Денисов. Клуб земли и дыма осел, а солдат не было видно. Она заметила, что работавшие правее минеры стали тревожно поглядывать в сторону взрыва, и поспешила туда.

Вскоре Вера отчетливо услышала стоны раненых. «Скорее к ним, — мелькнула мысль. — Но там же мины везде!» Преодолев чувство страха, санинструктор бросилась за щупом. Затем

приступила к проделыванию прохода.

А вот и мина. Хищно из-под маскировочного слоя торчат ее усики. Осторожно работая ножом, сняла слой земли и дерна. Вставила в отверстие чеки взрывателя шпильку, вывинтила его. Теперь дальше…

Потом, когда Веру спрашивали, не боялась ли, не думала ли о том, что каждое ее не точное движение грозило гибелью, она не могла ответить на этот вопрос. Девушка думала о раненых, о том, как быстрее оказать им помощь…»Сняв» шесть мин и, проделав проход, бросилась к ним, стала быстро перевязывать раны.

После этого случая она стала штатным минером. К концу Великой Отечественной войны на ее счету было 100 обезвреженных на железнодорожных коммуникациях различных взрывоопасных предметов. После Победы Вера вышла замуж за своего боевого товарища лейтенанта А. Е. Файду, вернулась в школу, вырастила двух сыновей.[31]

При наступлении разминирование железнодорожникам облегчали партизаны. Они сообщали о местах установки своих мин и о работах минеров противника по устройству минных полей на подходах к железнодорожному полотну, в опасной зоне и завалах.

Все вышесказанное относится, прежде всего, к обеспечению наступления наших войск. Мне же, кроме этого, в 1945–1946 годах после войны, пришлось заниматься вопросами извлечения уцелевших замаскированных МЗД в условиях активного действия националистических банд. Фактически сложилась ситуация, аналогичная началу 20-х годов, когда на территории собственной страны приходилось бороться с активно действующим врагом, не исключая возможности установки националистами противопоездных или автомобильных мин. Создать сплошную оборону в зоне действий бандеровцев было невозможно. В некоторой степени создавшееся положение может напомнить годы войны, так сказать, наоборот: приходилось защищать железные дороги так же, как в свое время немцы охраняли их. Однако такое сравнение не совсем правомерно, поскольку приходилось иметь дело с бандитизмом в мирное время. Некоторое сходство между партизанской войной и партизанщиной, действительно, имеет место, но оно ограничивается только заимствованием некоторых партизанских методов политическим бандитизмом.

Поскольку, как указывалось выше, было невозможно организовать сплошную оборону против бандеровцев, пришлось возвратиться к опробованным в 20-е годы методам. Мы не только обезвреживали мины, но по ночам устанавливали мины-ловушки

на подходах к станциям и водокачкам. Утром, разумеется, эти мины снимались или приводились путем отключения от питания в безвредное состояние. Подобные методы были довольно эффективными.

Работая в 20-м Управлении военно-восстановительных работ, мы совершенствовали способы и средства разминирования возможных неизвестных мин. На минных завалах мы использовали трактор, который встряхивал эти завалы. Мины при этом взрывались или становились безвердными. Кроме того мы еще использовали специально обученных собак числом около 20. Их впору было награждать за умение отыскивать мины: большинство бандитских мин обнаруживали они.

Глава 8. В Германии

Перед тем как мне лететь в Германию, З. И. Кондратьев попытался назначить меня начальником автодорожных войск фронта, которыми командовал маршал Р. Я. Малиновский.[32] Когда же я явился в распоряжение фронта, оказалось что генерал Воструков[33] — начальник тыла — не согласовав этого с начальством, назначил на эту же должность еще кого-то. Получилось нехорошо. Мне выделили машину и я отправился обратно в Москву. Было начало 1945. Доложился Кондратьеву.

Захар Иванович, мы вместе когда-то учились, очень обрадовался, что я пришел в его управление. Меня немедленно зачислили в дорожное управление с окладом начальника штаба, который был у меня в военной миссии. И предложил выделить мне людей для обучения, чтобы я занялся вопросами разминирования на коммуникациях в тылу наших войск. (Уже в Германии, на освобожденных территориях).

Не могу не упомянуть здесь, что в Германию мы летели через Варшаву. Тогда я увидел как была разрушена Варшава! Так, пожалуй, не пострадал и Сталинград.

Я собрал своих диверсантов, которые специализировались на минировании, и мы занялись разминированием, нашли собак и стали обучать их обнаруживать мины.

С этой командой в начале 1945, я прибыл на 1-й Украинский фронт, которым командовал маршал Иван Степанович Конев.[34] Он знал меня еще с Калининского фронта, узнал и так сказать поразился: «А вы все еще подполковник? Вы были подполковником в 1942 году, а сейчас уже 45-й. Многие уже генералы».

Мы приступили к разминированию тех трасс по которым нужно было ездить.

Работа была очень трудная. Немцы устанавливали мины замедленного действия, причем мины с зарядами морских бомб. Морские мины они превращали в МЗД и устанавливали их на шоссейных дорогах, вблизи небольших мостов или виадуков, устанавливали так, чтобы их нельзя было объехать. Находить их было очень трудно. Немцы ставили их немного. Зато противотанковых и противопехотных было немеряно.

Минеры наши — специалисты опытные — ни один не подорвался. Немцы не устанавливали таких неизвлекаемых мин, как наши. Они поддавались извлечению, мы их извлекали достаточно легко, и это очень помогало нашим дорожным войскам обеспечивать постоянное и непрерывное передвижение

по дорогам. Надо сказать, что содействие в разминировании оказывали и немцы.

Вообще в Германии народ не сопротивлялся приходу нашей армии. Ее приняли нормально, чего нельзя сказать о Польше, на территории которой действовали представители Армии Крайовой, и о Западной Украине, где хозяйничали бандеровцы.

Меня каждый раз поражало, как немцы вместе с нашими войсками восстанавливали железные дороги: работали очень хорошо и дружно. Хозяйство восстанавливалось интенсивно, и нам было легко работать.

Был даже такой случай. Едем мы я, шофер и ординарец Валуйкин. Ночь уже и вдруг видим, идут пять человек. А у нас испортилась машина. Хотя мы были вооружены, но отошли в сторону (вдруг это бандиты). Немцы подошли. Мы скомандовали: Руки вверх! Сопротивления они не оказывали. Я учил немецкий лет семь, но говорил плохо. Все-таки кое-как объяснил, что нужно помочь довести машину до первого населенного пункта. Они активно включились. Шофер управлял, а немцы очень активно помогали вести машину полтора километра до населенного пункта, где мы остановились. Утром машина была исправлена. Вот так было в Германии.

Затем меня направили на разминирование Берлина. Разминировал я и Потсдам, который в отличие от Берлина неплохо сохранился. Искали мы мины в тех зданиях, где должны были расположиться наши солдаты.

Одна операция была проведена нами в Бреслау, где был окружен немецкий гарнизон тысяч на сорок. Им немцы сбрасывали боеприпасы с парашютов. Площадь окружения была небольшая и несколько парашютов упали в наше расположение. Я посмотрел, что с ними можно сделать. Решил предложить доставить эти боеприпасы по назначению к немцам, но только так чтобы они стали по существу минами-ловушками. Доложил Коневу. Он за эту идею ухватился и дал команду, чтобы эти парашюты выдали нам. Мы поработали над мешками, превратив их в мины. Результаты этой операции я смог оценить уже после падения Бреслау.

В Германии мне довелось увидеть многое. Я видел обгоревшие трупы в бункере Гитлера. Я видел разрушенный союзниками Хемниц и Дрезден. Разрушения, произведенные союзниками, меня поразили. Он был разрушен без военной надобности, с той только целью, чтобы город не достался Советскому Союзу. Я расценивал это как террористический акт. То же самое могу сказать о Хемнице.

Я был свидетелем того, какой дорогой ценой был взят

Берлин. Мне, диверсанту, это было трудно понять, так как наша заповедь — беречь людей. **В нашем деле решает ас, а не толпа.**

День Победы

Мысль, что Победа близка, не покидала меня с начала апреля, после того как появились в районе представители партизанских соединений под командованием А. С. Егорова, В. А. Квитницкого, А. М. Сагеленко, П. А. Величко, П. В. Тканько, которые прошли по тылам противника не одну сотню километров с конца лета 1944 года. Эти прославленные партизаны, соединившись с Красной Армией, были предвестниками скорой капитуляции Вермахта, части которого, обороняясь от наступления наших частей, спешили на Запад, чтобы сдаться союзникам.

Партизаны прибывали не своим ходом, а на трофейных машинах.

30 апреля наши войска соединились с союзниками на реке Эльбе, куда мы спешили со своими отрядами на разминирование берегов. На Эльбе мне довелось встретиться с американцами в самом конце апреля или в начале мая. Это была дружеская встреча, обнимались. Очень, так сказать, волнительно было.

Наконец 9 мая был объявлен днем Великой Победы. Этот момент застал меня в окружении партизан 7 бригады 14 интернационального корпуса под командованием француза, фамилию которого я забыл.

Войска и партизаны, вошедшие в Берлин, ликовали, а мы продолжали работы по разминированию.

Еще раз я оказался в Германии в начале 1946, когда работал заместителем начальника 20-го Управления восстановительных работ Министерства путей сообщения по войскам.

В нашем подчинении были три железнодорожные бригады, которыми командовали генералы. Моим начальником был Герой социалистического труда Николай Владимирович Борисов. Восстанавливали дороги в западных районах Украины, Польши, Белоруссии, Германии и даже в Югославии.

В середине мая я вернулся в Москву и меня положили в госпиталь с воспалением печени. В госпитале пролежал немного, недели две. Печень успокоилась, но при освидетельствовании моей руки дали справку о полной непригодности к военной службе. Я вновь остался без работы. При мне было удостоверение инвалида второй группы, полученное еще в Финскую войну, но уходить с военной службы я не собирался. Эти справки я никому

не показал.

К партизанским делам возвратиться не пришлось: до конца войны я занимался исключительно разминированием.

Разминировали много. Выручало то, что у немцев мины были хуже, а радиоуправляемых не было вовсе.

Дела тех дней тоже памятны, но рассказ о них не может ничего прибавить к тому, как осуществлялась ленинская идея партизанской войны и какими губительными для противника стали с лета 1943 года действия партизан на коммуникациях врага. Поэтому я прерываю свое повествование. Могу добавить лишь, что советские партизаны и партизаны освобождаемых Красной Армией стран, объединяя усилия, продолжали борьбу с врагом до его полной капитуляции и что их главным оружием в этой борьбе оставались мины. Я горжусь тем, что во время войны применялись в основном мины, изобретенные мной. Это были и угольные мины, и ПМС, и многие другие. За изобретение мин мне была присвоена ученая степень кандидата технических наук.

Мы первые создали и применили магнитные мины. Однако производить их не стали. Их изготавливали англичане и снабжали нас. При помощи магнитных мин был уничтожен гауляйтер Белоруссии, много техники.

Глава 9. Без работы

После войны началось резкое сокращение армии. Пошел к старым знакомым. Мой старый друг Павел Алексеевич Кабанов — заместитель министра путей сообщения по железнодорожным войскам.

Меня определили в запасный полк. Я смог работать в архиве. Получал оклад и паек. Жить было можно. Мне предлагали разные должности: сначала начальника военной кафедры в железнодорожном институте Новосибирска, но жена отказалась. Предлагали стать заместителем министра внутренних дел Молдавии. Жена вновь отказалась.

Кабанов предложил должность заместителя начальника 20-го управления военно-восстановительных работ по войскам. В этой должности я состоял до лета 1946 года и занимался руководством войсками, которые производили восстановительные работы. Именно в этот период я смог объективно оценить действия партизан и отдельные промахи в их работе. Однако, это управление было расформировано летом 1946 года и я вновь оказался без работы.

Наконец, совершенно случайно, я встретился с начальником отдела кадров Центрального Штаба Партизанского Движения. Он предложил мне пойти в специально создаваемый институт Министерства Внутренних дел исполняющим обязанности начальника кафедры тыла.

Вопросами тыла я занимался на войне и в Военно-транспортной академии. В этой должности я проработал десять лет — до 1956 года.

Кстати говоря, я вернулся к работе над диссертацией. Написал я ее в 1952 году. Называлась она «Партизанские действия». Сталин был еще жив, и я не мог отразить в ней деятельность как организатора, а хорошего сказать было нечего. Человек, которому я дал почитать свой труд, посоветовал спрятать его.

Набирался только первый курс. У меня было два человека на кафедре — мой заместитель и преподаватель.

Мы неоднократно обращались к И. В. Сталину, к Н. А. Булганину[35] и в другие инстанции, ставя вопрос о необходимости обучения войск умению организовать партизанские действия в случае окружения. Мы доказывали, что, если бы войска были подготовлены к партизанским действиям так, как это мыслил в свое время М. В. Фрунзе, то у нас бы не было такой катастрофы, когда в первые месяцы войны, в плен

попало невероятное количество человек (а за все время войны — свыше 5 миллионов). Если бы войска, как в период Гражданской войны, оказавшись в тылу противника, переходили к партизанским действиям, это во многом бы изменило ход войны. Конкретно я ссылался на опыт В. К. Блюхера,[36] который, оказавшись в тылу противника с 3 тысячами человек, совершал рейды. Со временем у него отряд вырос в 3 раза. Мы доказывали, что именно войска должны уметь в случае окружения немедленно и организованно переходить к военным действиям.

Наконец я встретился с работником ЦК, который курировал партизанскую войну и был в свое время в польском штабе партизанского движения, где мы с ним познакомились. Я ему рассказал о наших идеях. Он при мне позвонил Булганину — министру обороны, который меня принял, выслушал и связался с начальником нашего института Филиппом Яковлевичем Соловьевым, ну и последний согласился организовать у себя подготовку слушателей по вопросам партизанской борьбы. В военном институте МВД была создана группа организации и тактики партизанской борьбы на кафедре тыла.

Заместитель министра Внутренних Дел генерал армии Иван Иванович Масленников,[37] который знал меня по Калининскому фронту, очень одобрил наши действия и всячески содействовал работе. В свое время Масленникова из окружения вызволили именно партизаны. Поэтому он очень помогал нам и в разработке пособий.

Помню, как в мае 1952 года, беседуя со мною по новой задаче для слушателей военного института на тему: «Переход войск, оказавшихся в тылу врага в силу сложившейся обстановки», он заметил:

Вполне согласен, что когда командный состав знает основы организации и тактики партизанской борьбы, ему не страшно окружение. Ведь в большинстве случаев окружения как такового нет, и войска, оказавшиеся в тылу врага в силу сложившейся обстановки, могут самостоятельно вести партизанские действия, как это не раз было в годы гражданской войны.

Нам помогали энтузиасты. В это дело включился Евгений Иванович Косовский — бывший начальник связи УШПД.

У нас появились первые слушатели. Мы разработали курс лекций. Я выпустил закрытую книгу о партизанской войне на тему: «Взаимодействие партизан с войсками действующей армии».

Читал лекции в академии Фрунзе, где мои конспекты были изданы отдельной книгой под редакцией начальника кафедры военной истории генерала Воробьева. Нашлись такие энтузиасты,

как Григорий Иванович Бояринов, Борис Андреевич Плешкунов, Борис Федорович Баранов, Леонид Ефремович Колпаков, Дмитрий Андреевич Шапошников, Анатолий Исаевич Цветков, Владимир Николаевич Андреанов. Это были выпускники Военного института, часть которых позднее составила костяк Курсов усовершенствования офицерского состава.

В. Н. Андреанов, окончив институт и перейдя на работу в КГБ, продолжал развивать наши идеи.

После смерти Сталина 5 марта 1953 года и ареста Берии, Масленников покончил с собой. Появился новый начальник института, не имевший никакого отношения к партизанам, некий Рохальский. Не видя перспектив этого дела, он пришел к выводу, что надо курс закрыть. Курс закрыли и я опять оказался только начальником кафедры тыла. Но мне уже было 55 лет, пенсия тогда была очень солидной — 350 рублей. Кроме того я еще зарабатывал лекциями по линии общества распространения «Знание». Мне хватало, чтобы содержать жену и двух детей и я вышел в отставку. Жили безбедно.

Глава 10. В институте Марксизма-Ленинизма

В отставке я занялся написанием мемуаров, созданием повести «Не в плен, а в партизаны». После XX съезда, когда в институте Марксизма-Ленинизма организовался отдел истории Великой Отечественной войны, я предложил свои услуги. Меня приняли туда старшим научным сотрудником.

Работать было очень сложно: несмотря на разоблачение культа личности, в институте всячески стремились обелить Сталина. Тут мне довелось многое узнать о его делах.

Фактически руководил работой нашего отдела П. Н. Поспелов. На одном из собраний в 1962 я выступил и сказал, что надо не просто кричать «Ура-ура», а говорить о том, что победил в войне советский народ благодаря своему мужеству и преданности Родине, несмотря на ошибки руководства. После этого через месяц-два меня из института уволили. Впрочем, мне выдали грамоту, якобы за выполненную работу, но будто бы о партизанах больше писать не надо. Лет через десять в какой-то юбилей мне вручили вторую грамоту в благодарность за работу в этом институте.

Еще в период работы в институте в августе 1959, меня пригласили в Чехословакию. Это была 15-я годовщина чехословацкого восстания. Мне вручили орден Чехословакии, орден Егорова. Этот был тот самый Егоров, который в свое время был начфином, а позднее, в отряде у Федорова заместителем по диверсиям. Когда его забросили в Чехословакию с группой всего в 22 человека, то через месяц у него было уже 2 тысячи. Он явился одним из «детонаторов» словацкого восстания. И вот мне за подготовку партизанских кадров Чехословакии вручили орден Егорова. С самим Егоровым мы встретились раньше, когда я был в Германии. Больше того, чешские партизаны тогда захватили много машин и меня наградили «Опелем». Что еще?

Эта поездка заставила меня вернуться к воспоминаниям. Писал много, но мои заметки не были никому нужны.

«Тайна полковника Старинова»

Так продолжалось до тех пор, пока 6 сентября 1963 года не появилась статья Овидия Горчакова «Тайна полковника Старинова». А. И. Аджубей, главный редактор «Известий»

согласовал публикацию с Н. С. Хрущевым.[38] С разрешения Хрущева очерк о взрыве дома, где в свое время размещались первые секретари Украины и, где был убит генерал фон Браун, командующий 68 немецкой пехотной дивизией и начальник гарнизона города Харькова, был напечатан. Первый раз об этом было написано открыто.

(Содержание статьи редакция решила привести здесь, так как газета с этим тестом стала давно редкостью).

Дело, с которым полковник Старинов прибыл 1 октября 1941 года в Харькове, было настолько секретным, что генерал-лейтенант Невский, начальник инженерных войск Юго-Западного фронта, не доверяя телефону, доложил о нем члену Военсовета ЦК КП(б)У Н. С. Хрущеву:

— Полковник Старинов? — переспросил Никита Сергеевич. — Как же, слышал, слышал… Герой Испании. Взорвал в тылу Франко не один эшелон. Сегодня из Москвы прилетел?

— Машиной приехал, — ответил генерал-лейтенант. — Едва успел проскочить. — Генерал подошел к большой карте на стене. — Вот здесь между Курском и Орлом. А через час на шоссе вырвались немецкие танки.

С минуту член Военсовета и начальник инженерных войск молча смотрели на карту. Она еще недавно висела в Киеве, пока не захлестнули его 19 сентября синие стрелы, обозначавшие направление ударов противника. Теперь эти синие стрелы нацелены на кружок, над которым стоит слово «Харьков».

Еще 28 июля Гитлер объявил, что для Германии «промышленный район вокруг Харькова важнее, чем Москва». Положение на фронте оставалось угрожающим. Из-за неразумного упрямства Сталина Военному Совету Юго-Западного направления лишь с величайшим трудом удалось избежать катастрофы. Теперь Сталин приказал «перейти к жестокой обороне». Но уже было ясно: Харьков не удержать…

Когда в кабинет вошел невысокий человек лет сорока, Никита Сергеевич отложил в сторону бумаги и встал навстречу:

— Так вот вы какой, полковник Старинов!

Гимнастерка ладно сидела на плечистом полковнике. В черных петлицах инженерных войск — четыре шпалы, на гимнастерке орден Ленина! (за Испанию) и два ордена Красного Знамени.

— Задача, поставленная передо мной начальником генштаба, докладывал Старинов, — такова: массовыми минно-взрывными заграждениями содействовать нашим войскам. В мою оперативно-инженерную группу входит подразделение под командованием подполковника Яковлева — тринадцать специалистов. Это

командный состав. Штаб фронта выделил в мое распоряжение пять батальонов.

— Маловато, — сказал Никита Сергеевич, — Ну, а какая техника у вас?

Новейшие управляемые мины. Их конструктор — талантливый молодой инженер Файнберг.

— Каковы ваши планы?

Начальник Генерального штаба маршал Шапошников привел в качестве примера известную операцию «Альберих», проведенную немцами во Франции в годы первой мировой войны. Разумеется, у нас масштабы иные. Нам нужно устанавливать мины на глубины до двух метров. Лопатой это сделать невозможно, а буров у нас нет.

Я позвоню Епишеву в обком. Харьковские рабочие сделают для вас буры. Что вы собираетесь минировать?

— Аэродромы, важнейшие объекты города, автодороги.

Полковник Старинов тут же приступил вместе с генерал-лейтенантом Невским к составлению плана заграждений. По размаху и объему миннoподрывных работ этот план впятеро превосходил «Альберих», а времени на его выполнение отводилось вдвое меньше. Полковник Старинов разработал в ту бессонную ночь первую в военной истории комплексную минно-заградительную операцию в сочетании с действиями партизанского подполья.

План этот показался настолько обширным командующему, что он не без колебаний подписал его. Никита Сергеевич же, к которому полковник Старинов пришел под вечер 3 октября, еще больше расширил план, внеся много дополнений и наметив к заминированию целый ряд новых объектов. И первым среди них был дом на улице Дзержинского, 17. Дом известный всем харьковчанам. Дом, в котором жил тогда Никита Сергеевич.

Первым подвигом в этой битве был подвиг харьковских рабочих. Несмотря на предэвакуационную лихорадку, на воздушные налеты, на тысячи осложнений и трудностей, рабочий Харьков с честью выполнил задание: не только в немыслимо короткие сроки наладил серийное производство сложных неизвлекаемых мин, но и внес ряд улучшений в их конструкцию.

С появлением первых буров и мин сразу начались испытания капризной техники, обучение минеров… Напряженная работа шла днем и ночью, в дождь и под бомбами. Мины закладывались незаметно. Со стороны казалось, что саперы строят дзоты.

Дело осложнялось из-за вражеских лазутчиков. Наметанный глаз полковника Старинова видел то новый булыжник, словно с неба свалившийся около накануне установленной мины, то

заломленную ветку или зарубку на дереве около секретной скважины…

По приказу Старинова минеры делали тысячи скважин, но мины ставили далеко не в каждую, заряжая остальные холостыми макетами.

Инструкцию 12 октября утвердил член Военсовета.

Только учтите, полковник, за безопасность наших войск и населения вы головой отвечаете.

Он еще раз напомнил о необходимости заминировать дом 17 на улице Дзержинского. Только все должно быть сделано в полной тайне. Если фашист почует неладное, ноги его там не будет!

Полковник Старинов осмотрел одноэтажный дом сверху донизу. Это было добротное, удобное, строгого стиля здание. В обстановке — ничего лишнего.

Если сюда каждый день будут приезжать минеры в форме, сказал Старинов своему заместителю подполковнику Ястребову, это вызовет подозрение. За домом наверняка следят. Надо нам с вами приехать сюда в гражданском с группой минеров. Будем жить здесь до последнего дня. Тогда никто не поверит, что мы спали на минах. Никиту Сергеевича, разумеется мы попросим переселиться в другое место.

Хрущев, однако, наотрез отказался переезжать. Он заявил Старинову, что его переезд вряд ли останется незамеченным, возникнут подозрения, и операция будет провалена.

В тот же день в крытом грузовике во двор дома № 17 по улице Дзержинского въехала группа минеров…Надо было торопиться. Харьков держался из последних сил.

Двадцать четвертого октября гитлеровцы ворвались в город….

Пропуская отступающие части Красной Армии, батальоны Старинова под носом у атакующих гитлеровцев взрывали мосты, минировали раскисшие осенние дороги. Минеры поставили на пути врага свыше 30 000 противотанковых мин, установили около 1000 мин-сюрпризов, больше 2000 эмзедушек. «Эмзедушками» минеры называли мины замедленного действия.

Генерал Георг фон Браун-второй, назначенный начальником гарнизона Харькова не стал спешить с въездом. Прежде всего он приказал вывесить на стенах города приказ: «Каждый житель, который знает места, где заложены мины, бомбы замедленного действия, подрывные заряды, или же подозревает о заминировании каких-то объектов, обязан немедленно сообщить об этом… За правильные сведения будет выдаваться денежное вознаграждение. С другой стороны, каждый, кто скроет известные

ему сведения о заминированных участках и не сообщит об этом в комендатуру, будет предан смертной казни…»

Саперы, неся довольно большие потери, разминировали или взорвали несколько тысяч новейших советских мин: на аэродромах, в самых уязвимых местах железнодорожных путей, в зданиях. Генерал поселился в маленьком неудобном домишке на окраине Харькова. Но тут его порадовал капитан Карл Гейден, командир саперного батальона 68 дивизии: разминирован отличный особняк — дом 17 на бывшей улице Дзержинского. К этому дому офицеры штаба фон Брауна давно присматривались.

Прежде всего контрразведка дивизии собрала подробные свеения об этом доме и доложила: дом занимал сам «народный комиссар Хрущев», никакие миноподрывные работы не замечались, да если бы они и производились Хрущев ни за что бы не остался в доме со своей охраной.

И все же саперы нашли мину…

Капитан и другие минеры отошли за угол соседнего дома. Томительно ползло время, а минер разбирал кучу уголек за угольком, действуя с точностью хирурга, оперирующего на сердце, с той разницей, что первая же оплошность убила бы не пациента, а его самого. Час спустя он вылез отдышаться. По лицу его градом катил холоный пот. Нет, он не кончил, впереди еще уйма работы… Дотемна длилась работа. Капитан приказал прекратить работу до утра.

Утром начался второй раунд. Через три часа смельчак добрался до деревянного ящика. К вечеру мина была извлечена. Минер обезвредил ее хитроумные замыкатели и взрыватели. Капитан стал осматривать мину. Глаза его полезли на лоб: в мину был вмонтирован радиоприемник!

Генерал фон Браун немедленно въехал в своем бронированном «хорхе» на улицу Дзержинского. Следом мчались два броневика и фельджандармы.

Господин генерал! — шепнул капитан Гейден. — Это необыкновенная, фантастическая мина! Одно из двух: или русские морочат нам голову, или эти варвары изобрели, обогнав весь мир, управляемую на расстоянии по радио! Но этого не может быть!

Генерал поселился в доме 17. В тот вечер он обнародовал приказ, в котором сообщал населению, что его саперы легко обезвредили большую часть мин…

Над головой полковника Старинова сгущались тучи. В Воронеж, где разместился штаб фронта, прилетела шифровка: ставленники Берия в военной контрразведке, ссылаясь на разведданные о массовом разминировании, произведенном

гитлеровцами в Харькове, на приказ генерала фон Брауна, затевали дело против полковника Старинова, обвиняли его чуть ли не во вредительстве. Вскоре полковника Старинова вызвал к себе член Военсовета.

Никита Сергеевич был озабочен, но смотрел дружелюбно.

— Как вы думаете, нашли вашу «умную» мину?

— Нет, полковник не хотел этому верить.

— Никита Сергеевич вдруг посуровел.

— В ночь на четырнадцатое ноября палача надо казнить!

Глубокой ночью генерал-лейтенант Невский проводил полковника Старинова и подполковника Ястребова на задание. Их путь лежал не к Харькову, не через линию фронта. Все трое подъехали в «эмке» к воронежской радиостанции широкого вещания.

Операция была произведена под утро. В 4.10 полковник Старинов скомандовал:

— Взрываем мину номер один!

В 4.12 что-то звонко щелкнуло в деревянном ящике, стоявшем у койки капитана Карла Гейдена. Капитан вскочил как ужаленный, бросился к ящику. Случилось невероятное! Сработал замыкатель!

Лицо капитана покрылось холодным потом. Значит, это была настоящая мина, мина, управляемая на расстоянии по радио!

… Наручные часы фон Брауна показывали 4.15, когда позвонил полевой телефон. Это был капитан Гейден. Выслушав взволнованный рапорт капитана (сработал замыкатель в извлеченной и обезвреженной мине!) генерал сел, ноги не держали его…

Кировские часы полковника Старинова показывали 4.20, когда в Воронеже, за триста километров от Харькова он скомандовал:

— Взрываем мину номер два!

В это мгновение не стало ни генерала, ни его офицеров, ни дома номер 17 на Дзержинской…

Шло время. Отгремело сражение на Волге. В штабе Южного фронта полковника срочно вызвали к телефону:

— Говорит Хрущев, — услышал Старинов знакомый голос. — Поздравляю вас, товарищ полковник, с выполнением задания в Харькове! Чистая работа! Разведка установила полный успех операции! Обязательно сами посмотрите, я пришлю за вами самолет.

Двадцать третьего августа 1943 года был освобожден Харьков. Старинову поручили разминировать ряд зданий и штаба партизанского движения.

Старинов подъехал к дому 17 на Дзержинской, вошел в сад. Огромная воронка на месте, где стоял дом, заросла травой.

Но почему только в Харькове, только против генерала фон Брауна удалось применить новое оружие? И полковник Старинов с горечью думал о тех бериевских приспешниках, которые из-за слепой подозрительности Сталина уничтожали советских военачальников, ученых специалистов.

Это было двадцать лет назад…[39]

После публикации, повторенной в центральной прессе нескольких стран, мне предложили опубликовать мои воспоминания. Появились они в 1964 году под названием «Мины ждут своего часа» шестидесяти пятитысячным тиражом. Дважды воспоминания переиздавались в Чехословакии. В Югославии тиражом двести тысяч экземпляров книга вышла под названием «Бог диверсий».

Предполагалось опубликовать еще одну книгу в следующем году. Я готовил рукопись по заказу «Воениздата». Мне уже выплатили часть гонорара, но на рукопись поступило три отрицательных рецензии, и ее отложили, правда, гонорар оставили. Потом Хрущев был снят, и о ней вообще забыли. В редакции она пролежала лет двадцать и была опубликована в 1988 под названием «Пройти незримым».

Глава 11. Тридцать лет спустя

В начале августа 1967 года меня срочно вызвали в редакцию «Пионерской правды» и там главный редактор Нина Чернова показала мне приглашение поехать в Югославию вместе с группой пионеров. Приглашал Иван Хариш.

Мы встретились вновь спустя 30 лет. Его знал и уважал весь народ Югославии.

За тридцать лет разлуки Иван Хариш сильно изменился. Тогда он начал свой боевой путь партизана-диверсанта в качестве моего переводчика. Будучи мастером по дереву и электромонтером, он быстро освоил премудрости диверсионной техники и тактики. Тогда ему было меньше 30 лет, но он успел поработать в Канаде, где освоил английский и французские языки. Был и в США, но за участие в стачках его выдворили из страны. Он уехал в Мексику, где выучил испанский, потом уехал в Эквадор. Это было еще до войны в Испании.

В Югославии Харишу довелось учиться только четыре года, но он отлично учился, а потом освоил деревообработку и бытовую электротехнику. Работы в своей стране он не мог найти, и потому вынужден был зарабатывать на хлеб насущный за рубежом.

Когда начался фашистский мятеж в Испании, Иван Хариш, преодолевая все преграды, добрался до Альбасете и ждал назначения в одну из интербригад. В январе 1938 мы при содействии Андре Марти и участии Я. Н. Смушкевича стали собирать отряды партизан-диверсантов; одними из первых были югославы, чехи и словаки, поляки и финны, а потом немцы и представители других народов.

Хариш рассказал, что самодельной миной пустил под откос первый воинский поезд оккупантов. Осуществил ряд крупных диверсий, стал замом Тито по диверсиям, народным героем, генерал-майором. Его группа выросла в бригаду, пустила под откос 163 поезда, разрушила 72 моста длиной от 8 до 120 метров, уничтожила 870 вагонов, в том числе 32 бронированных и 23 цистерны, убила много вражеских солдат и офицеров, в том числе 1 генерала, полковника и подполковника. Нанесла врагу много другого урона. При этом за 40 месяцев борьбы потеряла 78 человек.

— Я и мой друг Иван Карбованец при первой возможности уже в мае 1939 года бежали из лагеря. Ни оружия, ни нужных документов у нас не было. Одеты мы были в добротную испанскую республиканскую военную форму. Первый день побега

был особенно тяжелым. Спрятались в винограднике. Хорошо, что никто к нам не заглянул. Как только потемнело, пошли в маленький хуторок. Противно лаяли собаки. Мы решили постучать в окно одного, как нам казалось, самого бедного дома. На вопрос хозяина — Кто тут? — Я на ломаном французском языке ответил, — «Заблудились! Пожалуйста, продайте чего-либо съестного. Деньги у нас есть, мы заплатим».

Хозяин открыл окно и, посмотрев на нас, изрек:

— Опять из лагеря бежали?

— Да! — признались мы.

— Поймают вас в таком одеянии.

Действительно наше обмундирование было почти новым и оно нас выдавало.

— Помогу, — сказал хозяин, и он рискнул дать нам какие-то завалявшиеся пиджаки, линялые плащи, даже две шляпы.

Мы превратились в цивильных с сохранившимися у нас мексиканскими документами. Больше того, добрый хозяин дал нам булку хлеба и кусочек сыра. И все же вначале мы шли только в темное время на восток, а днями скрывались. Между тем началась уборочная. Мы рискнули предложить свои услуги. Началась Вторая мировая война, мобилизация и потребовались рабочие руки. Нашлась и для нас работа по специальности. Связались с подпольем. В апреле немцы оккупи — ровали Югославию и мы решили туда прорваться через Германию. Вот тут нам и пригодились мексиканские документы. Опять работа у немцев. А им рабочие руки были очень нужны.

Хозяин мастерской очень нуждался в рабочих, и работали мы по 10–12 часов в сутки. Я предложил привести хороших рабочих из Югославии. Хозяин согласился и оформил мне документы в Хорватию, а моему другу в Черногорию.

— Не обманите, — предупредил тучный владелец предприятия.

— Не подведем! Вы ведь хорошо платите.

И я благополучно добрался до Хорватии, быстро нашел друзей. Достали все, что нужно и изготовили килограмм 50 самодельной взрывчатки, которая могла взрываться и без капсюля. И в ночь на 9 сентября Иван Хариш со своей группой пустил под откос с помощью самодельной мины воинский эшелон на кривом участке насыпи вблизи поселка, где проживали предатели. Целый батальон немецких войск был разгромлен. Потом мы побывали на месте крушения, где была уже мемориальная доска и фото. Так началась боевая деятельность Хариша.

Через некоторое время Иван, после ряда удачных диверсий на

путях сообщения, решил нанести удар по предателям и оккупантам. Переодетый в форму офицера усташа (хорватские националисты), он проник с портфелем, а в нем была заложена бомба, в театр, где должен был состояться торжественный концерт для господ офицеров. Хариш сдал в раздевалке пальто, хотел сдать и портфель, но «раздумал» и взял с собой, показав бдительному гардеробщику, что в портфеле только одни бумаги. На самом деле это была хорошо замаскированная мина замедленного действия. В партер вошел заблаговременно. Соседями, слава богу, оказались офицеры фашистской Италии. Когда до начала осталось около 5 минут, Хариш попросил соседей посмотреть за портфелем и сказал, что он вынужден пойти в «то место, чтобы избавиться от накопившейся жидкости» и, прикрыв портфель фашистской газетой, Хариш вышел из партера, а затем и из театра. Еще перед самым началом концерта здание театра как бы вздрогнуло, донесся глухой взрыв. Началась паника.

В Югославии Хариш показал мне укрытия партизан. Здесь они скрывались во время карательных операций. Это были подземные галереи со спальнями, госпиталями. Правильный вход они всегда прикрывали минами-ловушками. Я пожалел, что в наших условиях таких укрытий не было.

В 1967 году я встречался с Тито. У нас был длительный разговор. Тито говорил, что русские не использовали всех преимуществ партизанской войны. Если бы было единое руководство партизанского движения, если бы были сохранены кадры и не перебрасывались в тыл врага неподготовленные люди, немец никогда не подошел бы к Москве. Тогда же он сказал, что в ходе Второй мировой войны Сталин допустил ряд крупных стратегических ошибок:

Во-первых, несмотря на всю очевидность вероятности нападения Германии не принял своевременных мер к отражению нападения. Во-вторых, не принял мер к тому, чтобы советские войска, оказавшись в тылу противника, перешли бы к партизанским действиям. Простились с Броз Тито мы ненадолго, рассчитывая на новую встречу, но она не состоялась.

* * *

В 1980-е годы я опять начал преподавать на кафедре Военного Института МВД СССР и преподавал до 1984 года, когда мне, наконец, присвоили звание профессора.

Еще и сегодня я не могу писать о том, где работал после.

Скажу об одном: я обучал китайцев, кубинцев и многих других.

С гордостью могу сказать, что мои ученики успешно действовали в Италии (ими был повешен Муссолини[40]). По свидетельству японцев, сопротивление китайских партизан в значительной мере помешали им активно вести войну против Советского Союза. Поэтому, когда началась война против Японии в 1945, мы быстро справились с ней именно благодаря помощи китайских партизан.

Один из известнейших китайских партизан был воспитан В. К. Блюхером. Они очень умело использовали мины. После китайцев наиболее продуктивно использовали мины вьетнамцы. Американская армия не проиграв ни одного сражения во Вьетнаме, потеряла 70 % техники в стычках с партизанами. Они вынуждены были позорно уйти оттуда.

Я горжусь своими учениками.

Часть II. Упущенные возможности

Командованию вражеских войск пришлось у себя в тылу практически создавать второй фронт для борьбы с партизанами, на что отвлекались крупные силы войск. Это серьезно отразилось на общем состоянии германского фронта и в конечном счете на исходе войны.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления

Глава 1. Определение понятий, роль и значение партизанской войны

Классическое определение понятия «партизанская война» дал в начале XIX века известный русский партизан и поэт Денис Давыдов.[41] Он писал:

«Партизанская война состоит ни из весьма дробных, ни первостепенных предприятий, ибо занимается не сожжением одного или двух амбаров, не сорванием пикетов и не нанесением прямых ударов главным силам неприятеля. Она объемлет и пересекает все протяжение путей, от тыла противной армии до того пространства земли, которое определено на снабжение ее войсками, пропитанием и зарядами, через это, заграждая течение источника ее сил и существования, она подвергает ее ударам своей армии обессиленною, голодною, обезоруженною и лишенною спасительных уз подчиненности. Вот партизанская война в полном смысле слова».[42]

Это определение остается верным против агрессора и в современных войнах без применения средств массового поражения.

Возможности и успех партизанской войны связан с рядом социально-политических, экономических, военных, технических и природно-географических факторов. Эти факторы по их причинной сути можно подразделить на объективные, которые зависят не от партизан, и субъективные, зависящие от состава партизанского соединения, степени его подготовленности и обеспеченности, качества органов руководства партизанскими силами.

Политическая обстановка — решающий фактор для возникновения и развертывания партизанской войны. Суть политической обстановки заключается в отношении населения к партизанам и их противнику, в способности народа принять участие в борьбе с врагом и оказании помощи партизанам. Истоки партизанского движения, его размах и сила предопределяются духовной мощью, патриотизмом, горячим стремлением народных масс видеть свою Родину счастливой, свободной от внутренних поработителей и иностранных захватчиков. Ряды партизан пополняет добровольно только свой, то есть лояльный народ. Без него не хватит никаких баз, без него не спастись партизанам ни в какой крепости. Ибо и крепость партизан — тоже свой народ, который и подскажет, и укажет, и поможет, и выручит, и укрепит партизанский отряд новыми

силами.

Как это часто бывало на фронте, если остался от роты один солдат, считалось — погибла рота. А, когда оставался один партизан от отряда, — почти всегда вырастал новый партизанский отряд и даже — превращался в партизанское соединение. Особенно ярко видно это из действий наших парашютистов-партизан в Чехословакии. Какие базы имел там отряд Квитинского, соединение Шукаева, десантные группы: Величко, Волянского, Егорова, Попова, Химича, Астахова. Какие базы имели все эти и еще многие наши украинские партизаны там, в Чехословакии, в Польше, кроме народной базы, хотя все они превратились из групп и отрядов в многотысячные соединения?

А какие базы имели рейдовые партизанские соединения на Украине, действовавшие каждый день в новом районе?

Непонимание того, что база партизан — народ, привязанность к фронту, неумение оторваться от него для своих широких, никем не стесненных маневрирований в оперативной и стратегической глубине вражеских тылов, — именно это было причиной неудач первых партизанских отрядов.

Партизанское движение возникает в ходе войны. В вооруженной борьбе против неоколониалистских, расистских и других реакционных режимов партизанское движение, как правило, возникает задолго до начала вооруженной борьбы, до начала восстания и длительно готовится. Исторический опыт учит, что успех освободительной (партизанской) борьбы в решающей степени зависит от того, насколько она тщательно подготовлена, насколько вытекает из общенационального политического кризиса и в какой мере опирается на революционный и патриотический подъем народа, а иногда и от политической обстановки в других странах, которые могут так или иначе повлиять на ход и конечный исход борьбы.

Характер партизанской войны, ее направленность, размах и эффективность в целом зависят от конкретно исторических задач, стоящих перед участниками данного освободительного движения и путей их решения. В совокупности эти условия рождают наиболее эффективную партизанскую борьбу.

На размах, глубину и результативность партизанской войны существенное воздействие оказывают также героико-патриотические традиции и свободолюбие народов.

Решающую роль в исходе партизанской войны часто играет и наличие организации, способной возглавить народно-освободительную борьбу. Исторический опыт убедительно свидетельствует, что народные восстания и партизанские войны

терпят поражение даже при всех других благоприятных условиях при отсутствии единой организации, способной возглавить народные массы и успешно руководить их борьбой. В современных условиях такими организациями могут явиться религиозные, национальные или социальные партии.

Однако не только наличие специального органа военного руководства партизанскими силами играет роль, но и его качество. Опыт партизанской борьбы во Второй мировой войне и последующих национально-освободительных войнах убедительно показал, что командование действиями партизанских сил должно создаваться заблаговременно и укомплектовываться личным составом, имеющим необходимую подготовку. Ошибки в руководстве действиями партизан часто дорого обходились и снижали эффективность партизанской войны. Поэтому правильно поступали те руководители национально-освободительными движениями, которые заблаговременно создавали компетентное военное руководство партизанскими силами, как это было, например, в Китае, Югославии, Алжире, на Кипре и в ряде других стран. Это себя вполне оправдывало.

Однако подобно тому, как самый компетентный штаб бесполезен при отсутствии рядовых солдат, так и военное руководство партизанскими силами, безусловно, не может считаться гарантией успеха. Кто же эти люди, которые действуют в партизанских отрядах?

Партизанами являются непосредственные участники действий, которые наносят урон противнику в живой силе, боевой технике, нарушают управление населением и войсками, снижают боеспособность вражеских войск иными способами, ведут разведку и т. д.

Участниками партизанского движения и партизанской войны являются и все те, кто, не участвуя непосредственно в действиях партизан, обеспечивает партизанские силы всем необходимым для борьбы и жизни. Заметим, что такое участие в партизанской войне обычно более опасно, чем участие в боевых действиях отрядов, которые, нанеся урон врагу, могут выйти из-под его удара, а их помощники остаются на месте и часто несут большие потери. Поэтому понятно, насколько несправедливо то, что многих достойных местных жителей, которые обеспечивали действия советских партизан в Великой Отечественной войне, не наградили.

Готовность широких народных масс к партизанской войне против иностранных и внутренних поработителей может быть наиболее эффективно реализована только при **должной заблаговременной подготовке.**

Подготовка к партизанской войне против реакционных и колониальных правительств, как и подготовка к ней на случай вражеского нашествия, включает в себя духовно-политическую подготовку населения, создание специальных органов руководства, организацию партизанских сил, их подготовку, планирование действий и всестороннее обеспечение.

Подготовка партизанских сил к ведению войны включает: создание органов руководства, подготовку кадров, формирование и вооружение групп и отрядов как на контролируемой противником территории, так и за пределами страны, вплоть до организации производства взрывчатых веществ, мин и гранат и простых средств, организацию скрытого управления.

Важнейшим элементом этой подготовки является разработка вариантов плана действий в зависимости от вероятной обстановки, в условиях, которой они могут начаться.

Следовательно, подготовка партизанских сил к борьбе может считаться законченной, когда будут созданы материально обеспеченные управляемые партизанские формирования, а также варианты планов их действий в зависимости от возможных условий развертывания войны.

Такая подготовка в обычных мирных условиях требует значительного времени (иногда от 2 до 5 лет). Она должна быть всесторонней и охватывать как можно больше районов страны, чтобы затем внезапными одновременными действиями вызвать у противника замешательство и не дать ему возможности подавить партизанские силы в самом начале их деятельности.

В качестве примера мудрой заблаговременной всесторонней подготовки к партизанской борьбе на случай вражеской агрессии можно привести подготовку к ней в Советском Союзе в 20-х — начале 30-х годов. Так, только в Белорусской ССР в первой половине 30-х годов имелось шесть партизанских отрядов по 300–500 человек в каждом, на больших железнодорожных узлах и в городах были созданы и обучены диверсионные группы. Все они были обеспечены оружием, боеприпасами и минно-подрывными средствами с учетом их быстрого роста.[43] К сожалению, все это было ликвидировано в 1937–1939 годах. Аналогичная картина была на Украине и Ленинградском военном округе.

Какими же характерными чертами отличается партизанская война? Это:

— своеобразное понятие врага, в которое входят как его войска, так и учреждения, власти различного уровня, господствующие политические организации врага, различные организации пособников и их военные и полувоенные формирования и т. п.;

— достижение тактических, оперативных и стратегических целей, на протяжении всей войны или большей ее части, малыми, ограниченными силами и средствами против сил врага, превосходящих партизанские силы в численном и военно-техническом отношениях;

— разнообразие характера объектов (военные, транспортные, промышленные, складские и т. д.), по которым наносят удары партизанские силы;

— отсутствие линии фронта и действия на территории контролируемой противником, отсутствие у партизан определенной формы одежды (и только при необходимости использование знаков и нашивок, показывающих принадлежность к партизанским формированиям);

— преимущественное нанесения ударов по выборочным объектам, разъединенным территориально, но объединенных своей значимостью;

— нерегулярность боевого питания (вооружение и боеприпасы) партизанских сил;

— широкое использование местных ресурсов разного рода для партизанских сил;

— большие трудности с транспортировкой и лечением раненых и больных;

— объективная необходимость, наряду с военными действиями против врага, постоянно улучшать контакты с населением, проводить доступные социальные мероприятия, защищать население и устанавливать народную власть, начиная с низовых органов с различной степенью демократии, и, таким образом, вовлекать народ в освободительную войну.

Партизанские войны едва ли могут закончиться успехом без знания и применения теории партизанской войны. Толчком к развитию теории искусства партизанской войны в начале XIX века послужили эффективные действия гверильясов против наполеоновских войск в Испании, а также действия русских партизан в Отечественной войне 1812 года.

В 1821 году в России, впервые в истории вышла глубокая по содержанию работа героя партизанской войны Д. Давыдова: «Опыт теории партизанских действий».[44] В ней со знанием дела были изложены все вопросы организации партизанских сил, стратегии и тактики партизанской войны. Многие положения этого труда Д. Давыдова не потеряли своего значения и в наше время.

В 1858 году был опубликован труд генерал-майора Н. С. Голицына «О партизанских действиях в больших размерах, приведенных в правильную систему и примененных к действиям

армий вообще и наших русских в особенности»,[45] где излагались вопросы стратегии партизанской войны и защиты тыла от партизанских действий противника.

Вопросы партизанской войны нашли отражение в трудах военных исследователей Запада, в том числе К. Клаузевица[46] и Г. Жомини.[47]

В 1884 году в России был издан труд В. Н. Клембовского «Партизанские действия», который потом трижды переиздавался в годы гражданской войны.

В советское время также был издан ряд весьма интересных трудов, как, например, книга М. А. Дробова «Малая война: партизанство и диверсии»[48] или труд П. Каратыгина «Партизанство».

От того насколько правильно разработана теория организации и ведения партизанской войны, в какой мере она отвечает практике, как хорошо ее усвоили руководители и командиры партизанских сил, в большой мере зависел успех их действий. Отставание теории, ее неспособность своевременно вскрыть новые явления, влияющие на возможности и эффективность партизанской войны, стоили больших жертв и резко снижали эффективность партизанских действий в минувших войнах.

Однако мало иметь и систематически совершенствовать теорию искусства партизанской войны, надо, чтобы она стала достоянием тех, кто ведет или будет вести партизанские действия.

Глава 2. Роль и значение партизанской борьбы в XIX — начале XX века

Великий русский полководец генералиссимус А. В. Суворов[49] писал: «Без светильника истории и тактика потемки», подразумевая, что без знания прошлого едва ли можно избежать многочисленных ошибок, особенно — в военном искусстве. Партизанская война — такой же раздел военной науки, как и все остальные и, как таковой, нуждается в изучении и имеет долгую и славную теорию.

Если проанализировать все освободительные войны, которые вели народы, то становится очевидным, что партизанские движения как активная форма вооруженного сопротивления иноземным захватчикам, занимали в этой патриоти-ческой борьбе весьма заметное место.

Истории известны и такие освободительные войны, когда партизанские формирования являлись единственной силой, которая противодействовала регулярной армии завоевателя, многократно превосходящей партизан.

Таким примером может служить борьба испанского народа в начале XIX века против армии Наполеона. Кадровую испанскую армию почти без потерь, за шесть дней, разгромил маршал Мюрат, стоявший во главе 80-тысячного войска. А испанская королевская фамилия — Бурбоны в пол-ном составе добровольно прибыла в плен к победителю. И вдруг, совершенно неожиданно для всей Европы, Испания вспыхнула пожаром лютой, непримиримой партизанской борьбы против французских завоевателей.

Победителю Европы так и не удалось справиться с испанскими гверильясами. Для достижения Мадрида, взятия его и пленения правящей династии ему понадобилось 80 тысяч войск, а для шестилетней оккупации Испании ему потребовалось более чем двухсоттысячная армия.[50]

Еще с большим размахом партизанской борьбы император столкнулся в России. Известно, что из 600 тысяч войск, отправившихся в поход на Россию, Наполеон[51] довел до Бородина только 130–140 тысяч. И эти потери Наполеон в значительной части относил за счет партизанской войны. В письме к маршалу Бертье он писал: «Заметьте герцогу Эльхингемскому (Нею), что он ежедневно более людей теряет в фуражировках, нежели в сражениях».[52]

Когда русские войска оставили Москву, М. И. Кутузов[53]

усилил стихийное народное партизанское движение войсковыми партизанскими отрядами, направив в тыл на коммуникации Наполеона до 20 войсковых партизанских отрядов численностью от 200 до 2500 каждый, включая тем самым силы армии и народа в единый план достижения победы над врагом. Это был блестящий опыт совместных действий подвижных войсковых и местных крестьянских партизанских формирований в тылу врага. Успешные действия армейских партизанских отрядов способствовали подъему народных сил и развитию партизанского движения.

После перехода русской армии в контрнаступление и бегства французов из Москвы партизанская война вдоль коммуникаций отступающих войск Наполеона стала всенародной. Если роль партизанской борьбы в Отечественной войне 1812 года в период наступления противника от границы до Москвы, выразилась в том, что Наполеон был вынужден оставлять на своих коммуникациях крупные гарнизоны, расходовать силы на охрану обозов и курьеров, то при отступлении Наполеона и его преследовании роль партизанской войны заключалась в срыве планомерного отхода неприятельских войск, в лишении их продовольствия и «спасательных уз подчиненности».[54]

Все это имело большое стратегическое значение. Несмотря на тщательную организацию тыла и выделение для его охраны значительных войск, Наполеон оказался не в состоянии защитить свои коммуникации от действий партизан.

Во второй половине XIX века, с появлением железных дорог, эффективность партизанской борьбы еще более возросла. В гражданской войне в Северной Америке (1860–65) основным объектом партизанских действий служили именно железные дороги. Разрушение железнодорожных путей, мостов и других сооружений оказалось наиболее чувствительным для противника.

Рост численности армий, увеличение их зависимости от снабжения из глубокого тыла, развитие железнодорожного транспорта повысили роль и значение действий партизан, а появление дробящих взрывчатых веществ и совершенствование способов их взрывания значительно увеличили боевые возможности даже небольших отрядов. Партизаны стали наносить ущерб врагу, не вступая в боевое столкновение с ним. Это достигалось разрушением неохраняемых участков железных дорог и малых искусственных сооружений.

Новые потенциальные возможности партизанства проявились во время франко-германской войны 1870–1871 годов. Французские партизаны (франтиреры) в январе 1871 года подрывами мостов в тылу германской армии, осаждавшей Париж,

добивались перерыва железнодорожного сообщения на 15 дней. По данным Н. Петровича, действия таких партизанских отрядов заставили немцев выделить для охраны своего тыла четверть действующей армии, то есть около 100 тысяч человек.[55]

В силу специфических особенностей Первой мировой войны во время нее партизанские действия велись в крайне незначительных размерах, преимущественно на внеевропейских театрах военных действий. В Европе, как наиболее объективные, можно отметить действия сербских партизан (комитаджей). При общем количестве не более шести-семи тысяч человек, они вынудили австрийское командование держать в захваченной стране армию в 70 тысяч человек, иногда даже снимая дополнительные войска с действующих фронтов.[56]

Огромный размах партизанские действия приобрели в Гражданской войне. По данным немецкой печати, летом 1918 года на Украине действовало до 200 тысяч повстанцев-партизан. А к моменту изгнания австро-венгерских оккупантов с Украины здесь с оружием в руках сражалось уже 300 тысяч.[57]

В Сибири против чехословацких мятежников и Колчака[58] действовали целые партизанские фронты: Северо-Канский, Степно-Баджейский, Щиткинский. Существовали обширные партизанские районы: Алтайский, Ангарский, Забайкальский, Уссурийский, которые назывались иногда даже партизанскими республиками.

К осени 1919 года против американо-японских интервентов и белых войск Колчака действовало только в рядах партизан свыше 200 тысяч бойцов, которым помогало большинство трудового населения Сибири и Дальнего Востока.[59] На Дальнем Востоке партизанское движение способствовало окончательному изгнанию японо-американских интервентов.

В тылу у Деникина[60] на Украине осенью 1919 года действовало свыше 100 тысяч повстанцев. К ноябрю активность партизан, руководимых Зафронтовым бюро, возросли настолько, что противник был вынужден снять с фронта и бросить на Донбасс, Днепропетровск, Херсон отборные части Шкуро[61] и Слащева[62]

Против интервентов (американцев, англичан, французов) на окраинах молодой Советской республики действовали многочисленные партизанские отряды, насчитывавшие в своих рядах на Северном Кавказе и в Закавказье свыше 50 тысяч человек. В Архангельской губернии — до 20 тысяч, на Урале — до 30 тысяч и на Дальнем Востоке — до 50 тысяч человек.[63]

Большинство партизанских отрядов по мере освобождения Красной Армией этих районов вливалось в регулярные части.

Были и обратные случаи, когда в силу необходимости воинские части переходили к партизанским способам борьбы, оказавшись в тылу врага.

Нельзя не отметить эффективность действий Махно,[64] который во время ноябрьского 1919 года контрнаступления Красной Армии буквально парализовал деникинский тыл и захватив главную базу снабжения Добровольческой армии, перерезал все железные дороги в ее тылу. (Кстати, с Махно я встречался. Он был прекрасным организатором).

Для подавления тамбовского восстания, участники которого активно использовали методы партизанской борьбы, пришлось использовать войска общей численность более 120 тысяч, которые своей огневой мощью поддерживали 9 артиллерийских бригад, 4 бронепоезда, 6 бронелетучек, 5 автобронеотрядов и 2 авиаотряда. Только при применении отборных частей Красной Армии удалось подавить партизанское движение. Сам Тухачевский,[65] командовавший этими войсками, писал, что приходилось вести борьбу «со всем местным населением», и это были «не бои и операции, а, пожалуй, целая война».[66]

Таким образом, партизанская борьба в ходе Гражданской войны вне всякого сомнения оказала огромное влияние на конечный исход ее. Следует заметить, что специфика партизанства в это время обуславливалась двумя моментами: большой скоростью передвижения партизан (они могли используя лошадей, менять их на переходах) и возможностью осуществлять нападение на противника в тот момент, когда он находился в изоляции от своих основных сил и, следовательно, не мог рассчитывать на их помощь. В этих условиях наиболее действенными были небольшие отдельно действующие отряды, чье преимущество заключалось в неуловимости. В дальнейшем этот опыт Гражданской войны оказал как положительное, так и отрицательное влияние на процесс организации партизанской борьбы в годы Великой Отечественной войны и на ее эффективность.

Глава 3. Роль и значение партизанской борьбы накануне Второй мировой войны

В 1935 году фашистская Италия напала на Абиссинию. План итальянского командования заключался в том, чтобы разгромить немногочисленную абиссинскую армию (10 тысяч человек) и, захватив столицу до сезона дождей, в полтора-два месяца закончить войну. В ожесточенных боях с 3 октября 1935 по 5 мая 1936 года итальянским фашистам удалось сломить сопротивление абиссинских войск.[67] Но поднявшийся на освободительную войну абиссинский народ сорвал этот план. Вспыхнувшая партизанская борьба продолжалась и после официального окончания войны. Муссолини был вынужден держать в Абиссинии до 200 тысяч войск и более 300 боевых самолетов для проведения карательных экспедиций против абиссинских патриотов. В годы второй мировой войны партизанская борьба в Абиссинии вспыхнула с новой силой. Она закончилась вооруженным восстанием народа и восстановлением национальной независимости абиссинского государства в 1941 году.

Но вне всякого сомнения, самой блестящей страницей истории партизанской борьбы в предвоенный период является партизанская война в Испании. Более, чем что-либо, она повлияла на развитие партизанского и диверсионного искусства. 18 июля 1936 года знаменитая фраза «Над всей Испанией безоблачное небо» возвестила начало мятежа «правых» генералов-фалангистов против законного правительства Испанской республики. Мятежников поддержали фашистские Германия и Италия, в короткое время поставив им около двух тысяч боевых самолетов, 1200 танков, две тысячи орудий, винтовки, пулеметы, снаряды и патроны. В Испанию из этих стран отправились хорошо обученные летчики, танкисты, артиллеристы и другие военные специалисты.

Численность итальянской экспедиционной армии достигала 200 тысяч человек, германского легиона «Кондор» — 50 тысяч. Это вмешательство в значительной степени изменило ход войны. По мере того, как регулярная республиканская армия отступала под натиском фалангистов и интервентов, на занятой мятежниками территории начинали действовать партизанские отряды и группы. На помощь испанскому народу пришли добровольцы из 56 стран и в первую очередь — из Советского Союза.

Численный и качественный рост армий, вовлеченных в конфликт на стороне Франко, в сочетании с действиями контрразведки, значительно сузил возможности партизан бороться с противником в открытом бою. С другой стороны, армии эти стали гораздо более зависимыми от различных поставок — от ГСМ до боеприпасов. Это впервые в XX веке открыло совершенно новые возможности по ведению диверсионной войны, и многие диверсионные приемы, отработанные в ходе гражданской войны в Испании, были затем растиражированы и использованы в самых разных странах в разное время.

У испанцев, последний раз партизанивших во время наполеоновских войн, более 120 лет назад, не было ни навыков, ни специалистов-диверсантов, способных решать специфические задачи партизанской борьбы в тылу современной регулярной армии. Увидев это, старший советник Ян Карлович Берзин[68] добился направления в Испанию хорошо подготовленных, опытных командиров и специалистов-выпускников спецшкол из СССР.[69] Они начали свою деятельность в роли советников и инструкторов небольших разведгрупп, затем превратившихся в диверсионные группы.

Действия партизан, применявших самодельные диверсионные средства, были настолько успешны, что когда наше подразделение, которым командовал Доминго Унгрия и (где мне довелось быть советником) пустило под откос поезд со штабом итальянской авиационной дивизии, Генеральный штаб республиканской армии создал специальный батальон для диверсионных действий в тылу врага.[70]

Затем, в июле 1937 года после уличных диверсий, нарушивших на 6 суток связь Мадридского фронта мятежников с Южным во время Брюнетской операции, Генштаб республиканской армии превратил батальон Доминго Унгрии в специальную бригаду для партизанских действий в тылу врага. При этом личному составу специальных батальонов, действовавших в тылу противника, был установлен полуторный оклад, летний паек и обмундирование по мере износа.

А в октябре 1937 года в связи с успешными действиями партизан в составе Испанской республиканской армии был создан 14-й партизанский корпус, который, нарушая работу тыла противника, содействовал войскам в их операциях на фронте и способствовал усилению партизанского движения на оккупированной врагом территории.

Несмотря на то, что фашисты знали о существовании в Испанской республиканской армии специальных частей,

предназначенных для нарушений работы их тыла, знали все их основные средства и способы, командование фашистской армии так и не могло организовать надежной охраны важнейших коммуникаций. Фашисты затрачивали на охрану своего тыла столько сил, что их численность превосходила в 20–30 раз численность республиканских спецчастей и местных партизан. При этом потери испанских спецчастей были в 150–200 раз меньше потерь противника.

Партизанские силы в действиях по нарушению работы тыла мятежников по существу заменяли авиацию и уже осенью 1937 года отвлекали на охрану коммуникаций и других важных объектов свыше 110 тысяч вражеских солдат и офицеров. Диверсиями на коммуникациях и других объектах партизаны нанесли врагу существенный урон в технике, других материальных средствах и даже живой силе.[71]

Падение Испанской республики весной 1939 года в результате предательства пораженцев и анархистов привело к огромным жертвам испанского народа и его вооруженных сил. При этом благодаря своей маневренной тактике почти не пострадали части 14-го партизанского корпуса, ушедшие затем в двух направлениях — в Алжир и Францию.

После оккупации фашистами Франции этот корпус под командованием заместителя командира Антонио Буйтраго вырвался из лагерей и начал боевые действия вместе с французскими партизанами.[72] Командир корпуса Доминго Унгрия нашел приют в СССР и активно участвовал вместе со мной в партизанской борьбе на временно оккупированной территории Советского Союза.

Значение партизанской войны в тылу иностранных интервентов и мятежников в Испании в 1936–39 годах определяется созданием новых форм, способов и технических средств партизанской борьбы. Все это помогло парализовать тыл фашистов и вынудило их прекратить диверсии, так как все силы, предназначенные противником для деятельности в тылу республиканских войск, были задействованы на охрану собственного тыла.

Большое значение имела партизанская война в Испании и в деле подготовки кадров интербригадовцев. В партизанских соединениях Испании воевало примерно 400 иностранцев. После поражения республиканцев они вернулись в свои страны — Италию, Болгарию, Югославию, имея приобретенный опыт и навыки новой партизанской войны, явившийся большим вкладом в развертывание партизанского движения во время Второй мировой войны. Так, начальник штаба 14-го партизанского

корпуса Л. Илич работал начальником оперативного отдела главного штаба французских партизан и франтиреров. Многие интербригадовцы, участвовали в партизанской борьбе в СССР, Польше, Албании, Бельгии, Франции. Даже после Второй мировой войны многие ветераны партизанской войны в Испании участвовали в партизанской борьбе против империалистов и колонизаторов в Алжире, португальских колониях, в Латинской Америке.

Партизаны-испанцы, эмигрировавшие из страны, оказались поистине необходимыми, когда все-таки понадобилось организовать партизанское движение на занятых вермахтом территориях Советского Союза. В партизанских формированиях, которыми мне довелось командовать, было 356 испанцев — опытных, квалифицированных бойцов. Испанцы действовали в немецком тылу в составе гвардейских минеров и Отдельной мотострелковой бригад особого назначения (ОМСБОН). Они стали инструкторами в специальных партизанских школах. Бывший командир соединения Хуан Менендес с группой других испанских специалистов обучал десантников тактике партизанских действий. Заместителем по диверсиям командира крупного партизанского соединения на Украине был Хуан Антонио Рамирес.

Значение партизанской войны в тылу иностранных интервентов и фалангистских мятежников в Испании в 1936–1939 годах определяется, во-первых, проверкой новых форм, способов и технических средств партизанской борьбы и, во вторых, подготовкой кадров партизан-интербиргадовцев, которые, как мы видим, во время Второй мировой войны внесли большой вклад в развертывание партизанской борьбы. Если бы не Испания, размах партизанского движения в Европе никогда не достиг бы такой силы. Можно с уверенностью говорить о том, что **современная партизанская диверсионная война родилась в Испании и оттуда распространилась по другим странам.**

Нельзя не упомянуть и еще об одной войне, сильно повлиявшей на развитие современной партизанско-диверсионной войны. Я говорю о более чем двадцатилетней национально-совободительной войне китайского народа против японских захватчиков (1937–1945) и армии гоминдана (1928–1949), в которой партизанская борьба имела исключительно важное — стратегическое значение. Она обеспечила широкое развертывание массового движения, направленного на борьбу против оккупантов, что положительно сказалось на ходе Второй мировой войны, создала условия для разложения вражеских войск и поднятия духа в Народно-освободительной армии (НОА),

способствуя ее численному росту и боевым успехам.

Глава 4. Доктрина М. В. Фрунзе[73] и подготовка к партизанской войне

Опыт партизанской войны, накопленный в 1910–20-е годы русской армией был развит советскими военными теоретиками и положен в основу военной доктрины молодого государства. В условиях, когда Россия была окружена врагами, при постоянной угрозе нападения именно партизанские формирования могли сыграть большую роль в обеспечении безопасности.

До 1933 года Армии внушалось, что в будущей войне с ее маневренными операциями «крупная роль будет принадлежать… партизанским действиям, для чего надо организовать и подготовить их проведение в самом широком масштабе».

Огромная заслуга в организации подготовки вооруженных сил страны к ведению партизанской войны, широко развернувшейся в СССР в 1922–1932 годах по праву принадлежит М. В. Фрунзе. Еще в июле 1921 года была опубликована статья М. В. Фрунзе «Единая военная доктрина и Красная Армия». В ней Фрунзе подчеркивал важное значение, какое может приобрести для организации обороны страны подготовка ведения партизанской войны. «Если государство уделит этому достаточно серьезное внимание, если подготовка этой «малой войны» будет проводиться систематически и планомерно, то и этим путем, — отмечал автор, — можно создать для армии противника такую обстановку, в которой при всех своих технических преимуществах они окажутся бессильными перед сравнительно плохо вооруженным, но полным инициативы, смелым и решительным противником».[74]

Обязательным условием успеха «малой войны» по мнению М. В. Фрунзе была заблаговременная разработка ее плана и создание предпосылок обеспечивающих успех ее широкого развития.

В ее основу была положена ленинская мысль о том, что «партизанские выступления не месть, а военные действия»[75] и доктрина М. В. Фрунзе. Он сформулировал нормы и условия ведения партизанской войны:

«Способы и формы ведения войны не всегда одинаковы. Они меняются в зависимости от условий развития и прежде всего от развития производства. Военная тактика в первую очередь зависит от уровня военной техники.

Второе средство борьбы с техническим превосходством армии противника мы видим в подготовке партизанской войны на

территориях возможных театров военных действий.

Но обязательным условием плодотворности идеи малой войны является, повторяю, заблаговременная разработка ее плана и создание всех данных, обеспечивающих ее широкое развитие. Отсюда задачей нашего Генерального Штаба должна стать разработка идеи малой войны».[76]

Подготовка к партизанской войне

В январе 1930 года я был направлен для работы в разведотдел штаба Украинского военного округа, находившийся в Киеве, в отделение, которое занималось подготовкой к партизанской войне. К тому времени у меня был опыт минно-подрывных работ гражданской войны, опыт подготовки подрывников-минеров железнодорожных войск, участия в подготовке железнодорожных участков в приграничной полосе к быстрому устройству заграждений на случай вражеского вторжения. Мною было внесено ряд предложений по минно-подрывным работам и разработаны несколько образцов мин. Они были высоко оценены И. Э. Якиром,[77] который уделял большое внимание подготовке к партизанской войне на случай вражеской агрессии.

И. Э. Якир выступал в специальных партизанских школах, где готовились кадры, присутствовал на учениях, где «действовали» партизанские отряды и диверсионные группы. Определял расположение скрытых, заблаговременно подготавливаемых партизанских баз и даже однажды сам присутствовал при закладке в тайники нужных партизанам средств борьбы на одной заблаговременно подготавливаемой скрытой базе. Большое внимание подготовке к партизанской войне уделяли К. Е. Ворошилов, А. И. Егоров, Я. К. Берзин, В. К. Блюхер, И. П. Уборевич, В. М. Примаков[78] и другие военачальники.

В 1929–33 годах мне, как специалисту, довелось участвовать в подготовке партизанских кадров в пяти специальных школах, в том числе в центральной школе, где начальником был К. Сверчевский и где готовились зарубежные кадры. Некоторые из них потом организовали партизанскую войну в странах, оккупированных фашистами, в том числе в Польше, Италии, Франции и прежде всего в Югославии.

Наряду с этими школами существовали школы в Киеве, одна в Харькове, одна в Купинске. В последней готовились кадры для действий за рубежом. Я там готовил две китайские группы: Обучал технике и тактике диверсий две китайские группы.

Подготовка специалистов велась с расчетом превращения их в ходе войны в командиров. При этом готовились партизанские отряды, организаторские и диверсионные группы, способные действовать на незнакомой местности, в том числе и за пределами Советского Союза. Эти партизанские кадры обучались совершению рейдов и прыжкам с парашютами.

В городах и на железнодорожных участках к востоку от укрепленных районов насаждались хорошо обученные и снабженные специальными средствами диверсанты-подпольщики. Они были тщательно законспирированы. Будучи беспредельно преданными советской власти, они ничем не только не проявляли этой преданности, но, больше того, для посторонних они являлись даже обиженными советской властью. Обучение в спецшколах эти диверсанты маскировали или служебными командировками на строительстве дорог, или совершенствованием специальности, когда помощники машинистов получали право управления паровозом и т. п.

Командиры подразделений и частей Красной Армии, прошедшие специальную подготовку и переподготовку, в случае необходимости могли организованно переходить к партизанским действиям, скрытно базироваться и передвигаться на занятой противником территории, выходить из вражеской блокады, использовать подручные средства для нанесения урона врагу.

Подготовка партизанских кадров сочеталась с совершенствованием способов и средств борьбы в тылу противника.

Учитывая трудности снабжения партизанских сил, особенно в начале войны (а это мы знали из истории нашей борьбы против интервентов и белогвардейцев и по опыту наших зарубежных товарищей, например, в Китае), создавались значительные запасы нужных партизанам средств борьбы на скрытых базах к западу от линии укрепленных районов. Это было дальновидное мероприятие. Если бы войска противника вышли к укрепленным районам, в их тылу оказались бы партизанские базы с большим запасом средств борьбы.

Партизанские формирования привлекались к участию в общевойсковых учениях. Проводились и специальные сборы. Так, в 1932 году под Москвой состоялись секретные учения — Бронницкие маневры. О размахе дела можно судить по следующим данным. В Белоруссии подготовили шесть партизанских отрядов численностью каждый от 300 до 500 человек. Кроме того, в приграничных городах и на железнодорожных узлах были созданы и обучены подпольные диверсионные группы. На тайных складах под землей заложили

50 тысяч винтовок, 150 пулеметов, много боеприпасов и минно-взрывных средств.[79] На Украине было подготовлено не менее 3 тысяч партизанских командиров и специалистов, а также заложено много оружия, боеприпасов и минно-взрывных средств. Аналогичная работа проводилась и в Ленинградском военном округе.

При подготовке к партизанской войне на случай вражеской агрессии, мне довелось участвовать и в уточнении мобилизационных планов развертывания войны в тылу агрессора. Эти планы разрабатывались в штабе Украинского военного округа и в IV Управлении Генштаба. Большая подготовка к партизанской войне проводилась и по линии ОГПУ и особенно по линии дорожно-транспортных отделов ОГПУ на приграничных железных дорогах. Органы ОГПУ в основном вели подготовку к диверсионным действиям партизан-подпольщиков, а по линии НКО шла подготовка войск к партизанским действиям и подготовка партизанских формирований, которые могли бы действовать на незнакомой им территории. Знаю, что и местные парторганы приграничных областей и республик оказывали органам ОГПУ помощь в подборе диверсионных кадров.

В мероприятиях по подготовке к партизанским действиям в тылу вероятного агрессора ЦК ВКП(б) руководящих указаний не давало. ЦК компартии Украины, Молдавии и Белоруссии и Ленинградский обком ВКП(б) принимали участие, которое выражалось в помощи органам разведки и ОГПУ в подборе кадров, их устройству на работу в нужном районе, а также в предоставлении помещений. Никакого участия местных парторганов в обучении и мобпредназначении партизанских формирований не было. Внутри партизанских формирований, как во всех Вооруженных Силах СССР, были политические работники, которые не подменяли командиров.

Как мне известно, до 1933 года руководство действующими в тылу врага партизанскими силами планировалось командованием военных округов по радио из тыла наших войск. Предполагалось, что партизанские формирования будут создавать и руководить подпольем, которое будет выполнять их задания.

В результате командование наших частей и соединений еще в начале 30-х годов не боялось оказаться в тылу противника. При невозможности пробиться к своим основным силам они могли организованно переходить к партизанским действиям, нанося удары по тылам врага. И, конечно, они были уверены, что рядом и вместе с ними во вражеском тылу всегда будут патриоты, готовые оказать любую помощь.

Подготовка к партизанской войне на случай вражеской

агрессии в начале 30-х годов проводилась в очень сложных условиях: негативную роль играли насильственная коллективизация, раскулачивание середняков и голод. Принимались меры по спасению от голодной смерти и подготовленных кадров: их устраивали на работу на сахарные заводы, в леспромхозы и на стройки, но все же потери были велики. Тем не менее к 1933 году все было подготовлено к тому, чтобы в случае вражеской агрессии осуществить внезапно и одновременно такую крупную управляемую партизанскую операцию, в результате которой были бы парализованы все коммуникации западных областей Белоруссии, Украины и Бесарабии, занятые противником, в результате чего войска на фронте остались бы без пополнения, боеприпасов и горючего.

Репрессии

В 1933 году победили сторонники теории войны на чужой территории. (В ходе репрессий против военных 1937–38, склады были ликвидированы, а множество стволов иностранного производства выброшено, как лом. Все, кто имел отношение к подготовке малой войны, были репрессированы в 1937).

В мае 1935 я окончил железнодорожный факультет военно-транспортной академии РККА и был назначен заместителем военного коменданта станции Ленинград-Московский. Я наверняка погиб бы, так как работал под руководством И. Э. Якира, Я. К. Берзина, сопровождал М. Н. Тухачевского и В. М. Примакова, которые были объявлены врагами народа и расстреляны. Мне повезло. В ноябре 1936 удалось попасть в Испанию, где я стал советником и инструктором партизанского формирования под командованием Д. Унгрия, который за 10 месяцев нашей совместной работы превратился из командира диверсионной группы в командира 14-го диверсионного корпуса Испанской республиканской армии.

В начале ноября 1937 года я вернулся на Родину и был ошеломлен, когда узнал, что все мои начальники по всем линиям, где я служил и учился, подверглись репрессиям.

Начальник Разведывательного управления Красной Армии С. Г. Гендин представил меня наркому обороны. К. Е. Ворошилов одобрил мою деятельность, пообещал новые награды. Через две недели Гендин был арестован как враг народа, а я остался в гостинице «Балчуг», ожидая назначения.

После долгого ожидания меня пригласили в НКВД.

Состоялась, как говорится, беседа с пристрастием. Мне

заявили, что заблаговременная подготовка к партизанской войне на случай вражеской агрессии, не благое дело, а затея врагов народа, таких, как Якир, Уборевич и др. Я пытался доказать необходимость этой подготовки, ссылаясь на то, что она велась на основе положений В. И. Ленина, предложений М. В. Фрунзе. Говорил, что к этому делу привлекались в основном участники гражданской войны, члены партии и комсомольцы. Собеседник лукаво улыбался. Беседа была длительная, и мне дали возможность «подумать». Я вышел на улицу.[80]

Все было как в страшном сне. Для меня стало ясным, что заблаговременно подготовленные нами партизанские кадры за редким исключением уже репрессированы. Меня охватил такой страх, какого я не испытывал никогда — ни на фронте, ни в тылу врага. На войне я рисковал только собой, а тут под удар ставились близкие мне люди.

Как стало позже известно, от репрессий в 30-е годы погибло в десятки раз больше хорошо подготовленных партизанских командиров и специалистов, чем за всю Великую Отечественную войну. Уцелели лишь те, кто выпал из поля зрения ежовского аппарата. В основном это были участники национально-революционной войны в Испании (А. К. Спрогис,[81] Троян, Н. А. Прокопюк и др.) и те, кто сменил место жительства незаметно для подручных Ежова. Именно они стали во главе тех школ, которые сформировали партизанские кадры Великой Отечественной.

Репрессиями 1937–38 годов стране был нанесен сокрушительный удар, отразившийся на ходе войны, они вывели из строя около или даже более 40 тысяч офицеров. Это в три раза больше того, что вермахт потерял на восточном фронте за весь первый год войны. Репрессии привели к тому, что в Красной Армии многими подразделениями, частями и тем более соединениями и объединениями командовали, мягко говоря, неподготовленные люди.

Особо большой урон этими репрессиями был нанесен нашей подготовке к партизанской войне на случай вражеской агрессии. Были репрессированы полностью все партизаны-подпольщики-диверсанты. Я не знаю ни одного из подготовленных нами диверсантов-подпольщиков, которые не подверглись бы репрессиям. Из двух десятков уцелевших офицеров, которые нами обучались из командиров и политработников Вооруженных Сил и партизан гражданской войны, в ходе Великой Отечественной войны погибло двое, а репрессирована была не одна тысяча.

Именно эти репрессии и некомпетентность руководства партизанским движением в ходе войны привели к тому, что

партизаны не решили своей основной задачи — отрезать вражеские войска на фронте от источников их снабжения.

Тем не менее, не будь организованной М. В. Фрунзе подготовки, мы не достигли бы того размаха партизанских действий, которые велись в последние годы войны. А если бы были сохранены кадры, то развернуть массовые управляемые действия удалось бы сразу, а не через два года после начала войны!

Фрунзе в своей доктрине остался верен ленинскому принципу, что: 1) партизанская война не месть, а военные действия. Следовательно: 2) она должна планироваться Генеральным штабом, а не партийными учреждениями. Третье важнейшее положение доктрины Фрунзе состояло в заблаговременной подготовке партизанской войны.

Глава 5. Великая Отечественная: не благодаря, а вопреки

Великая Отечественная война, как уже упоминалось в первой книге, застала меня в должности начальника отдела минирования и заграждений Главного военно-инженерного управления Красной Армии. Возвратившись из служебной командировки в конце июня 1941 года, я возглавил оперативно-инженерную группу на Западном фронте, в задачу которой входило устройство заграждений. Вскоре я узнал, что партийные органы республик и областей, на территории, которых вторгся враг, начали создавать партизанские отряды и почти без всякой подготовки забрасывать их в тыл противника.

Партизанские действия начались с первых дней Великой Отечественной войны, вопреки историческому опыту и мобустановкам по подготовке к партизанской войне на случай вражеской агрессии.

В своем обращении к советскому народу 3 июля 1941 года Сталин призвал и к партизанской войне в тылу врага. Он сказал: «В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телеграфной и телефонной связи, поджога лесов, складов и обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия».[82]

Постановка вопроса о методах партизанской войны в речи Сталина меня удивила. Во-первых, создавать в занятых противником районах партизанские отряды некому, не говоря уж о всех трудностях этого дела. Это следовало делать еще до оккупации территории. Во-вторых, партизаны не могут поджигать обозы и вступать в бои с частями вражеской армии. Ведь при боевом соприкосновении противник имеет возможность наращивать свои силы, получать во время боя подкрепления, тогда как партизаны, располагая весьма ограниченными ресурсами, этого делать не могут. Кроме того, ведь и оснащены вражеские войска, как правило, гораздо лучше партизан! Как необученные, слабо вооруженные люди (ведь эти партизанские отряды создавались бы на территории противника) могут сражаться с частями регулярной вражеской армии? Этот призыв Сталина нацеливал партизан на бесплодную партизанщину, а не

на партизанскую войну с целью отрезать войска противника от источников их снабжения. В-третьих, призыв к поджогу лесов в тылу противника был вреден для партизан и полезен для гитлеровцев. Если бы кто-нибудь другой, сказал, что партизаны должны поджигать леса, то его, вне всякого сомнения, сочли бы провокатором или глупцом.

Это в первой четверти XX века партизаны обладали равно, а иногда даже и большей, маневренностью, чем наиболее мобильные части противника, например, кавалерия, и поэтому могли базироваться и совершать рейды на любой местности и в любое время года. Моторизация войск, насыщение их большим количеством скорострельного оружия, увеличение и усовершенствование авиации, создали резкое превосходство регулярных войск над партизанами в скорости передвижения и вооружении. Теперь наиболее благоприятной для партизан являлась та местность, которая была бы недоступна для моторизованных войск и имела обширные укрытия от авиации противника.

В отечественных условиях такой местностью, вне всякого сомнения, являлись леса, которые и были главной базой партизан. И эти собственные базы надо жечь?

Сталин явно не учитывал контрпартизанских мероприятий противника. Между тем, учитывая опыт минувших войн, особенно — опыт борьбы с партизанами в Испании в 1936–1939 годах немецкий Генеральный штаб еще до нападения на Польшу предусмотрел целую систему таких мероприятий. Были созданы специальные войска и органы для контрпартизанской борьбы, которые действовали по заранее разработанному плану. В ходе прошедших компаний гитлеровские каратели приобрели большой опыт, который позже использовали и на оккупированных территориях нашей страны.

Партизанские действия в тылу сильного, специально подготовленного к контрпартизанской борьбе противника требовали всесторонней подготовки партизанских сил и оптимального планирования их действий. Ничего подобного Сталиным в его выступлении не предусматривалось. Более того, в том же выступлении, он потребовал «при вынужденном отходе частей Красной Армии… не оставлять противнику ни одного килограмма хлеба… Колхозники должны угонять весь скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывоза его в тыловые районы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно быть, безусловно, уничтожено».[83]

Совсем иначе дело обстояло на территориях, оставляемых нашими войсками в 1941 году. Значительная часть советской

земли была занята фашистскими оккупантами до начала какой-либо эвакуации даже самых важных предприятий оборонного значения. Вскоре после вражеского вторжения началась эвакуация оборудования промышленных предприятий, сельхозтехники и колхозного скота и продовольствия из тех районов, которым угрожала оккупация. При этом из местных жителей эвакуировали практически только рабочих и инженерно-технический персонал. Очень мало эвакуировалось железнодорожников и оставались на месте все колхозники. Таким образом, основная масса населения не эвакуировалась.

В подобных условиях, вывоз и уничтожение, вместо раздачи, продуктов питания, и, прежде всего, зерна, обрекал на голодную смерть население временно оккупированных врагом территорий. Дословное выполнение этих распоряжений привело бы только к резкому увеличению числа коллаборационистов, вызвало бы у местных жителей ненависть к Советской власти и армии, и толкнуло бы многих на службу противнику. После выступления Сталина усилилось скоропалительное формирование и переброска в тыл врага без должной подготовки партизанских, отрядов и диверсионных групп. Между тем не была даже сформулирована их основная задача: отрезать вражеские войска от источников их снабжения.

Какой же представлялась реальная партизанская тактика? Вне всякого сомнения, средства вооруженной борьбы влияют и на возможности, и на стратегию и тактику партизанской войны; об этом писал еще М. В. Фрунзе. В канун Второй мировой войны решающее влияние на партизанские действия имело появление многочисленной военной техники (танков, мотопехоты, авиации, радиосвязи).

С одной стороны, в результате этого партизаны, как уже упоминалось, утратили весьма существенное преимущество перед регулярными войсками в маневренности на местности, доступной для бронетанковых частей; авиация могла не только помогать войскам противника в обнаружении крупных отрядов партизан, но и непосредственно воздействовать на партизан; радиосвязь сделала часто бесполезным перерезание телефонных проводов перед нападением партизан на штабы, склады и другие объекты противника, снизила до минимума изоляцию отдельных подразделений врага от его главных сил.

Перевозимые автотранспортом и поездами войска и грузы, оказывались совершенно неспособными предотвратить взрывы мин, установленных на дорогах. Не допустить минирования путей сообщения может только очень сильная их охрана, применяющая технические средства защиты, однако, такая охрана, как правило,

создается уже после начала массовых диверсий. Поэтому очень важно заминировать эти объекты минами различных типов до создания подобной сильной защиты.

Что касается автотранспорта, то еще в Испании было подтверждено, что не только железные дороги, но и автомобильные колонны, даже сопровождаемые танками, весьма уязвимы для партизан. Автоколонны не могли высылать боевого охранения, а целенаправленно охранять дороги у франкистов не хватало сил.

Нанеся огневой удар по колонне, партизаны ее «добивали», если это было им по силам, или уходили по той местности, где преследование было исключено. Применяя же управляемые мины для ударов по автомобильным колоннам, партизаны вообще могли оставаться незаметными и потому неуязвимыми.

Даже появление авиации во многих странах пошло на пользу партизанам. Если вражеская авиация и затрудняла действия партизан, то собственная впервые в истории давала возможность снабжать партизанские формирования всем необходимым через голову противника, доставлять во вражеский тыл различные средства борьбы, инструкторов, специалистов и руководителей, эвакуировать раненых.

Еще больше помогло партизанам появление радио, поскольку оно давало возможность поддерживать надежную связь со своими органами руководства и немедленно передавать разведданные о противнике.

Технический прогресс дал партизанам возможность выводить из строя автомобильный и особенно железнодорожный транспорт, воздействовать на линии коммуникации противника, уничтожать его войска во время перевозок, не вступая в боевое соприкосновение. Но для этого было необходимо обеспечить снабжение партизан специальными минами и взрывчатыми веществами (ВВ). Партизаны не могли решить задачу по закрытию ночного и дневного движения на железнодорожных магистралях и автомобильных дорогах, как требовал Сталин, за счет трофеев и подобранных на полях сражений боеприпасов и оружия. Специальные мины обычно не валяются на земле, а что до трофеев, то следует заметить, что у партизан гораздо меньше возможностей брать трофеи, чем у регулярных войск. Этого Сталин явно не понимал. Подобная установка не была вынужденной мерой. Забежим вперед. Когда возможности, по снабжению партизан возросли, 18 августа 1942 года, начальник Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) П. К. Пономаренко,[84] после очередного разговора со Сталиным, дал радиограмму ряду командиров партизанских формирований. В

этой телеграмме их ориентировали на снабжение за счет трофеев, указывая, что «снабжение партизан из центра», якобы, «не только затруднительно, но и может привести к отсиживанию».

Все описанные выше технические средства и возможности, весь накопленный в Испании опыт, можно и нужно было использовать для защиты своей страны, а не руководствоваться застывшими на уровне Гражданской войны взглядами о партизанской деятельности и сталинскими призывами вроде «сожжения лесов».

13 июля 1941 года приказом наркома обороны маршала Советского Союза С. К. Тимошенко[85] я был по совместительству назначен начальником Оперативно-учебного центра (ОУЦ) Западного фронта, в задачу которого входили самая минимальная подготовка партизанских отрядов и диверсионных групп, их материальное обеспечение и переброска в тыл противника. На все это отводилось не более семи суток. Замечу, что в 30-е годы будущих партизан, имевших не менее годичной общевойсковой подготовки, обучали аж в течении от трех до шести месяцев.

Подготавливаемые нами партизанские формирования остро нуждались в средствах радиосвязи, специальных минах, вооружении и боеприпасах. Кое-что мы с трудом добывали, надеясь, что скоро будет создано командование партизанскими силами, которое займется планированием и обеспечением партизанских действий.

Только через месяц после начала войны, 18 июля 1941 года, появилось постановление ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германских войск». Однако и оно не внесло ясности. В нем не было сказано ни слова о подготовке партизанских формирований, об организации связи и снабжения, о привлечении к партизанской борьбе военнослужащих, которые в силу сложившейся обстановки оказались в тылу противника и не смогли пробиться к основным силам Красной Армии. И в этом постановлении не ставилась задача отрезать вражеские войска от источников их снабжения.

А главное, вместо хорошо отработанной в начале 30-х годов и проверенной в Испании системы управления партизанскими силами предлагалось «развернуть сеть наших большевистских подпольных организаций на захваченной территории для руководства всеми действиями против фашистских оккупантов». Это была явно невыполнимая установка, приведшая к гибели многих мужественных коммунистов. Она противоречила опыту партизанской войны в Китае и Испании, а вскоре была опровергнута и отечественной практикой. Кроме того, такой сети большевистских подпольных организаций для руководства

борьбой в тылу противника попросту не было, и она не могла быть создана даже за год. Дело в том, что гитлеровцы предусмотрели мероприятия по борьбе с партийным и боевым партизанским подпольем. Все граждане СССР, переменившие место жительства после 22 июня 1941 года, брались ими на учет или даже сразу подвергались репрессиям.

Наспех организованное подполье из людей, которые были известны, как коммунисты и тем более руководители партийных организаций, оказалось весьма уязвимо и подпольщики в большинстве случаев погибали, если не выходили в расположение партизанских формирований (секретари подпольных обкомов и райкомов ВКП(б) превращались, как правило, в командиров и комиссаров этих боевых единиц).

Еще опыт учений в начале 30-х годов убедительно показал, что при ведении полномасштабной партизанской войны невозможно обойтись без оперативно-военных органов руководства партизанскими силами с мощными радиоузлами.

Июльское постановление ЦК ВКП(б) так же не приостановило поспешного формирования и массовой переброски во вражеский тыл плохо подготовленных, слабо вооруженных и почти не экипированных надежными средствами радиосвязи партизанских отрядов. Партизанская война советских патриотов, как выразился Герой Советского Союза М. И. Наумов, «велась не только неумело, но и бесхозяйственно, можно сказать, безнадзорно».[86] Помимо этого беда первых партизанских отрядов и формирований коренилась и в том, что их использовали в прифронтовой полосе противника. «…Необученные, неоснащенные по-фронтовому, вообще не приспособленные ни в каком отношении к позиционному образу действий, партизаны зачастую гибли, не принося противнику существенного вреда, не разрушая его коммуникации. И там только укреплялись, пользуясь тишиной, административные органы оккупантов».[87]

И, тем не менее, даже при подобных, наихудших из всех возможных обстоятельствах, при громадных потерях и низкой эффективности, действия партизан были весьма чувствительны для вермахта и заметны далеким союзникам. «За линиями немецких фронтов, — писал У. Черчилль, — появились партизаны, которые повели жестокую войну против немцев, нарушая их коммуникации. Захваченная противником русская железнодорожная сеть оказалась непригодной»[88] При достаточно сильном преувеличении, эти слова служат напоминанием о тех гигантских потенциальных возможностях, которые таятся даже в плохо подготовленной и неумело ведущейся партизанской войне.

Потери

Уже к осени 1941 года на оккупированную часть Ленинградской области было переброшено 18 тысяч партизан, в том числе 6 партизанских полков общей численностью до 8 тысяч человек. К зиме их осталось не более 4 тысяч.

На Украине к осени сохранилось 2 партизанских полка, 883 партизанских отряда и 1700 разведывательных и диверсионных групп общей численностью в 35 тысяч человек. К июню 1942 года осталось только 30 партизанских отрядов численностью 4043 человека и только в апреле 1943 численность украинских партизан достигла 15 тысяч, а в январе, когда численность НОАЮ достигла 400 тысяч, численность украинских партизан не превышала 48 тысяч человек.

Не лучше обстояло дело и в Белоруссии, где были исключительно благоприятные условия для ведения партизанской войны: обширные леса и болота, преданный своей родине народ.

1 августа 1941 года на территории Белоруссии находился 231 действующий партизанский отряд общей численностью свыше 12 тысяч человек. В конце лета и осенью засылка партизанских отрядов в тыл противника продолжалась, и до конца года было создано и направлено в Белоруссию 437 партизанских отрядов и групп, насчитывающих 7254 человека. На 1 января 1942 остался 61 отряд. Таким образом, к 1 января 1942 года уцелело на Украине менее 4 % партизанских отрядов, в Белоруссии менее 10 % отрядов и групп и на оккупированной Ленинградской области около 25 %.

Значительно лучше обстояло дело в Смоленской, Калининской, Орловской и Московской областях, там, где было больше времени для подготовки партизанских формирований (хотя тоже не больше 2–3 месяцев)..

Партизанские силы были нашим «вторым фронтом» и их численность без тылового обслуживания достигала 150–240 тысяч. Этим фронтом одно время командовал маршал К. Е. Ворошилов. Потом фронт остался без командующего и начальником штаба этого фронта был кадровый политработник П. К. Пономаренко, который и ротой не командовал и не кончал военной Академии. Белорусскими партизанами «командовал» начальник Белорусского штаба партизанского движения П. З. Калинин, которому в Красной Армии и взвода не доверили бы, а ему поручили командовать армией, численность которой в 1943 году превысила 100 тысяч вооруженных партизан. А война в тылу врага весьма сложна. На фронте противник перед тобой обычно

только впереди, а в тылу врага он опасен со всех сторон. Фронтами командовали такие маршалы как К. Рокоссовский,[89] И. Конев, Р. Малиновский, Г. Жуков, И. Баграмян[90] и другие. Нельзя победить, не овладев военным искусством, а в партизанской войне так же нужно именно военное искусство в сочетании с политическим обеспечением. Поэтому было целесообразно поручать командовать партизанскими силами людям, имеющим специальную подготовку, а партработникам заниматься политическим обеспечением.

Уже в июле 1941 участники партизанской войны в тылу фашистских интервентов и мятежников в Испании внесли предложение прекратить переброску в тыл противника партизанских формирований, не имевших должной подготовки, перенести упор на сформирование специальных частей из тщательно обученных людей для заброски их в тыл фашистским захватчикам с целью отрезать вражеские войска на фронте от источников их снабжения.

Дай Сталин такое указание, можно было бы в короткий срок вывести из строя растянутые коммуникации противника, проходящие через районы, весьма благоприятные для партизанских действий. Однако, несмотря на многочисленные предложения, этого он не сделал.

Тем не менее идеи более эффективной организации партизанской войны у меня, например, не выходили из головы. Однажды я поделился своими соображениями с секретарем ЦК КП(б)У Н. С. Хрущевым, который осенью 1941 года являлся одновременно членом Военного совета Юго-Западного фронта. Как оказалось, Хрущев был готов к такому разговору: в свое время нечто подобное предлагал ему М. К. Кочегаров — бывший начальник одной из партизанских школ в Киеве и участник войны в Испании. Хрущев ознакомил с моими соображениями Военный совет фронта и по его рекомендации направил их Сталину в виде документа, подписанного мной и генералом Невским. Со своей стороны Хрущев написал Сталину личное письмо, в котором просил его принять меня для беседы по этому вопросу.

В декабре 1941 я уже сидел в приемной Сталина, но он меня не принял и направил к Л. Мехлису.[91] Едва я начал излагать основные положения, Мехлис резко прервал меня:

— Не о том говорите! Не это сейчас нужно. — Он сделал паузу и с иронически воскликнул:

— Глубокий вражеский тыл, коммуникации! Вы что, с неба упали? Не знаете, что враг стоит под самой Москвой?! Надо учитывать, что наступила зима, и необходимо полностью использовать те преимущества, которые она дает! Нужно

заморозить гитлеровцев! Все леса, все дома, все строения, где может укрыться от холода враг, должны быть сожжены! Это вам понятно?

Я осторожно заметил, что леса зимой не горят и что они — база для партизан. А если жечь деревни — лишатся крова наши же люди.

Возражение лишь подлило масла в огонь. Мехлис обозвал меня и Невского[92] горе-теоретиками и слепцами. Он потребовал превратить Подмосковье в снежную пустыню: куда бы ни сунулся враг, он должен натыкаться только на стужу и пепелища.

При возвращении во второй дом НКО, где я остановился, я снова вспомнил только что услышанные слова Мехлиса и пришел в ужас. У меня на лбу даже выступил пот… Ведь в речи 3 июля 1941 года Сталин призывал поджигать леса в тылу врага…

На следующий день я по ВЧ доложил Хрущеву о том, что вместо Сталина меня принял Мехлис, и о том, как он отреагировал на наше с Невским предложение.

— Товарищ Сталин очень занят, — сказал дипломатично Никита Сергеевич, — но я позвоню товарищу Вознесенскому.

И действительно, несколько дней спустя начальника инженерных войск Красной Армии генерал-майора Л. З. Котляра[93] и меня пригласили к председателю Госплана Н. А. Вознесенскому.[94] С собой предлагалось захватить образцы замыкателей и взрывателей, о которых шла речь в докладе на имя Сталина.

Вознесенский был улыбчив и выглядел очень молодо. Предложил сесть, сам опустился на стул последним. После обстоятельной беседы были определены потребности в специальных неизвлекаемых противопоездных минах замедленного действия. Уже весной 1942 года они начали поступать в войска в значительном количестве.

Глава 6. Стратегия ошибок

Причину огромных потерь, которые несли партизаны, а также малую эффективность партизанской войны в 1941–42 годах я вижу в следующих ошибках:

1. Стратегические ошибки военного руководства, в результате которых Отечественная война была растянута почти на пять лет.
2. Репрессии, уничтожившие опытные, хорошо подготовленные кадры и ликвидация необходимых мероприятий на случай вражеской агрессии за 3–4 года до войны.
3. Руководство военными действиями партизан было доверено человеку, не имеющему ни военной, ни специальной подготовки.
4. В тыл врага забрасывали неподготовленные формирования.
5. Перед партизанами ставились непосильные задачи, которые могли решаться только боевыми столкновениями, что в принципе неправильно.
6. Отсутствовало планирование действий партизанских сил, что связано с некомпетентностью руководителей штабов партизанского движения.

Остановимся на этих ошибках подробнее.

Ошибки военного руководства при определении задач партизанской войны

Все допущенные стратегические ошибки были результатом забвения положений, сформулированных М. В. Фрунзе.

Первая ошибка — подмена военной организации партийными органами.

18 июля 1941 года руководство партизанской борьбой было возложено на партийные органы, а в тылу врага на подпольные парторганы. Эта большая стратегическая ошибка привела к отстранению Генерального Штаба от руководства партизанской войной в тылу врага, к большим потерям в первый год войны.

Сталин не различал понятия деятельности КПСС по руководству партизанским движением и руководства войной в тылу Вермахта. Отсюда отсутствие единого целенаправленного руководства войной в тылу фашистов. ЦК ВКП(б), вопреки всем установкам при довоенной подготовке к партизанской войне на случай вражеской агрессии, взяло на себя и возложило на местные парторганы несвойственные им функции военного руководства войной в тылу врага.

В годы гражданской войны В. И. Ленин, ЦК партии принимали меры по налаживанию централизованного военно-оперативного руководства партизанской борьбой. Для этой цели был образован Центральный штаб партизанских отрядов (ЦШПО), созданный по указанию Ленина при оперативном отделе (Опероде) Наркомвоенмора. После подписания Брестского договора по конспиративным соображениям штаб переименовали в Особое разведывательное управление Опорода. Бывший его начальник С. И. Аралов[95] в своих воспоминаниях отмечал, что Ленин придавал большое значение работе партизанского штаба и особого разведывательного отделения,[96] деятельность которых контролировалась и направлялась ЦК РКП(б).

В начале Великой Отечественной войны военные советы фронтов, ЦК КП(б)У и ЦК КП(б)Б, обкомы ряда оккупированных областей обращались в ЦК ВКП(б) и лично к Сталину с предложениями о создании военно-оперативного органа для руководства борьбой в тылу врага. Но Сталин в этом вопросе решительности не проявлял.

На какое-то время было создано Управление по формированию партизанских частей, отрядов и групп в составе Наркомата обороны, но оно ничем особым себя не проявило и в декабре 1941 года было упразднено.

Вторая ошибка — отсутствие заблаговременной подготовки войск к партизанской войне.

Забвение положений М. В. Фрунзе о подготовке войск к партизанским действиям и ликвидация мероприятий по заблаговременной подготовке к партизанской войне, привели к тому, что, казалось бы, при благоприятных условиях для ведения партизанской борьбы около четырех миллионов советских воинов, оказавшись в силу сложившейся обстановки в тылу противника, попали в плен.

Третья ошибка — политика «Гони немца на мороз».

«Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К Вам я обращаюсь, друзья мои!» — так начал 3 июля 1941 года на одиннадцатый день войны свое выступление, пришедший в себя Сталин. И тут потребовал от «друзей», подвергшихся агрессии фашистов, «при вынужденном отходе частей Красной Армии… не оставлять противнику ни одного килограмма хлеба… Колхозники должны угонять весь скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывоза его в тыловые районы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожено».

Этим самым Сталин думал затруднить гитлеровским войскам продвижение вглубь страны. Но в действительности это

требование вождя очень помогло именно оккупантам, даже учитывая, что оно было выполнено не полностью. Сталин знал, что так делали финны при отходе их войск во время советско-финской войны в 1939–40 годах, но Сталин не принял во внимание, что темпы наступления войск Красной Армии были малыми и противник успевал не только угонять скот, но и эвакуировать население с территории, находившейся под угрозой оккупации. Больше того, финны при отходе сожгли в оставляемых ими населенных пунктах все, что могли и заминировали минами замедленного действия часть уцелевших зданий. Зима была холодной, и после ряда взрывов мин в уцелевших зданиях, наши войска их уже боялись занимать.

Опустошая при отходе оставляемую территорию, финны не могли надеяться на возвращение оставляемых земель. Опустошение территории при отходе командование финляндской армии дополняло действиями их партизанских снайперов и различного рода минами. Все это составляло значительные трудности для Красной Армии.

Другое дело с положением на территории, оставляемой Красной Армией. Значительная часть советской земли была занята фашистскими оккупантами без какой-либо эвакуации даже весьма важных предприятий. Вскоре после вражеского вторжения началась эвакуация оборудования промышленных предприятий, сельхозтехники, колхозного скота. Рабочие и инженерно-технический персонал эвакуировался вместе с оборудованием на Восток. Очень мало эвакуировалось железнодорожников и оставались на месте колхозники.

Вместо того, чтобы продукты питания, и прежде всего зерно, раздать населению, Сталин требовал уничтожать, что не может быть вывезено при отходе войск. Тем самым «любимый вождь народа» обрекал на голодную смерть население на оставляемой территории.

Если бы требование Сталина было выполнено, то во время оккупации вымерло бы почти все население левобережных областей Украины и оккупированных территорий России.

Четвертая ошибка — задача отсечь врага от источника снабжения не ставилась.

В годы Великой Отечественной войны резко повысилась зависимость войск на фронте от источников ее обеспечения. Насыщение армий большим количеством артиллерии, бронетехники и скорострельного оружия сделало войска зависимыми от бесперебойного их снабжения большим количеством боеприпасов — горюче-смазочных материалов (ГСМ). Миллионная армия нуждалась и в большом количестве

продовольствия.

Следовательно, в Великой Отечественной войне повысилась роль транспорта, который должен был доставлять войскам на фронте все необходимое для боя и жизни. Основными видами транспорта в минувшей войне были железнодорожный, который обеспечивал подвоз всего необходимого войскам от источников снабжения до войсковых баз, и автомобильный, который доставлял все необходимое войскам со станций снабжения. В аварийной обстановке, когда наземный транспорт не мог доставлять грузы войскам, например, в окружении, войска снабжались по воздуху. Но снабжение по воздуху в годы Великой Отечественной войны было в относительно небольших размерах и могло осуществляться только при господстве в воздухе. Как правило, снабжение окруженных войск по воздуху сопровождалось большими потерями авиации, и было кратковременным.

В Великой Отечественной войне, когда войска фашистов вторглись глубоко на территорию страны, их положение могло оказаться хуже войск Наполеона, которые заняли Москву. Почему? Да потому, что железнодорожный транспорт был более уязвим, чем гужевой времен Наполеона. Воздействие на гужевой транспорт партизаны могли оказать только засадами, разрушением мостов, а сами дороги были малоуязвимы. Сильно охраняемые обозы могли уничтожаться или даже захватываться только в результате боевого столкновения.

Во время минувшей войны уже были средства, которые давали возможность выводить из строя автомобильный и особенно железнодорожный транспорт, не вступая в бой с перевозимыми войсками. Но, к сожалению, несмотря на мужество и отвагу советских партизан, несмотря на всенародную их поддержку населением, в годы Великой Отечественной войны не удалось отрезать вражеские войска от источников их снабжения, хотя такая задача партизанам ставилась и планы прекращения движения на железных дорогах и ночного движения автотранспорта составлялись и Верховным Главнокомандующим утверждались. Партизаны, не жалея сил, проявляя отвагу и мужество, инициативу и выносливость, не смогли полностью закрыть пути подвоза вермахта на оккупированной им советской территории и тем поставить его войска на фронте перед катастрофой.

Отчасти в результате неверной стратегии Отечественная война была растянута на пять лет.

Ликвидация мероприятий, осуществленных ранее на случай

вражеской агрессии

Репрессии, уничтожившие опытные, хорошо подготовленные кадры и ликвидация мероприятий, осуществленных ранее на случай вражеской агрессии за 3–4 года до войны явились основной катастрофической ошибкой, допущенной в ходе подготовки к войне.

По данным генерал-лейтенанта А. И. Тодорского[97] репрессировано:

Из 5 маршалов Советского Союза — 3
Из 2 армейских комиссаров первого ранга — 2
Из 4 командармов первого ранга — 2
Из 12 командармов второго ранга — 12
Из 2 флагманов флота второго ранга — 2
Из 6 флагманов первого ранга — 6
Из 15 армейских комиссаров второго ранга — 15
Из 67 комкоров — 60
Из 28 корпусных командиров — 25
Из 199 комдивов — 136
Из 397 комбригов — 221
Из 36 бригадных комиссаров — 34

Если сосчитать только самый высший состав, от маршалов до армейских комиссаров второго ранга включительно, то окажется, что из 46 человек было выведено из строя 42.

Никакое поражение никогда не ведет к таким чудовищным потерям командного состава. Только полная капитуляция страны после проигранной войны может иметь такие последствия. Как раз накануне решающей схватки с Вермахтом, накануне величайших из войн, Красная Армия была обезглавлена. Сталинские репрессии советских офицеров перед войной настолько сильно ослабили вооруженные силы Советского Союза, что они при превосходстве в количестве танков, самолетов и орудий потерпели поражение. В первые месяцы гитлеровцам удалось подойти к Ленинграду и к Москве, оккупировать Прибалтику, Белоруссию, почти всю Украину.

Не будь у нас репрессировано тысячи опытных, хорошо подготовленных специалистов, с первых дней войны в тылу врага начали бы действовать сотни отрядов, подобных отрядам С. А. Ковпака, Г. М. Линькова, Ф. Д. Гнездилова и других, и к ноябрю 1941 года войска Вермахта на фронте были бы надежно отрезаны от источников их снабжения. Не секрет, что в первый год войны в тылу противника не погиб ни один партизанский отряд под командованием опытных или хорошо подготовленных командиров. Больше того, эти отряды за первый год значительно

выросли и нанесли противнику заметный урон. Большинство опытных и хорошо подготовленных командиров провоевали всю войну в тылу врага, нанесли ему большой урон, из командиров групп и небольших отрядов они превратились в командиров партизанских бригад, дивизий и так называемых партизанских соединений. Среди них такие, как дважды Герой Советского Союза С. А. Ковпак, А. Ф. Федоров, Герои Советского Союза Г. М. Линьков, В. М. Яремчук, Д. К. Карицкий, А. М. Грабчак, С. А. Ваупшасов,[98] В. З. Корж,[99] К. П. Орловский[100] и многие другие. Например, огромные потери врагу нанес военный инженер Г. М. Линьков с минимальными потерями со своей стороны.

Некомпетентность руководства партизанами

Руководство военными действиями партизан было доверено человеку, не имеющему ни военной и ни специальной подготовки.

Сталин так до конца не понял значения и возможностей партизанской войны в тылу врага. Верховный, как и занимавшийся вопросами партизанской борьбы в тылу Вермахта начальник главного Управления формирований Е. А. Щаденко[101] и экс-нарком Обороны К. Ворошилов своевременно не учли изменений и возможностей партизан по сравнению с их возможностями в гражданской войны.

В годы гражданской войны партизаны решали свои задачи по борьбе с врагом внезапными налетами и засадами, обладая большей маневренностью, чем их противник. Перед налетом на вражеские гарнизоны партизаны, обрывая проводную связь, как бы изолировали их от внешнего мира, и подвергшиеся нападению не могли получить поддержки.

Двухчасовая беседа Сталина с Пономаренко в декабре 1941 года закончилась тем, что Верховный Главнокомандующий поручил ему немедленно приступить к организации Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) при Ставке Верховного Главнокомандования и возглавить этот штаб.

Как кадровый политработник П. К. Пономаренко стал подбирать кадры руководящих работников штаба «из числа уже зарекомендовавших себя при организации партизанских отрядов работников партийных органов, политработников Красной Армии и пограничных войск, а также необходимых специалистов по радиосвязи, минно-подрывному делу, разведке и т. п. Эта важная задача решалась при помощи ЦК ВКП(б) и партийных органов

республик и областей».[102] Так было и на самом деле. Такой подбор кадров ЦШПД привел к тому, что он не мог обеспечить оптимальное планирование операций партизанских сил. Планы операций, разрабатываемые ЦШПД и подчиненными ему штабами партизанского движения, не были планами организованных военных действий, а скорее напоминали постановления парторганов по проведению посевных и уборочных работ. У политработников, не проходивших специальной партизанской подготовки (имевших такую подготовку политработников уже не осталось — они были давно репрессированы), ни опыта, ни знаний для руководства действиями партизанских сил не было.

Печально, но факт — П. К. Пономаренко был таким сталинской закалки партократом, который считал, что он все знает и все умеет. Что особенно негативно сказалось на эффективности партизанской войны в тылу Вермахта — это его неуклонное выполнение явно ошибочных указаний «великого вождя», отсутствие у него знаний по военному искусству, а отсюда недооценка необходимости солидной специальной партизанской подготовки командиров и руководителей для войны в тылу врага.

Больше того, спустя несколько лет после Великой победы Пономаренко, утверждал, что жесткое централизованное планирование действий партизан вредно. Пока план будет доведен до исполнителя, противник может уже исчезнуть. Но основные объекты действия партизан — железные и автомобильные дороги, линии связи противнику наиболее трудно защищать, а партизаны с минимальными потерями или даже вовсе без потерь смогут выводить их из строя именно при оптимальном планировании. Только при планировании действий партизанских сил можно заставить противника перейти к обороне.

В беседе со Сталиным П. К. Пономаренко предлагал от длительной подготовки одиночек или групп классиков-диверсантов перейти к широко организованной планомерной массовой диверсионной работе, решительно искореняя кустарщину, разобщенность.[103]

Опыт же убедительно доказывал, что именно отлично подготовленные диверсанты наносили врагу больший урон и, как правило, без потерь со своей стороны. Бывший начальник ЦШПД так и не понял значение массовой подготовки классиков-диверсантов. Больше того, он не понимал, что самые отличные специалисты минно-подрывного дела могут быть очень посредственными диверсантами, если они не поймут, что диверсии в тылу врага по их осуществлению сильно отличаются

от минно-подрывных работ, проводимых при отходе своих войск.

Мне известны десятки классиков-диверсантов из подрывников инженерных войск, которые только после специальной подготовки стали отличными диверсантами. Известно и другое. Подрывник с большим стажем работы в штабе инженерных войск Красной Армии, не имея специальной партизанской подготовки и не побывавший в тылу врага, внес предложение о подрыве рельсов 100-граммовыми головыми шашками. Начальник ЦШПД, после проверки на полигоне под Москвой, подписал инструкцию и заказал огромное количество этих шашек, а оказалось, что в тылу противника, где совсем другие условия, партизаны не всегда могли обеспечить плотное прилегание шашки к головке рельса и нужную присыпку, в результате часто после взрыва 100-граммовой шашки головка рельса оставалась целой и, больше того, иногда на рельсе были только трещины или даже пятна. И «бесшумно» были даны указания о подрыве рельсов 200-граммовыми шашками.

В письмах, в том числе и автора этих строк, было предложение о создании специальных диверсионных бригад для ударов по коммуникациям противника. На эти предложения в 1941 году Сталин не отреагировал. К тому времени опыт показал, что борьба с частями вражеской армии сводилась, в основном, к крушению поездов, подрыву автомашин и бронетехники минами и только при благоприятных условиях — нанесению урона противнику действиями из засад. Бои партизан с частями Вермахта в его тылу для партизан сопряжены с большими потерями, чем бои с на фронте. В своем тылу враг в ходе боя может наращивать усилия, бесперебойно обеспечивая боеприпасами. У партизанских полков, которые были созданы для борьбы с частями врага в его тылу, этих условий не было. Поэтому 2 украинских и 6 ленинградских партизанских полков, вступив в боевое столкновение с оккупантами, несмотря на героизм личного состава, были разгромлены.

Выполняя поручение Верховного Главнокомандующего, начальник ЦШПД развернул бурную деятельность, в первую очередь по организации, связи с партизанскими формированиями, действующими в тылу врага. Быстро был создан мощный центральный приемо-передаточный радиоузел, развернута радиошкола.

Когда работа по созданию штабов партизанского движения была проведена и все намеченные мероприятия шли нарастающими темпами, неожиданно в конце января 1942 года Верховный распорядился ликвидировать созданный ЦШПД. Встал вопрос как быть с уже созданными органами, школами, в том

числе с радиошколой. П. К. Пономаренко нашел выход — центральная радиошкола была передана на бюджет Совнаркома Белоруссии.

Скрытые действия — основа тактики партизан

Перед партизанам ставились непосильные задачи, которые могли решаться только боевыми столкновениями, что в принципе неправильно. Если все потери партизан принять за 100 %, то окажется, что более 90 % потерь они несли в открытых боях.

Скрытые действия и умелая конспирация успешно применялись партизанскими силами на временно оккупированной территории. И именно скрытые действия партизан, как признают даже наши противники, не давали возможности врагу чувствовать себя в безопасности на оккупированной территории.

Если весь урон, нанесенный партизанами противнику, принять за 100 %, то окажется, что даже по материалам штабов партизанского движения, более 85 % в живой силе и более 95 % в материальных средствах был нанесен скрытными действиями партизан. При применении минных средств, не вступая в бой с противником и рациональном планировании операций, соотношение потерь было до 1 к 250 в пользу партизан, при открытых (особенно, затяжных боях) потери партизан были больше потерь противника. **Для партизан открытый бой — самый невыгодный вид деятельности.**

Партизанские формирования часто базировались именно вблизи вражеских гарнизонов и самых больших городов. Например, партизаны в Испании базировались длительное время всего в 2 км от сильного гарнизона, охранявшего крупную гидростанцию, располагались недалеко от Кордовы, Гренады, где были крупные гарнизоны. Советские партизаны базировались вблизи больших гарнизонов под Брянском, Минском, Витебском, Пинском, Оршей, Гомелем, Киевом, Ровно, Нежином, Черниговым, в городах Одессе, Киеве, Харькове, Минске. В Париже находились крупные силы партизан, освободившие город от оккупантов раньше, чем туда пришли войска союзников.

Если бы в начальный период войны советские партизаны вели только открытые боевые действия и опирались на силу оружия, а не умели бы конспирироваться и вести скрытые действия, то сотни диверсионных, организаторских, да и других малочисленных групп погибли, не нанеся врагу существенного урона. Так, если бы К. С. Заслонов со своей малочисленной

группой начал бы с открытых боевых действий, то он не нанес бы врагу огромного урона с помощью «угольных мин» (и без потерь со своей стороны). Так было и с другими Героями Советского Союза Г. М. Линьковым, В. М. Яремчуком, А. М. Грабчаком, А. И. Ижукиным и многими другими. Так было и с дважды Героями Советского Союза С. А. Ковпаком и А. Ф. Федоровым.

Заметим, что уже в июле 1942 года советские партизаны занимали в тылу противника целые районы и «края», общий периметр которых в 2–2,5 раза превышал протяженность советско-германского фронта, численность вооруженных партизан была в 50 раз меньше численности Красной Армии, а по вооружению партизаны не могли идти ни в какое сравнение с регулярными войсками Красной Армии. Летом у противника появились силы для того, чтобы начать наступление на юге и выйти к Волге и на Северный Кавказ. В это время партизаны расширили свою территорию, так как основные силы противника были связаны сражениями с Красной Армией. Одновременно скрытыми действиями партизаны вынудили противника почти все силы, выделенные для контрпартизанской борьбы, бросить на оборону коммуникаций и на борьбу против партизан-подпольщиков в городах и других удерживаемых оккупантами населенных пунктах. Значительные силы отвлекали рейдирующие отряды и соединения.

Партизанские отряды базировались на недоступной для тяжелой техники местности или конспиративно; не поддавались на провокации противника, и где это можно, избегали открытых боевых действий, старались действовать скрытно, использовали конспирацию и самое различное оружие. Особенно большой урон врагу партизаны нанесли специальными диверсионными средствами на путях сообщения, во время перевозок.

Фронт без командующего

Действия партизанских сил оптимально не планировались, что связано с некомпетентностью руководителей штабов партизанского движения.

Прошло семь месяцев как началась война. Враг оккупировал огромную территорию, а партизанская борьба в тылу врага развертывалась очень медленно, несмотря на патриотизм народа, на наличие большого количества желающих бить врага в его тылу. Перебрасывали тысячи слабо или вовсе неподготовленных добровольцев, и они, не имея связи, как бы исчезали на оккупированной территории.

В январе 1942 года в Белоруссии, где были исключительно благоприятные условия для партизанской войны, действовало всего 59 партизанских отрядов, при этом в пяти западных областях, фактически не было партизан до весны 1942 года.[104]

Считалось, что руководит партизанской борьбой в целом ЦК ВКП(б), но фактически подготовкой, переброской отрядов и групп в тыл противника занимались органы разведки Красной Армии, НКВД, политорганы, кое-где проявляли инициативу и инженерные войска. Бывало и так: одни насаждали в тылу врага агентуру, другие, того не ведая, ее уничтожали.

Глава 7. Преодоление кризиса

Весной 1942 года немцы перешли в наступление на Южном фронте и Красная Армия несла тяжелые потери. Партизанские силы, не имея радиосвязи и диверсионных средств, тем не менее снижали пропускную способность железных дорог, наносили урон врагу, создавая для него невыносимые условия, которые сказывались на боеспособности вражеских войск.

И вот 30 мая 1942 года было принято решение ГКО о создании ЦШПД и подчиненных ему штабов партизанского движения в некоторых оккупированных республиках и областях. Все они располагались в тылу Советской Армии. Это было вполне рационально. И теперь партизанские соединения, отдельные отряды и группы непосредственно руководились соответствующими штабами. Была развеяна неправильная установка на руководство партизанскими силами через подпольные организации. Правда, в тылу врага действовали «подпольные» обкомы во главе с партийными секретарями, которые открыто носили военную форму, вплоть до генеральской, над многими «подпольными» обкомами реяли красные флаги, а рядом на стендах висели советские газеты. Более того, в Москве и под Москвой были «нелегальные» ЦК компартий Украины и Белоруссии. Их охраняли сотрудники НКВД в военной форме.

До осени 1942 года ЦШПД представлял собою коллегию в составе начальника и представителей от НКВД и Главного разведуправления Красной Армии. Затем П. К. Пономаренко стал единоначальником ЦШПД.

Будучи командиром 5-й Отдельной инженерной бригады (ОИБ) спецназначения, 10 июня 1942 я вместе с ее комиссаром А. И. Болотиным доложил командующему Калининским фронтом генералу И. С. Коневу предложение по созданию спецбригад для действий на вражеских коммуникациях. Командующий фронтом, одобрив предложение, направил его Сталину. Узнав, что это письмо попало к члену ГКО К. Е. Ворошилову, Конев командировал меня и Болотина в Москву. Ворошилов принял нас в присутствии председателя Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинина.[105] Тот тоже одобрил наше предложение, суть которого сводилась к следующему: из добровольцев воздушно-десантных, инженерных и железнодорожных войск создать на каждом фронте по бригаде, которая при содействии местных партизан должна выводить из строя коммуникации противника. На первый месяц намечались формирование, подготовка и планирование операции, на второй — переброска подразделений

в тыл врага и установка неизвлекаемых противопоездных мин с большими сроками замедления, на последующие месяцы — оптимальное минирование новых участков противопоездными минами замедленного действия, с прикрытием их там, где нужно, разрушением малых мостов и подрывом рельсов, а при непреодолимой охране пути на благоприятной местности — обстрел паровозов из противотанковых ружей, удары по автомобильному транспорту из засад и минирование. Некоторые подразделения намечалось перебрасывать через линию фронта пешим порядком, в первую очередь там, где имелись коридоры в линии фронта; остальные — по воздуху. На первый месяц операции потребовалось бы около 1 тысячи, в последующем по 400–500 самолето-вылетов в месяц. Через два месяца после создания бригад планировалось парализовать железные дороги и сильно нарушить работу автомобильного транспорта врага.

По совету Калинина Ворошилов позвонил члену ГКО Г. М. Маленкову и, изложив ему суть нашего предложения, попросил его принять нас. Маленков, приняв нас, внимательно прочитал записку, согласился с нею и предложил нам вместе с начальником инженерных войск Красной Армии генералом М. П. Воробьевым[106] подготовить проект приказа Наркомата обороны СССР о создании спецбригад для действий на коммуникациях противника. На следующий день документы были представлены Маленкову, он их одобрил и направил нас с ними к начальнику Генерального штаба генералу А. М. Василевскому[107] для оформления приказа. Но такой приказ не был издан. 17 августа 1942 был подписан другой приказ НКО — о создании отдельных гвардейских батальонов минеров для действий на коммуникациях врага. Однако эти батальоны вместе с партизанами все же не могли закрыть оккупантам пути подвоза боеприпасов, горюче-смазочных материалов и пополнения.

Гвардейские минеры проявляли мужество, отвагу и изобретательность, на местах взаимодействовали с партизанами и внесли достойный вклад в нарушение работы вражеского транспорта. Однако их возможности не были использованы в полной мере из-за отсутствия у них средств радиосвязи, централизованного руководства их действиями. Отдельные гвардейские батальоны минеров — это по существу войсковые партизаны, но они не входили в подчинение ЦШПД.

В конце июля 1942 года меня отозвали в распоряжение начальника ЦШПД, не дав возможности даже сдать бригаду, и 1 августа назначили начальником создаваемой Высшей оперативной школы особого назначения при ЦШПД, а в начале сентября по совместительству я был назначен помощником

начальника ЦШПД по диверсии.

5-го сентября 1942 года появился разработанный ЦШПД, приказ народного комиссара обороны И. В. Сталина «О задачах партизанского движения». В нем наконец-то было сформулировано, что:

«Красная Армия героически отражает натиск врага и сама наносит ему сокрушительные удары. Она изматывает его силы, наносит ему огромный урон… однако разгром германских армий может быть осуществлен только одновременными боевыми действиями на фронте и мощными непрерывными ударами партизанских отрядов по врагу с тыла. Народное партизанское движение на нашей территории, временно захваченной немецкими оккупантами, становится одним из решающих условий победы над врагом».

И перед партизанами ставились такие задачи: «устраивать железнодорожные катастрофы, подрывать железнодорожные мосты, уничтожать гарнизоны, штабы и другие военные учреждения противника, охрану транспортов и складов, уничтожать базы и склады вооружения, боеприпасов, продовольствия, уничтожать линии связи, нападать на вражеские аэродромы, захватывать в плен или истреблять представителей фашистских оккупационных властей. Ставились задачи по ведению разведки». Задач было много, но главная задача «закрыть пути подвоза» как бы растворялась во множестве других задач, которые ставились перед партизанами.

Еще о К. Е. Ворошилове[108] — главкоме партизанского движения

На следующий день 6 сентября 1942 был учрежден пост — Главнокомандующий партизанским движением, на который был назначен член Политбюро ВКП(б) маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов. Он длительное время вплотную занимался подготовкой к партизанской войне на случай вражеской агрессии. Однако, в 1937–38 годах, при его активном участии были репрессированы почти все хорошо подготовленные партизанские кадры, ликвидированы скрытые партизанские базы и никто не занимался вопросами предполагаемых партизанских действий в тылу врага. Теперь он пожинал содеянное.

Однако Ворошилов все же попытался, как это было предусмотрено в начале 30-х годов, военизировать партизанские силы и приступить к осуществлению внезапных крупных операций партизанских сил с целью закрыть пути подвоза войск

противника и отрезать их на фронте от источников снабжения. Главком партизанским движением принял меры по укомплектованию ЦШПД опытными военными кадрами.

ЦШПД и подчиненными ему республиканскими и областными штабами партизанского движения проводилась большая работа по подготовке партизанских кадров: радистов, диверсантов, разведчиков. Наладилась радиосвязь с партизанскими формированиями. Принимались меры по снабжению партизан необходимыми им средствами борьбы и связи. Но из-за невыделения самолетов для доставки грузов партизанам, они остро нуждались в минно-подрывных средствах, ПТР и других видах оружия. Чтобы улучить управление и обеспечение партизанских сил, генерал А. К. Сивков, Х. Д. Мамсуров и автор этих строк внесли предложение военизировать партизанские формирования и ввести обеспечение их действий наравне с частями Красной Армии для полного снабжения планируемых операций партизанских сил. Главком подписал докладную записку по этому вопросу, но начальник ЦШПД — П. К. Пономаренко отказался ее подписать. Это предложение не поддержали Маленков и начальник генштаба А. М. Василевский. Однако подготовка к сокрушительному удару по коммуникациям врага усиленно продолжалась.

Как признавал и сам П. К. Пономаренко, говоря о деятельности Главнокомандующего партизанским движением маршала К. Е. Ворошилова, «благодаря его авторитету, энергии и настойчивости были решены многие важные вопросы партизанского движения, особенно в части боевого и материально-технического снабжения и авиационных перевозок для партизан».

Именно в результате принятых Главкомом партизанского движения мерам, уже в 4-ом квартале 1942 года Главным военно-инженерным управлением Красной Армии (ГВИУ) было поставлено ЦШПД 40 000 мин замедленного действия, 30 000 противопоездных, 12 000 автотранспортных, 40 000 ампульных, 15 000 рычажных, 15 000 малых магнитных мин, 45 000 противопехотных, 25 000 колесных замыкателей».[109]

Под руководством Главкома партизанским движением принимались конкретные меры для того, чтобы все же военизировать партизанские формирования, и весной, когда установится черная тропа, внезапными операциями крупных сил партизан, в состав которых уже намечалось включение и отдельных гвардейских батальонов, полностью парализовать движение на железных и ночное движение на автомобильных дорогах, чтобы не дать возможности врагу снабжать и пополнять

свои войска на фронте, и тем самым облегчить войскам Красной Армии разгром войск Вермахта, которые останутся без боеприпасов, без горюче-смазочных материалов, несмотря на все попытки спасти дороги от действия партизан.

И вдруг 19 ноября 1942 года пост Главнокомандующего партизанским движением был упразднен якобы «в целях большей гибкости руководства партизанским движением, во избежание излишней централизации».[110] В действительности же централизации руководства действиями партизан было явно недостаточно. Отдельные гвардейские батальоны минеров, например, оставались в распоряжении начальников инженерных войск фронтов и действовали самостоятельно и независимо от ЦШПД.

Зигзаги: штаб и командующий партизанским движением

На самом деле упразднение поста Главкома партизанским движением было связано с тем, что К. Е. Ворошилов на все ключевые посты в ЦШПД выдвинул не партократов, а опытных военачальников, которые имели опыт руководства войсками, умели планировать действия войск, быстро поняли большие возможности оптимального планирования партизанских сил, так как основные объекты их воздействия — коммуникации — не маневрируют, как войска на фронте, и внезапные операции с массовым применением неизвлекаемых противопоездных и транспортных мин мгновенного и замедленного действия будут для противника непреодолимы.

П. К. Пономаренко чувствовал себя уязвленным. Его предложение предоставить партизанским командирам максимальную самостоятельность, возражения против военизации партизанских формирований, создания партизанских дивизий и корпусов, которые бы состояли в основном из диверсионных групп, сведенных в роты, отряды, бригады и даже корпуса, не выдерживали критики. Больше того, начальник ЦШПД не раз в узком кругу высказывал мысль, что партизанским движением надо не командовать, а руководить. А руководит им ЦК партии». Это верно — партизанским движением руководила коммунистическая партия, но партизанскими силами, которые возникли в результате партизанского движения, надо командовать. Это исходило и из ленинского учения о том, что «партизанские выступления не месть, а военные действия».

Между прочим, Сталин и Пономаренко называли партизан народными мстителями и часто призывали их к мести, что

затрудняло достижение основной цели партизанской войны — закрыть подвозы оккупантов и тем самым оставить их войска на фронте без боеприпасов и ГСМ. Этого Пономаренко или не понимал, или не хотел понять, и однажды он высказал Верховному Главнокомандующему мысль о руководстве партизанским движением партией и большей свободе действий партизанскому руководству, которому виднее в тылу врага где, когда и как выполнять поставленные задачи. Планы действий партизанских сил не должны связывать им руки составленными в штабах планами.

По существу начальник ЦШПД ратовал за такие партизанские действия, которые сводились к партизанщине.

Какие основания для такого решения были у Сталина. Успех партизанской войны мог вновь поднять авторитет опального маршала. Ликвидируя пост Главкома партизанским движением, Сталин по сути принимал на себя руководство партизанским движением как руководитель коммунистической партии и как Верховный Главнокомандующий всеми Вооруженными Силами, а партизанские силы были нашим вторым фронтом. Сталин безусловно знал, что первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко не имел ни военного образования, ни специальной партизанской подготовки, но Верховный и сам не представлял о том, в какой подготовке нуждались командиры и специалисты партизанских формирований.

К сожалению Пантелеймон Кондратьевич сам, как истинный партократ, считал себя вождем партизанской борьбы, понимавшим значение и смысл организовать их вывод из строя партизанами. Однако, судя по его поведению и содержанию его послевоенных публикаций, начальник ЦШПД не изучал трудов признанных во всем мире практиков и теоретиков партизанской войны Д. Давыдова, генерала Голицына, Клембовского,[111] Гершельмана и др. Явно не читал закрытых трудов Каратыгина и других, по которым готовили партизанские кадры до 1935 года. Установки по вопросам партизанской войны при довоенной подготовке оправдали себя в Испании, Югославии и других странах. Кратко эти установки сводились к следующему:

1. К партизанской войне на случай вражеской агрессии надо готовиться заблаговременно и всесторонне. При этом все войска должны быть подготовлены, если возникнет необходимость перейти к партизанским действиям.

2. Партизанские действия должны представлять собой внезапные операции, а не разрозненные действия отдельных групп и отрядов.

3. Поскольку партизанские действия являются особым видом

военных действий, они должны осуществляться на основе военного искусства людьми, имеющими специальную военную подготовку.

Примером таких действий явилась партизанская война в Югославии, которая началась после организации штаба партизанских отрядов. И когда все было готово для внезапной крупной операции, партизаны обрушились на фашистских оккупантов.

Ликвидация поста Главнокомандующего партизанским движением привела к резкому уменьшению возможностей осуществления внезапных сокрушительных ударов по коммуникациям противника. Будучи Главнокомандующим партизанским движением, маршал К. Е. Ворошилов по существу превратился в Главнокомандующего партизанскими силами, так как, будучи членом Политбюро ЦК ВКП(б), мог быстро осуществить согласование действий партизанских формирований не только руководимых штабами партизанского движения, но отрядами и группами, руководимыми НКВД, ГРУ и начальниками инженерных войск. После ликвидации поста Главнокомандующего партизанского движения начальник ЦШПД по сути остался только с партизанскими формированиями, руководимыми штабами партизанского движения. И это приводило к тому, что на одном направлении иногда в одну ночь проводилось до десятка диверсий, но перерыв движения на участке вызывала только одна диверсия, ликвидация последствий которой была наиболее длительной. Остальные диверсии на пропускную способность участков влияли мало или даже вовсе не влияли и только приводили к расходу сил и средств на ликвидацию последствий диверсии.

После упразднения поста Главнокомандующего партизанским движением, деятельность ЦШПД стала как был замирать. Продолжалась только кропотливая и весьма полезная работа по налаживанию радиосвязи с партизанскими формированиями. Планировались, но слабо обеспечивались осенне-зимние операции. Управления ЦШПД были преобразованы в отделы и из штаба ушли весьма опытные и энергичные работники: генералы Сивков и Хмельницкий.

А между тем под Сталинградом немецкая армия потерпела сокрушительное поражение и успешно развивалось зимнее наступление советских войск.

В феврале 1943 года началась наступательная операция войск Брянского фронта. Казалось, что скоро начнется и освобождение Белоруссии, и в ЦШПД появились ликвидаторские настроения и не без основания. Ведь многие его работники, как и сам

начальник ЦШПД, были связаны с Белоруссией по своей довоенной работе. 7 марта 1943 ЦШПД был упразднен. Однако ожидаемого результата зимнего наступления на центральном направлении не получилось. Немцам удалось даже удержать Смоленск и Орел.

17 апреля 1943 ЦШПД был восстановлен, но Украинский штаб партизанского движения, который руководил партизанскими действиями и в Молдавии, уже ЦШПД не подчинялся.

26 ноября 1943 был освобожден областной центр Белоруссии Гомель и 13 января 1944 года был окончательно упразднен ЦШПД, и на том кончились остатки централизации действий партизанских сил на еще оккупированной фашистской Германией территории СССР.

Заметим, что Ставка Верховного Главнокомандующего, вопреки утверждениям маршала Г. К. Жукова, только получала разведывательные и оперативные сводки штабов партизанского движения, но на них фактически не реагировала.

Все эти пертурбации, недооценки и зигзаги в руководстве войной в тылу Вермахта, дополняемые срывом своевременного обеспечения планируемых операций, давали возможность оккупантам обеспечивать свои войска на фронте, несмотря на героизм партизан.

Глава 8. Вермахт мог быть разгромлен в 1943 году

Как уже писалось выше, в приказе от 5 сентября 1943 года народный комиссар обороны Сталин поставил перед партизанами задачу «закрыть пути подвоза противника». Выполнение этой задачи привело бы к катастрофе войск противника. Они остались бы без боеприпасов, горючего, без пополнений и не могли бы маневрировать.

В приказе 23 февраля 1943 Сталин, уже как Верховный Главнокомандующий, приказал «шире раздуть пламя партизанской борьбы в тылу врага, разрушать коммуникации врага, взрывать железнодорожные мосты, срывать переброску неприятельских войск, подвоз оружия и боеприпасов, взрывать и поджигать воинские склады, нападать на неприятельские гарнизоны, не давать отступающему врагу сжигать наши села и города, помогать всеми силами, всеми средствами наступающей Красной Армии».

Жесткого требования «закрыть пути подвоза» в этом приказе уже не было. В приказе 1 мая 1943 года Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза И. В. Сталин приказал партизанам: «наносить мощные удары по вражеским тылам, путям сообщения, воинским складам, штабам и предприятиям, разрушать линии связи противника… мстить беспощадно немецким захватчикам… Всеми силами помогать Красной Армии».

Выполнение этих задач требовало прежде всего централизации руководства партизанскими силами и оптимального планирования их операций со всесторонним обеспечением.

А между тем, как мы уже говорили, осуществленные Сталиным мероприятия не способствовали выполнению поставленной им основной задачи «закрыть пути подвоза». В результате к весне 1943 года партизанские силы не имели единого военного руководства. Ставка фактически устранилась от руководства войной в тылу Вермахта.

Так оперативный план боевых действий украинских партизан на весенне-летний период 1943 года был утвержден «нелегальным» ЦК КП(б)У только 7 апреля и направлен… в ЦК ВКП(б), который этот план утвердил только 26 апреля. Одновременно ГКО СССР принял постановление о доставке украинским партизанам 260 тонн боеприпасов, оружия и минно-

подрывных средств. Доставка грузов для обеспечения плана боевых действий украинских партизан затянулась до 1 июля, что привело к вынужденному простою 15 тысяч партизан.

Несмотря на все зигзаги и неурядицы, исключительно большие возможности по закрытию движения на железных дорогах в тылу вражеской группы «Центр» были у партизан, руководимых ЦШПД, который имел устойчивую связь с партизанскими формированиями общей численностью свыше 100 тысяч человек. Этим партизанским силам могли существенную помощь оказать гвардейские минеры, формирования, руководимые НКВД и ГРУ.

Возможности партизанских сил по выполнению задачи — закрыть пути подвоза противника — хотя и были сильно снижены ликвидацией централизованного управления и переоценкой возможности снабжения за счет трофеев, все еще были велики.

Начальник транспортной службы Вермахта Г. Потгиссер пишет, что судьбу железнодорожного транспорта на оккупированной территории определяли партизаны. Опыт действий партизан на железных дорогах оккупантов убедительно показал, что для непреодолимой охраны железных дорог от партизан у оккупантов не было сил. Эксплуатируемая железнодорожная сеть противника на 1 января 1943 года составляла свыше 22 тысяч км. Партизаны почти без потерь совершали диверсии на участках, где на 100 км пути приходилось менее 2 тысяч вражеских солдат. Так охранялись только наиболее важные участки дорог, где активно действовали партизаны. Если бы партизаны совершали диверсии на всех участках, и противник довел бы плотность охраны до полка на 100 км, то общая численность охраны железных дорог на оккупированной территории превысила бы 400 тысяч человек, но такая охрана, как показал опыт, все равно не спасла бы железную дорогу от партизан-диверсантов.

Как было известно из разведданных и показаний пленных немцев, наиболее критическое положение у противника было с паровозами. При отходе войск Красной Армии паровозы были эвакуированы или выведены из строя. Гитлеровское командование было вынуждено собирать локомотивы на дорогах оккупированных стран Европы, не гнушаясь и самыми устарелыми, и гнать их на восток. Появился так называемый эрзац паровоз «М-50», который стали выпускать паровозостроительные заводы Германии для «восточных» железных дорог, безуспешно стараясь пополнить паровозный парк, который катастрофически уменьшался от ударов советских партизан, авиации, сил Сопротивления на Западе, а также от износа в

сложных условиях. У немцев была также возможность привлечь к ремонту локомотивов советских железнодорожников, 510 556 которых в январе 1943 года работало на оккупированной территории.

Главком партизанского движения и руководство ЦШПД понимали какую ахиллесову пяту представляют железные дороги для Вермахта: они были единственным видом транспорта, который мог доставить из Германии и Западной Европы все необходимое для немецко-фашистских войск, действующих на советско-германском фронте. Паровозы и поезда в движении были основными объектами, ударами по которым партизаны могли с наименьшей затратой сил и средств решить задачу — прекратить движение на железных дорогах и нанести огромный урон врагу в перевозимых грузах и живой силе.

Наибольшего же перерыва в движении можно было достигнуть разрушением больших и средних мостов одновременно, но это было сопряжено иногда с большими потерями, так как значительные мосты сильно охранялись. Полностью зимой можно было парализовать движение выводом из строя водоснабжения в определенной зоне. Вывод из строя линий связи затруднял работу транспорта, но не приостанавливал на длительные сроки. Весьма заманчивым, простым и часто вполне доступным был подрыв рельсов. Но их у противника было в излишке и, как правило, подорванные ночью рельсы противник сваривал и заменял днем, а потом изобрел 80 см съемный мост и стал по нему пропускать поезда.

Немецкие железнодорожники принимали меры с целью обезопасить паровозы от взрыва противопоездных мин. Для этого впереди паровозов прицеплялись пустые платформы, снижалась скорость движения поездов днем до 40 (сорока) км в час, ночью до 25 км в час. Это, в свою очередь, вызывало увеличение количества паровозов и время нахождения поездов в пути, но не исключало повреждения локомотивов на кривых участках при установке партизанами мин, взрывающихся только под паровозами или под груженными вагонами.

Крушения поездов, как и налеты на них нашей авиации, морально воздействовали на перевозимые войска и тем снижали их боеспособность.

Остановимся на вопросе о разложении войск противника.

Фашистская армия сохраняла боеспособность до последних дней войны. А германская армия в 1917 за год пребывания на оккупированной советской территории разложилась. В Баварии даже была установлена советская власть, быстро теряли боеспособность войска интервентов в гражданской войне.

Почему? В значительной степени из-за умелой политики к пленным и умной пропаганде. Ничего подобного не было в Великой Отечественной войне.

В докладе 6 ноября 1941 года Сталин заявил «нужно истребить всех немецких оккупантов до единого, пробравшихся на нашу родину для ее порабощения».

7 ноября 1942 года был выпущен приказ «Истреблять фашистских мерзавцев», затем 1 мая 1943 года — «Мстить беспощадно немецким захватчикам», 7 ноября 1943 — «беспощадно уничтожать немецко-фашистских захватчиков».

Подобных призывов в годы гражданской войны не было, а войска оккупантов разлагались.

Начальник ЦШПД понимал значение «нападений на поезда», но не смог организовать массовые плановые диверсии на железных дорогах в тылу врага из-за отсутствия у него должной подготовки, и своей излишней амбициозности. Удары партизан по коммуникациям противника, да и всю боевую деятельность партизанских соединений ЦШПД планировал не как боевые операции, а как посевные работы. Еще сильнее снижало эффективность действий партизан неспособность ЦШПД дать им нужное количество минно-взрывных средств, ПТР. В этом повинен не столько ЦШПД, сколько Генштаб и Ставка ВГК, которые, утверждая план ЦШПД и УШПД, своевременно не представляли самолеты для доставки грузов партизанам. Все они явно недооценивали возможности партизан по весьма эффективному использованию минновзрывных средств и боеприпасов. Так на фронте вражеский танк подрывался только на одной противотанковой мине из четырех тысяч установленных саперами. В тылу врага для крушения одного поезда партизаны расходовали в среднем 4–5 мин, а при использовании скоростных мин мгновенного действия партизаны на крушение поезда расходовали на слабо охраняемых участках всего одну мину. Между тем удары по железнодорожному транспорту требовали большого расхода авиабомб и были малоэффективны по разрушению мостов, а при налетах на железнодорожные узлы часто сопровождались значительными потерями, которые иногда превосходили потери железнодорожников и средств ПВО железнодорожных узлов. Это было при налетах немецкой авиации на Курский железнодорожный узел летом 1943 года.

К лету 1943 года советские партизанские формирования общей численностью свыше 120 тысяч человек, имея устойчивую радиосвязь с органами руководства при оптимальном планировании их действий и доставки им всего двух тысяч тонн миноподрывных средств могли бы в течение трех месяцев

произвести не менее 12 тысяч крушений поездов, вывести из строя значительную часть водокачек на железной дороге, подорвать несколько значительных мостов и до 50 тысяч рельсов. Но, потеряв уверенность в возможность закрыть движение на железных дорогах крушениями поездов, начальник ЦШПД предложил так называемую рельсовую войну.

Операции рельсовой войны не достигли цели и, больше того, количество доставленных поездов Вермахту не только не уменьшилось с увеличением количества подорванных рельсов, а, наоборот, даже увеличилось. Так, чем больше партизаны рвали рельсов, тем меньше они производили крушений поездов. Эту зависимость поняли партизанские командиры, в том числе и белорусских партизанских формирований и, начиная с сентября 1943 года, резко уменьшив количество подорванных рельсов, одновременно увеличили число крушений и противник стал все меньше пропускать поездов на фронт.

В чем причина провала цели рельсовой войны «закрыть движение на железных дорогах на длительные сроки и тем самым поставить вражеские войска на фронте перед катастрофой».

Первая и основная причина — это некомпетентность Верховного Главнокомандующего и начальника ЦШПД.

Они ошиблись в оценке противника. Немцы вывозили рельсы с оккупированной территории СССР с ненужных им дорог. Это явно противоречит утверждению начальника ЦШПД о нехватке рельсов у немцев. Отсюда было ошибочным приказание начальника ЦШПД подрывать рельсы «на запасных, подъездных, вспомогательных и деповских путях». Это привело к тому, что на пропускную способность дорог оказал влияние только подрыв рельсов на магистралях. И, самое главное, подрыв рельсов партизанами «повсеместно» на всех других путях нанес большой вред наступающим войскам Советской Армии. Рельсовая война началась и в основном проводилась в ходе наступательных операций войск Красной Армии, когда «советское командование принимало необходимые меры, чтобы сорвать проведение отступающими гитлеровцами разрушение транспортного хозяйства.

Однако, несмотря на принятые Ставкой ВГК и командованием фронтов меры, повсеместно спасти железные дороги от разрушений отступающим противником не удалось».[112] И получилось так, что противник при отступлении подрывал рельсы на магистралях, а партизаны подрывали повсеместно их на ненужных противнику участках, как например участок Орша-Лепель, и тем затрудняли советским железнодорожникам восстановление магистралей.

Да и на магистралях расходовались взрывчатые вещества весьма нерационально. Так, на одном направлении Смоленск-Орша-Минск-Брест в ночь с 3 августа 1943 года почти на всех перегонах было подорвано значительное количество рельсов. По восстановлению пути одновременно в Минской дирекции восточных дорог было задействовано 34 восстановительных поезда. На одном направлении одновременно работало до 4–6 восстановительных поездов. Влияние на пропускную способность оказало только восстановление пути на одном наиболее сильно разрушенном участке. На остальных урон, нанесенный противнику подрывом рельсов, ни в коей мере не повлиял на пропускную способность и ущерб, принесенный оккупантам, во много раз был меньше того, что затратили партизаны на подрыв рельсов.

В этом нет вины партизан. Они точно выполняли приказ, проявляя героизм, и часто подрывали рельсы, уничтожая охрану, неся при этом потери. На подрыв рельсов в августе и первой половине сентября партизаны израсходовали 50 тонн взрывчатых веществ. Этого было достаточно для того, чтобы устроить по меньшей мере 1500 крушений поездов, которое привело бы к значительному снижению пропускной способности на дорогах в тылу вражеской группы войск «Центр».

В августе 1943 партизаны убитыми и ранеными потеряли 724 человека,[113] главным образом во время рельсовой войны.

В ходе рельсовой войны партизаны разрушали мосты, водокачки и совершали диверсии на станциях.

Одной из диверсий на станции между Минском и Гомелем магнитной миной была взорвана цистерна и пожаром были уничтожены 1 поезд со стройматериалами, 2 с боеприпасами и 1 с танками «тигр». Потери Вермахта от одной магнитной мины оказались значительно больше, чем ото всей рельсовой войны.

Второй важной причиной провала рельсовой войны является недоверие Генштаба и Ставки ВГК к донесениям партизан о потерях и уроне оккупантов. Действительно, иногда партизаны желаемые потери выдавали за действительные, но данные о перерывах движения поездов от действия на коммуникациях часто даже были ими занижены. Суммарные данные партизан о перерывах движений от всех видов диверсий на железнодорожном транспорте создавали впечатление, что при соответствии их действительности на фронт, группы армий «Центр» уже с июня 1943 года не могло поступать ни одного поезда, а войскам этой группы поступало ежедневно до 50–70 поездов. А все дело было в том, что партизаны давали данные о перерывах на перегонах между двумя промежуточными

станциями. На одном направлении за одни сутки иногда было даже свыше 10 нарушений движения, но на пропускную способность влияло только одно, которое было самым длительным. Остальные влияния на пропускную способность не имели, но наносили урон противнику в подвижном составе, перевозимых людях и грузах.

Тщательное исследование после войны показало, что сумма перерыва движения поездов от действий партизан на перегонах 18 750 суток, на участках она достигала только 11 120 суток.

Вредность установки начальника ЦШПД на повсеместный подрыв рельсов заключалась в том, что на оккупированной территории на 1.1.43 года было 11 млн. рельсов, а подрыв 200 тысяч рельсов в месяц составляет всего менее 2 %, что для оккупантов было вполне терпимо, тем более если они подрывались в значительной мере там, где немцы при отходе сами разрушить не могли.

Верховный, утвердив план рельсовой войны, не распорядился о принятии мер к ее материальному обеспечению. Своевременно просимое количество самолетов не было выделено. В тоже время только в мае на участок Орел-Глазуновка было совершено 500 самолето-вылетов.

Однако, опыт действий партизан летом 1943 года еще раз убедительно подтвердил, что были все возможности выполнить те задачи, которые Сталин одобрил еще в декабре 1941.

Так, соединение под командованием А. Ф. Федорова с 7 июля по 10 августа полностью парализовало Ковельский узел, осуществив крушение 123 поездов.[114]

Показательным является вывод из строя железнодорожного участка Шепетовка-Тернополь. В сентябре 1943 года крупный партизанский отряд общей численностью до 450 человек под командованием К. С. Боженского внезапными налетами подорвал несколько мостов, разрушил и заминировал в нескольких местах путь. В результате систематических диверсий партизана Героя Советского Союза А. З. Одухи врагу не удалось восстановить участок. За шесть месяцев немцам не удалось пропустить ни одного поезда. При отступлении немцы не могли на этом участке разрушить пути и вывезти со складов на станциях заготовленное ими продовольствие. Советские войска на этом участке захватили много продовольствия, железнодорожники быстро восстановили этот участок, а партизаны очистили его от установленных ими мин замедленного действия.[115]

В 1943 году украинские партизаны, начиная с апреля, могли бы ежемесячно производить до 2000 крушений поездов, если бы они своевременно получили достаточное количество мин и

взрывчатых веществ. К сожалению, за три года (1942–44) украинские партизаны получили по воздуху всего 34 562 различных мин и 142 595 кг тола. Только в декабре 1943, когда войска Красной Армии в районе Овруча подошли к обширному партизанскому краю, партизанам стали доставляться мины и взрывчатые вещества наземным путем через широкий овручский коридор.

Недостаток взрывчатых веществ партизаны восполняли выплавкой тола из авиабомб, но это не спасало положения.

Заметим, что в годы Великой Отечественной войны было произведено и поставлено войскам 24 837 500 противотанковых, свыше сорока миллионов противопехотных, 1 437 200 специальных мин и 34 тысячи тонн взрывчатых веществ.

Совсем иным положение могло быть летом 1943 года, если бы Главнокомандующий партизанским движением К. Е. Ворошилов в ноябре остался бы на своем посту.

ЦШПД был реорганизован в штаб партизанских сил с политотделом, который занимался политическим обеспечением партизанских сил, как это было в других родах войск Вооруженных Сил СССР. В этом случае, как это было, например, в Югославии, в ряды партизанских сил вступили сотни тысяч советских людей, которые оказались в тылу врага, не будучи призванными в Красную Армию или бежавшие из плена. Отдельные гвардейские батальоны минеров стали действовать только на коммуникациях противника как диверсанты-классики, которые были способны производить крушения поездов на сильно охраняемых мостах с помощью схватываемых паровозом мин, а также минами, устанавливаемыми на составе поездов.

Основной задачей действия партизанских сил оставались поезда и автотранспорт, основной целью — отрезать вражеские войска от источников их снабжения. Для этого уже имея в достатке нужные средства, нужно было только обеспечить доставку их по воздуху партизанам, для чего надо было рационально сократить количество сбрасываемых авиабомб на удары по транспорту противника, и за этот счет обеспечить доставку дополнительно партизанам за год 50 тысяч тонн грузов и 2 тысячи диверсантов-инструкторов высокого класса. Все операции осуществлять внезапно по оптимальным планам, чтобы заставить оккупантов как можно больше сил и средств расходовать там, где взрываются мины замедленного действия, а партизаны уже работают на других участках, где мины только еще устанавливаются.

В Великой Отечественной войне очень мало привлекались к диверсионной деятельности советские железнодорожники,

работавшие на железных дорогах нашей территории. А их было более полумиллиона, были замечательные малые магнитные и другие мины, которые давали возможность надолго выводить из строя паровозы, подрывать цистерны, сжигать подвижной состав. Задачи, решаемые боем, партизаны могут успешно вести только тогда, когда есть уверенность в том, что противник не окажет серьезного сопротивления.

В минувшей войне было несколько нападений на штабы и гарнизоны, когда партизаны несли тяжелые потери, но в сводках потери немцев были преувеличены в сотни раз и более, а потери партизан скрыты.

Нападения на гарнизоны, штабы, создание невыносимых условий, отдельные террористические акты, вроде убийства гауляйтора Белоруссии, очень дорого обходились населению, часто приводили к разгрому подполья и только повышали бдительность оккупантов, не отражаясь на боеспособности войск на фронте.

В течение всей войны советские партизаны уничтожили или захватили 52 958 грузовых, легковых и специальных автомашин, сожгли или подорвали 9514 дорожных мостов.

Будь у партизан больше минновзрывных средств, они могли бы нанести оккупантам значительно больший урон ударами по автотранспорту. Надо отметить, что сжигались и подрывались мосты в основном на грунтовых дорогах, главным образом с целью не допустить проникновения автоколонн на контролируемую партизанами территорию.

Партизаны совершали диверсии в тылу врага и на речном транспорте и даже вывели из строя Днепробугский канал. Кстати, речной транспорт оккупанты пытались использовать для вывоза древесины и почти не использовали для воинских перевозок.

К 1 января 1943 года фашистские агрессоры оккупировали около 1 миллиона квадратных километров советской земли, на которой находилось не менее 50 миллионов советских людей, в том числе не менее двух млн. человек призывного возраста. В это время в партизанских формированиях было менее 150 тысяч человек и более 500 тысяч работали на эксплуатируемых оккупантами железных дорогах. Свыше 300 тысяч человек могли бы стать партизанами, но не было оружия. На полях сражений все уже было убрано. Добывать оружие и боеприпасы партизанам стоило, как говорят, «себе дороже». Нападения на штабы и гарнизоны, как правило, быстро истощали запасы боеприпасов, трофеи были не всегда.

Чтобы вооружить 200 тысяч из партизанского резерва потребовалось всего 2,5 тысячи тонн оружия и боеприпасов. Для

длительного закрытия движения на железных дорогах и ночного на автомобильных требовалось доставлять партизанам ежемесячно всего около двух тысяч минно-взрывных и поджигательных средств. Это только на первые 3–4 месяца операции под кодовым названием «Капут оккупантам». Затем противник будет деморализован и расход средств на отсечение вражеских войск на фронте от источников их снабжения будет снижаться. При осуществлении операции по выводу из строя дорог необходимо учитывать и их восстановление нашими наступающими войсками. Поэтому следует предусматривать даже спасение трудно восстанавливаемых объектов от их разрушения отступающими войсками врага и фиксировать места установки мин замедленного действия, которые могут не сработать до отхода противника.

В Югославии в более сложных условиях, чем у нас на оккупированной территории, благодаря централизованному компетентному руководству героические партизанские отряды в ходе войны превратились в легендарную Народно-освободительную армию, которая еще до подхода Советской Армии освободила больше половины страны и все время Великой Отечественной войны отвлекала на себя крупные силы Вермахта, парализовала железнодорожное и автомобильное движение на оккупированной территории и тем спасла народ от истребления фашистскими варварами. Советские партизаны также могут гордиться своими подвигами, но они могли бы значительно больше сделать Красной Армии, при наличии централизованного компетентного руководства во главе которого стояли бы Генштаб и должным образом подготовленные военачальники.

Если бы…

Зимой 1941–42 года воздушно-десантные части Казанкина и партизаны кавкорпуса Белова, действуя небольшими группами пытались отсечь войска врага центральной группы врага от источников снабжения и тем оставить их без горючего и боеприпасов, что привело бы к катастрофе фашистской Германии еще в 1942 году, но части Казанкина и Белова не подготовленные к партизанским действиям сами в тылу врага оказались «окруженцами».

Если бы не было бы трагедии 1937 в войсках сохранились тысячи хорошо подготовленных к партизанской войне командиров и войска, оказавшиеся в тылу врага в начале войны, не попали бы в плен, а перешли организованно к партизанским действиям и немцы сами бы оказались в ловушке, отрезанные от источников их снабжения.

Бывший член Ставки ВГК и 1-й заместитель Народного комиссара обороны маршал Г. К. Жуков[116] в своей книге «Воспоминания и размышления» пишет, что «Ставка руководила всеми военными действиями вооруженных сил на суше, на море и в воздухе, производила наращивание стратегических усилий в ходе борьбы за счет резервов и использования сил партизанского движения. Рабочим органом… являлся Генеральный штаб». И далее он утверждает, что «Если в первый год войны в руководстве партизанским движением еще не было должной организованности и централизации, то в последующем Ставка управляла военными действиями в тылу врага уверенно и твердо. Это делалось через созданный при ней 30 мая 1942 года Центральный штаб партизанского движения… Появилась реальная возможность направлять действия всех сил партизанского движения в интересах армии, координировать взаимодействие партизанских отрядов с операциями фронтов.

Общие задачи партизанским силам ставились ЦК ВКП(б) и Ставкой Верховного Главнокомандования. В соответствии с обстановкой они конкретизировались на местах парторганизациями и органами партизанского движения».

Между тем, как я знаю по работе в качестве помощника начальника Центрального и заместителя начальника Украинского штабов партизанского движения, в действительности на протяжении всей войны Ставка Верховного Главнокомандования фактически не управляла военными действиями в тылу врага. Генеральный штаб как рабочий орган Ставки не оказывал должного влияния на использование партизанских сил в интересах фронтов. При наличии Центрального, республиканских и областных штабов партизанского движения общие задачи партизанам ставились ЦК ВКП(б), Сталиным как наркомом обороны и Верховным Главнокомандующим, центральными и областными комитетами компартии, на территорию которых вторгся противник.

Однако при наличии Центрального и подчиненных ему партизанских штабов военные действия в тылу врага вели специальные партизанские формирования, руководимые органами разведки Красной Армии, а также народного комиссариата внутренних дел и минеры инженерных войск.

Боевые действия в тылу врага велись советскими партизанами в Великой Отечественной войне 46 месяцев. Центральный штаб существовал всего 18 месяцев, при этом последние 7 месяцев Украинский штаб партизанского движения

ему не подчинялся. Ставка безучастно относилась к зигзагам в руководстве партизанскими силами.

При наличии штабов партизанского движения они разрабатывали оперативные планы боевых действий на определенные периоды времени, а также отдельные операции только подчиненных им партизанских сил. Эти планы утверждали руководящие партийные органы республик и областей, а затем представлялись в ЦК ВКП(б) и в Ставку. Там, как правило, без каких-либо изменений они утверждались, но, за редким исключением, планы не были материально обеспечены и в большинстве случаев не выполнялись, но никто за это никогда ответственности не нес. Так, 7 апреля 1943 года «нелегальный» ЦК Коммунистической партии (большевиков) Украины, который заседал в Москве и фактически бывший вполне легальным, утвердил представленный Украинским штабом партизанского движения оперативный план боевых действий в весенне-летний период 1943 года, который затем был направлен в ЦК ВКП(б), а не в Ставку, и лишь 26 апреля план был утвержден ЦК ВКП(б). Одновременно Государственный комитет обороны (ГКО) принял постановление о материальном обеспечении партизан Украины. Пока планировали, утверждали план и материально обеспечивали его выполнение, крупные партизанские соединения бездействовали. Прошла весна, и летом этот план был выполнен в незначительной части.

Еще хуже обстояло дело с операциями по массовому подрыву рельсов, которые планировали ЦШПД.

Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин в июле 1943 года одобрил операции «рельсовой войны» по одновременному массовому подрыву рельсов, но не обеспечил ее материально, и в результате вместо «срыва операций врага на фронтах», как это предполагалось планом, в ходе операции «рельсовой войны» в августе 1943 года противнику удалось доставить на фронт больше поездов, чем в июне, тогда, как усилия партизан были направлены на крушение поездов. Операция «Рельсовая война», утвержденная Ставкой, оказалась вредной не для противника, а для наших железнодорожных войск, которые на освобожденной Советской Армией территории восстанавливали ненужные немцам разрушенные партизанами участки железных дорог. Но об этом впереди.

Центральный штаб партизанского движения с самого начала существования, а Украинский с марта 1943 года и до последних дней посылал в Ставку ВГК разведданные и планы операций, которые утверждались Сталиным или в качестве Верховного, или Генерального секретаря ЦК ВКП(б), или председателя ГКО. Планы

по материальному обеспечению партизан за редким исключением не выполнялись. Верховный не определил стратегическую цель партизанской войны — отрезать вражеские войска на фронте от источников их обеспечения. Это отрицательно сказалось на результатах действий партизанских сил.

По утверждению маршала Г. К. Жукова, «задачи партизанского движения сводились к тому, чтобы создать гитлеровцам невыносимую обстановку, уничтожать живую силу, военную технику и материальные средства врага, дезорганизовать работу его тыла, срывать мероприятия военных властей и административных органов фашистских оккупантов».

О главной цели партизанской войны — ни слова. Создание невыносимой обстановки для оккупантов часто оборачивалось тяжелыми бедствиями для населения. Нередко террористические акты, осуществляемые партизанами для «создания невыносимой обстановки», приводили к гибели большого количества патриотов и часто затрудняли выполнение основной задачи — срыва воинских перевозок.

Маршал Г. К. Жуков утверждал, что круг перечисленных задач партизан, их важность говорит о том, что партизаны могли действовать только организованно, целыми соединениями и отрядами.[117] В действительности действия целыми соединениями и отрядами имели место в ходе рейдов или при внезапных налетах на слабые гарнизоны и склады противника, но наибольший урон врагу с малыми потерями и, как правило, вовсе без потерь партизаны наносили противнику диверсиями с применением минно-взрывных средств, особенно неизвлекаемых противопоездных мин. Применение автоматических противопоездных и противоавтомобильных мин давало партизанам возможность наносить большой урон противнику, не вступая с ним в бой. Наоборот, действуя целыми соединениями и отрядами, они часто несли тяжелые потери. При этом партизаны не могли вести длительных боев с противником, за пределами своего района или края, так как в ходе боя у них не было той возможности, которая была у противника, наращивать усилия и организовывать пополнение боеприпасами. Зато у партизан были весьма большие возможности уничтожать войска и боевую технику и другие средства во время перевозок в поездах. И опытные партизаны эти возможности умело использовали. Не соответствует действительности утверждение Жукова и о том, что повседневное руководство партизанскими силами на местах осуществлялось подпольными организациями нашей партии. В действительности партизанскими силами на местах руководили не подпольные партийные организации, а командование

партизанских соединений, отрядов, которые руководили в начале войны партийными органами, возглавлявшими партизанские формирования, и не находившиеся в подполье, как это многие ошибочно трактуют, а уже после создания штабов партизанского движения они стали руководить партизанскими силами.

Командирами особо мощных соединений Г. К. Жуков называет П. М. Машерова,[118] З. А. Богатыря, И. Е. Анисименко, Д. Т. Бурченко, которые были комиссарами бригад и соединений. При этом таких командиров, имевших большой опыт, как Г. М. Линьков, А. Е. Андреев, В. А. Квитинский и многих других, Г. К. Жуков не упоминает. Кто-то вписал Г. К. Жукову командира диверсионной группы М. Гусейн-заде[119] в число выдающихся руководителей подпольных партийных организаций и командиров партизанских отрядов и соединений, которые сделали все возможное для борьбы с вражескими силами, умело взаимодействовали с нашими регулярными войсками. Группа М. Гусейн-заде в Югославии с нашими войсками не взаимодействовала.

Насколько мало внимания Ставка уделяла партизанским силам, видно из того, что 1-й заместитель наркома обороны и член Ставки на протяжении всей войны маршал Г. К. Жуков не имел даже представления о численности партизанских сил. В своих воспоминаниях он пишет, что «в оккупированных областях РСФСР, по далеко не полным данным, в организованных отрядах партизан находилось 260 тысяч народных мстителей (на Украине — 220 тысяч, в Белоруссии — 372 тысячи)».[120] В действительности общая численность партизан на всей оккупированной территории Советского Союза не превышала 250 тысяч, а на Украине только 47 789 человек одновременно.

Генеральный штаб являлся основным рабочим органом Ставки по руководству вооруженной борьбой, но бывший его начальник в своих воспоминаниях, говоря о работе Генштаба, ничего не говорит о руководстве Сталина и Генерального штаба партизанской войной в тылу Вермахта. И это не случайно. Начальник Генерального штаба или в его отсутствие исполняющие эти обязанности, получая сводки и другие материалы от Центрального и Украинского штабов партизанского движения, на них фактически не реагировали. Да, как видно из воспоминаний генерала армии С. М. Штеменко,[121] который начал службу в Генеральном штабе в 1940 году и с 1943 года до конца войны занимал пост начальника Оперативного управления, в Генеральном штабе не было ни одного офицера, который бы занимался вопросами партизанской войны.[122]

В годы Великой Отечественной войны мне довелось много

беседовать с К. Е. Ворошиловым по этим вопросам. Он единственный член Ставки, который в довоенные годы занимался подготовкой к партизанской войне на случай вражеской агрессии. До назначения Главкомом партизанского движения, как я точно знаю, боялся обращаться к Сталину по вопросам движения без поддержки других членов Ставки или Политбюро. Да и будучи Главкомом Сталина очень опасался.

Тогдашнее отношение руководства к партизанской войне получило отражение в Полевом уставе 1943 года. В нем впервые в пункте 17 были сформулированы те ошибочные понятия, которые заложили основу отношения к партизанам.

Снабжение

В Проекте Полевого устава 1943 года записано, что основой обеспечения партизан являются трофеи. Крымские партизаны осенью и зимой 1942/43 годов умирали с голода в тот момент когда, авиация сбрасывала бомбы на коммуникации противника. Эффективность этих бомбежек была минимальна. Партизаны могли бы пускать под откос вражеские поезда с большим успехом, но они умирали с голода. Им было легче подорвать эшелон, чем добыть буханку хлеба. В действительности трофейные боеприпасы и вооружение составляли в партизанских формированиях незначительную часть от их потребностей. Оружие и боеприпасы комплектуемые в советском тылу, отряды получали в пунктах формирования. В первые годы войны партизаны добывали оружие и боеприпасы на полях после боев. Тут им много помогало местное население. Но в сводках командиры партизанских формирований подобранные на былых полях сражений оружие и боеприпасы выдавали за трофейные.

Основным снабжением партизан с лета 1942 года была доставка средств борьбы партизанам через линию фронта по воздуху или через коридоры в линии фронта. Так, украинские партизаны за время войны по воздуху получили 12 622 автомата, 3507 винтовок, 1255 пулеметов, 272 миномета, 492 ПТР и 20 пушек, свыше 13 млн. патронов разных и много других средств борьбы, кроме того в декабре 1943 — марте 1944 года они через овручский коридор получили 776 тонн средств борьбы. У белорусских партизан трофейные боеприпасы составляли не более 5 % от всех израсходованных ими боеприпасов.

Установка на недостаточное обеспечение партизан оружием, боеприпасами и другими средствами борьбы, фактически проводимая Ставкой, резко снижала возможности партизанских

сил в борьбе с врагом. А при централизованном компетентном планировании операций партизанских сил и должном их обеспечении, они могли бы летом 1943 года полностью парализовать железнодорожные коммуникации противника и прекратить ночное движение на автомобильных дорогах, как о том писал бывший начальник Центрального штаба партизанского движения П. К Пономаренко.[123]

Г. К. Жуков и война в тылу Вермахта

Член Ставки Верховного Главнокомандующего маршал Г. К. Жуков так говорил об итогах действий советских партизан: «За 1943 год партизаны подорвали 11 тысяч поездов, повредили и вывели из строя 6 тысяч паровозов, около 40 тысяч вагонов и платформ, уничтожили свыше 22 тысяч машин и более 900 железнодорожных мостов. Организаторами этих действий являлись местные подпольные партийные организации».[124]

К сожалению, из-за недостатка взрывчатых веществ партизаны не могли уничтожать железнодорожные мосты, а только их повреждали и часто весьма слабо. В 1943 году действиями партизан руководили не местные подпольные партийные организации, а в основном штабы партизанского движения. Кроме того в тылу врага действовали отдельные партизанские формирования руководимые Главным разведуправлением и НКВД, а также и гвардейские минеры.

Подпольные партийные организации не имели никаких средств для массовых диверсий в тылу Вермахта. Партизанским формированиям, в том числе и подпольным, средства борьбы в 1943 году доставлялись из тыла Советской Армии, в основном по воздуху и в ряде случаев наземным путем.

Из труда маршала Г. К. Жукова видно, что Ставка по существу не уделяла должного внимания партизанской борьбе в тылу Вермахта, имея в 1943 году, большие возможности по полному обеспечению партизан минно-взрывными средствами за счет уменьшения сбрасывания бомб на железные дороги противника. Это могло бы привести к прекращению железнодорожного движения в тылу Вермахта на территории СССР и прекращению ночного движения автотранспорта врага и создать для немцев уже летом 1943 года положений, близкое к катастрофе.

Мост через р. Павля бомбили десятки самолетов — он уцелел. Дали ВВ партизанам — они его разрушили. В мае 1943 года на участок Орел-Брянск было совершено 500 самолето-вылетов, бомбили также на брянский железнодорожный узел.

Движение нарушено незначительно — меньше, чем подрыв одного моста партизанами.

В декабре 1941 года Сталин согласился с П. К. Пономаренко, что «Систематическими диверсиями можно закрыть движение на железнодорожных магистралях, ночное движение на автомобильных дорогах и сделать неполноценным дневное движение. Это заставит противника снять с фронта десятки дивизий на охрану коммуникаций, которые в конечном счете затруднят диверсии, но не ликвидируют их».[125]

Сталин не возразил, но предложил решать эту задачу за счет добываемых партизанами трофеев, что было явно невыполнимо. Опыт убедительно показывал, что эффективность применения партизанами минно-взрывных средств для подрыва мостов, автомашин, крушения поездов в сотни раз выше, да и сопряжено с меньшими потерями с нашей стороны, чем бомбовые удары по железнодорожным и автомобильным коммуникациям противника. Но всю войну удары по железнодорожные коммуникациям авиации увеличивались, а партизаны не могли закрыть движение на железнодорожных магистралях с весны 1943 года только из-за недостатка минновзрывных средств и отсутствия оптимального планирования операций.

Подпольщик или партизан?

Партизанские действия в условиях Второй мировой войны были сложными военными действиями с применением специальных средств, дающих партизанам возможность наносить урон врагу не вступая с ним в бой. Управление партизанскими действиями уже требовало наличия средств радиосвязи.

Подпольные парторганизации не имели в своем составе ни нужных кадров командиров и ни средств радиосвязи. Да и вообще подпольные парторганы создавались на партизанских базах и при отходе наших войск и могли руководить только теми формированиями, которые ими или с их участием были созданы.

К более чем 90 % сделанного партизанами подпольные парторганизации отношения не имели. Вернее ими самими руководили из партизанских зон, районов и краев, где руководящих подпольных органов не было.

В этот период партизаны испытывали острую нужду в минно-подрывных средствах и при достаточном обеспечении ими, могли бы уже в 1943 году отсечь вражеские войска на Восточном фронте от источников снабжения.

20 июня 1941 года я был в штабе Белорусского военного округа и видел там подавленных офицеров, которых тревожило сосредоточение готовых к нападению войск Вермахта.

Начальник артиллерии военного округа генерал А. Н. Клич, с которым мы подружились в Испании, мне с горечью сказал: «Немцы явно готовятся к нападению, а нам приказали отправить на строительство ряд орудий, сосредоточенных на полигоне для учений. Докладывали в Москву. Отвечают: «Товарищ Сталин знает и говорит не поддавайтесь панике».

В приграничных военных округах вблизи от границы сосредоточено огромное количество боеприпасов, даже оружие и горюче-смазочный материал, которые не были по существу прикрыты войсками. Я встретил автомобильную колонну, которая шла в Белосток уже после того, как он был занят противником. При отходе наших войск я уничтожал запасы горючего, которые мы уже не могли использовать и тем более не было возможности их вывезти.

Уничтожение продуктов при отходе, требование «гнать немца на мороз» поджогом населенных пунктов, в которых они размещались, много помогло оккупантам. Они вели пропаганду о том, что все это делается советской властью потому, что она уже не думает возвращаться, иначе зачем уничтожать то, что может сохраниться для использования при возвращении.

Больше того, требование об уничтожении невывезенного хлеба и угона колхозного скота способствовало привлечению на сторону врага людей, потерявших веру в победу Красной Армии, особенно родственников пострадавших в ходе репрессий при коллективизации.

История не знает такого массового использования населения и военнопленных в борьбе против своих войск, как это было в годы Великой Отечественной войны. Свыше миллиона двухсот тысяч советских людей почти всех национальностей участвовало в войне против своей Родины в полиции, а также в войсковых формированиях. Многие военнопленные шли в эти воинские формирования, создаваемые оккупантами, с целью вырваться из голодного плена и при первой возможности перейти на сторону партизан, как это сделала бригада под командованием Гиль-Радионова, которая, уничтожив бывших в ней оккупантов и матерых предателей, полностью перешла на сторону партизан, превратившись в 1-ую антифашистскую бригаду. Много полицейских, рискуя жизнью своих семей, также переходили на сторону партизан. Так в Белоруссии к партизанам перешло свыше

26 тысяч полицейских.

Оставшиеся без продуктов и других средств существования советские железнодорожники, чтобы не умереть с голода, вынуждены были работать на врага. Всего на временно оккупированной территории уже зимой 1941–42 года работало свыше 500 тысяч советских железнодорожников, которые восстанавливали и обеспечивали движение поездов. И только отдельные диверсанты, прошедшие спецподготовку, наносили существенный урон оккупантам. Особенно успешно действовала группа на железной дороге во главе с К. С. Заслоновым, А. Е. Андреевым. Но таких групп были единицы, да и связь с ними практически не поддерживалась. А если бы при отходе наших войск продовольствие, которое не могло быть эвакуировано, было бы роздано тем, кто в силу сложившейся обстановки оставался на оккупированной территории, было бы меньше тех, кто работал на врага.

Уничтожение зерна и других продуктов питания при отходе войск Красной Армии сильно затрудняло развертывание партизанской войны в тылу врага.

Картина могла быть куда хуже, если бы все требования Сталина выполнялись полностью. Тогда начался бы мор населения в тылу врага, что и нужно было оккупантам, и некому было бы нарушать работу вражеских коммуникаций противника. Так в основном партизаны могли питаться только за счет местного населения.

Факторы партизанской войны

Опыт показал, что существуют определенные факторы определяющие ведение партизанской войны против агрессора.

1. Заблаговременная ее подготовка, на что указывал еще М. В. Фрунзе. Из складов, о которых говорилось выше украинские партизаны смогли получить гораздо меньше, чем было заложено при их создании. За два года партизаны смогли получить лишь 120 тонн тола. Остальное было изъято в 1937. То же происходило в Белоруссии, где до войны было заложено в тайниках 50 000 винтовок.

2. Кадры!

3. Отношение населения. Первоначально мы не могли рассчитывать на существенную помощь населения, так как отступали и население было подавлено. Начало же наступления советских войск вдохновляло население на пополнение партизанских отрядов и на помощь партизанам.

Вторая мировая война убедительно показала, что партизанская борьба — война в тылу врага — является тоже военным искусством, правда, имеющим свою специфику. Поскольку партизанские действия являются военными действиями, на них распространяются многие законы военного искусства.

Часть III. Теория партизанской войны

«Горе тому, кто умножает чужое могущество, ибо оно добывается умением или силой, а оба этих достоинства не вызывают доверия у того, кому могущество достается».

Николо Макиавелли.

Глава 1. Второй фронт

Готовя партизанские кадры в период войны, осуществляя проверку действий партизан, ликвидируя минные поля после войны, я смог оценить результативность многих партизанских операций, которые организовывал или о которых знал.

Я убедился, что начиная с 1943 против врага в полной мере действовал второй фронт — это были партизаны.

Традиционно ошибочно оценивают значение приказа Сталина № 227 о создании заградотрядов. Не они спасли положение. Нет! Они только увеличили количество сдавшихся в плен. Не заградительные отряды, а отвага и мужество советских воинов обеспечили победу несмотря на ошибки и преступления Сталина. В ходе войны без больших потерь командиры и командующие получили нужный опыт.

Заметим, что Вермахт за годы войны с СССР потерял меньше офицеров и в основном младших и средних, чем наша Армия в 1937–38 годах в результате сталинских репрессий.

Две формы партизанской борьбы

Партизанская война велась в двух формах: из подполья и из районов дислокации партизанских сил.

Что касается первой формы, то здесь показательны действия Константина Заслонова.[126]

Он прошел подготовку в школе А. К. Спрогиса в составе небольшой группы. После подготовки был направлен в Оршу. До прихода фашистов, возглавлял в этом городе депо.

Проанализировав ситуацию, Заслонов понял, что боевыми действиями он нанесет небольшой урон и решил вести подпольную борьбу. С этой целью он пришел к немцам и предложил свои услуги. Кадров не хватало отчаянно и ему было предложено оставаться на той же должности, то есть начальником депо.

Результаты его деятельности таковы: с декабря 1941 по февраль 1942 он пустил под откос 6 поездов и повредил 170 паровозов. Я сам потом проверял.

Немцы начали догадываться, но не поняли кто стоит за этим. Дошли до того, что начали дробить уголь, чтобы вместе с ним в топку не попадали «угольные» мины. Репрессировать никого не могли, так как основные работники были русские. Таким образом одному обученному человеку с небольшой группой помощников

удалось сделать гораздо больше, чем целому подразделению.

А было-то всего у него — тол и запалы. Вот что такое действия профессионала.

В качестве другого примера подпольной организации можно привести действия полковника Василия Ивановича Нечипуровича. Почти вся его 208-ая дивизия попала в плен. Он ушел в подполье, организовал отряд, вышел с ним из города и перешел к партизанским действиям. Очень скоро его отряд контролировал большую территорию.

К сожалению, отсутствие должной организованности приводило к разброду среди партизанских командиров и несогласованности действий. Нечипурович сообщил об этом в центр и… был отозван. На него завели дело.

Третий пример — подполье А. Ф. Федорова. Организованное человеком являвшимся партийным работником, оно не могло быть создано в городе. Их знали в лицо. Поэтому они сразу же ушли в леса. Воевали в форме, не скрывались и носили оружие. По сути это было не подполье, а партизанство. В Одессе партизаны уже не были в подполье.

Глава 2. Международное партизанское движение

Планируя нападение на СССР, германский генеральный штаб знал о подготовке к партизанской войне в СССР во второй половине 20-х и начале 30-х годов. Знал о том, что советские военные специалисты участвовали в организации партизанской борьбы в тылу фашистов и мятежников в Испании в 1936–39. Противник готовился к быстрому и жестокому подавлению зачатков партизанского движения. Однако при определении вероятных действий партизан гитлеровский генеральный штаб явно их недооценил, а возможности своих войск в борьбе против партизан переоценил.

Генштаб немецких сухопутных войск считал, что моторизация, механизация армии и наличие в войсках средств радиосвязи резко уменьшат возможности партизан.

Партизаны сохранили за собой превосходство в маневренности на местности, недоступной для мотомехвойск. А наличие в Вооруженных Силах Советского Союза могучей авиации и средств радиосвязи позволило обеспечивать партизанские силы нужными им средствами борьбы, быстро получать от партизан ценные разведданные и эвакуировать из тыла противника в тыл Советской Армии раненых и больных партизан.

Знали гитлеровцы и о наличии специальных диверсионных средств, но недооценили возможности эффективного их применения партизанами.

Знало гитлеровское руководство и о сталинских репрессиях, которыми были ликвидированы все мероприятия по подготовке к партизанской войне, что очень помогло гитлеровцам, но, к счастью, уцелело несколько десятков опытных и хорошо подготовленных партизан, которым удалось, преодолевая последствия сталинских репрессий с трудом развернуть партизанскую войну.

В результате всего этого гитлеровское верховное главнокомандование оказалось неспособным подавить партизанское движение, хотя и задействовало значительно больше, чем предполагалось перед войной, сил и средств для борьбы против партизан, а также — для охраны важных коммуникаций и других объектов в своем тылу.

Особенно широко стало развиваться партизанское движение после разгрома немецко-фашистских войск под Москвой. На

оккупированных территориях Франции, Греции, Югославии и других стран начинали действовать сотни отрядов и групп, ведущих партизанскую войну.

Большую роль в развитии французского партизанского движения, как и во многих других странах, сыграли войны 14-го Испанского партизанского корпуса, часть которого после падения республики была интернирована во Францию. После оккупации Франции бойцы корпуса вырвались из лагерей и занялись привычным делом под командованием Антонио Буйтраго, прежде заместителя командира корпуса. К 1943 году корпус имел уже 27 диверсионных бригад, сведенных в девять дивизий. Их действия распространились на 2/3 территории Франции, они участвовали в освобождении ряда городов, в том числе Марселя и Парижа.

Во Франции, как, например, и в Чехословакии, Болгарии, Югославии и других странах, примерно 80 % командиров партизанских соединений и специалистов-диверсантов были подготовлены либо прямыми участниками партизанской войны в Испании, либо прошедшими через их руки инструкторами. Бывший начальник штаба 14-го партизанского корпуса Л. Илич был начальником оперативного отдела главного штаба французских партизан.

В Югославии же фашистские агрессоры столкнулись, наверно, с самой организованной партизанской войной во всех европейских странах. В апреле 1941 года немецкие и итальянские войска оккупировали югославскую землю. Уже в мае были созданы военные комитеты при всех национальных и краевых комитетах КПЮ и Верховный штаб партизанских отрядов. Проводился сбор оружия и медикаментов; обучались молодые кадры; предпринимались меры по возвращению в страну участников войны в Испании, которые находились во французских лагерях.[127] Иосип Броз Тито радировал в Москву:

> «13 мая 1941 г.
> Тов. Димитрову
> Мы организуем боевые отряды, воспитываем свои военные кадры, готовим вооруженное восстание в случае нападения на СССР».[128]

В Югославии партизанская война началась внезапно для оккупантов, партизанские действия сразу охватили значительные территории. В этот момент югославские партизаны еще мало использовали специальную технику, формы их борьбы несколько противоречили основным задачам партизанской войны. Однако это не привело, как в Советском Союзе, к катастрофическим потерям: дело в том, что партизанам удалось добиться

стратегической внезапности. У противника не было сил для поддержки своих гарнизонов — все вооруженные подразделения на восставшей территории оказались слишком слабыми и были разгромлены. Результаты этого восстания были великолепными.

> «28 сентября 1941 г.
> 27.11 провели совещание в Верховном штабе партизанских отрядов Югославии. Присутствовало 20 представителей штабов и командиров партизанских отрядов из всех районов страны. Составлен план дальнейших боевых операций и диверсий. Половина территорий Сербии и Боснии, а также большая часть Черногории уже очищены от оккупантов. На остальной территории Сербии, Хорватии и Словении действуют крупные партизанские подразделения, которые удерживают отдельные города и нападают на различные стратегические объекты…
>
> *Вальтер (И. Броз Тито)»*[129]

Структура централизованного управления партизанскими подразделениями в Югославии была эффективной и в сравнении с советской более цельной:

> «Организатор и руководитель всех партизанских отрядов Югославии — Компартия. Военный руководитель — Верховный штаб, которому подчинены главные штабы провинций. Главнокомандующий партизанами Тито…»[130]

Интересен такой факт. В апреле 1942 года из Москвы запросили «краткие биографические данные на неизвестных нам важнейших руководителей партизанской армий», для популяризации югославского партизанского движения. В предоставленном списке было восемнадцать имен. Из них девять были кадровыми офицерами бывшей югославской армии, пять — офицерами интербригад в Испании и только четверо до войны были штатскими (да и то один — офицер запаса).[131] В Югославии ясно понимали, что партизанской войной должны руководить военные.

В самом начале партизанской войны была определена основная ее цель, которая дальше неукоснительно соблюдалась: «Ни одна пушка, ни одна винтовка, ни один патрон, ни одно пшеничное зерно и т. д. не должны попасть в руки фашистских преступников. Мобилизуйте все свои силы против превращения

нашей страны в базу снабжения фашистской оравы…[132]

«Пример югославского народа говорит… о том, что партизанская борьба и в нынешних условиях является решительной и наиболее действенной формой сопротивления захватчикам.

Факты говорят об этом с полной убедительностью. Югославские партизаны, например, вывели из строя свинцовую и медную промышленность страны, на которую германские оккупанты возлагали большие надежды. Машинное оборудование на предприятиях было приведено в негодность, рудники взорваны, рабочие ушли в партизанские отряды. Это не саботаж, снижающий до известной степени выпуск продукции, а полная ликвидация одного из важнейших источников, способных питать фашистскую военную машину.

…Особенно большое значение имеет разрушение железных дорог. В этом деле югославские партизаны достигли выдающихся успехов. Немецкие и итальянские оккупанты не только не являются больше хозяевами на железных дорогах Югославии, но и вообще почти не могут пользоваться ими. Партизаны взорвали десятки и сотни мостов, разрушили полотно важнейших магистралей, взорвали ряд узловых станций.[133] С большим трудом немецким войскам и жандармам предателя Недича удается поддерживать движение лишь на одной железнодорожной линии Белград-Ниш».[134]

Уинстон Черчилль в феврале 1944 года так рассказывал британскому парламенту о положении в Югославии:

«Партизаны во главе с искусным руководством, организованные в отряды, были одновременно неуловимой и смертоносной силой. Не только хорваты и словены, но и большое число сербов примкнуло к маршалу Тито, и сейчас у него более четверти миллиона человек и большое количество вооружения, отнятого, у врага или у итальянцев, и эти люди организованы в значительное число дивизий и корпусов.

Все движение приняло определенную форму, не утратив своих партизанских качеств, без которых оно, возможно, не могло бы иметь успеха. Вокруг и внутри этих героических сил развивается национальное объединяющее движение. Коммунистическим элементам принадлежит честь зачинателей, но по мере того, как это движение росло численно и крепло, произошел изменяющий и сплачивающий процесс и возобладали национальные концепции. В лице маршала Тито партизаны нашли выдающегося вождя, покрывшего себя славой в борьбе за свободу».[135]

В середине 1943 державы оси были вынуждены держать в

районе Югославии около 33 полных дивизий и большое число полицейских формирований. Партизанские силы и НОАЮ очистили от противника всю Албанию и большую часть Югославии, в том числе совместно с войсками Красной Армии освободили и ее столицу Белград. Ряд формирований НОАЮ проникал в Венгрию и Болгарию, помогал местным партизанам. А после капитуляции фашистской Италии, при помощи той же НОАЮ, были сформированы несколько итальянских партизанских дивизий и бригад.

Партизанское движение было характерно для многих оккупированных стран Европы. Даже такая маленькая страна, как Бельгия, имела своих партизан, отважно действовавших на коммуникациях противника.

Победы Советской Армии под Сталинградом и на Курской дуге, способствовали дальнейшему росту национально-освободительного движения в странах Европы и Азии. К 1944 году участники Сопротивления, широко используя опыт советских партизан, развертывают в тылу врага крупные боевые операции и организуют народные восстания.

По самым скромным данным партизанские силы во Второй мировой войне сумели:

— отвлечь на себя в Европе к концу 1941 г. свыше 54 дивизий и более 1 млн. 200 тысяч полицейских и других изменников, а к началу 1944 г. более 113 дивизий и свыше 1 млн. 700 тысяч полицейских формирований,[136] которые при отсутствии партизан могли бы превратиться в 150 пехотных дивизий. Следовательно, партизаны на себя отвлекали больше сил, чем второй фронт в Европе;

— значительно нарушить работу автомобильного и особенно железнодорожного транспорта противника (удары партизанских сил по железнодорожному транспорту противника по своей эффективности почти в десять раз превосходят результаты налетов вражеской авиации на железные дороги СССР и союзников);

— серьезно затруднить противнику использование людских и материальных ресурсов на оккупированной территории;

— спасти миллионы мирных людей от угона на каторгу и уничтожения в лагерях смерти;

— спасти огромные материальные средства от увоза и уничтожения противника при его отходе;

— помочь своим войскам в преодолении водных преград и горных перевалов, в освобождении городов;

— освободить от оккупантов значительную часть захваченной ими территории в СССР и других оккупированных стран.

Вспыхнувшее 29 августа 1944 года Словацкое национальное восстание, поднятое местными патриотами при помощи советских партизан, превратило Словакию в арену народно-освободительной войны. Тем самым из состава вооруженных сил фашистского блока была выведена 60-тысячная армия Словакии, которая перешла на сторону партизанских сил и участвовала в боях уже против немецко-фашистских войск.

Революционное восстание в столице Болгарии Софии достойно завершило боевые действия болгарских партизан.

В ходе войны против японских оккупантов в Индокитае, Бирме, Малайе, Индонезии и на Филиппинах на базе партизанских отрядов выросли и окрепли национально-освободительные армии, которые превратились в мощные силы, освободившие эти страны от колониального гнета. Больше того, именно пламя партизанской войны сорвало многие замыслы японских милитаристов.

Боязнь вооруженного народа со стороны правительств союзников привели к тому, что англо-американские войска в октябре 1944 года высадились на уже освобожденную территорию Греции и начали войну против греческих национально-освободительных войск, ранее боровшихся против немецко-фашистских оккупантов. И эта борьба англо-американских войск и реакционных сил Греции продолжалась до 1948 года. Так же предательски поступили американцы и с партизанскими силами в Италии, в оккупированных японцами странах Юго-Восточной Азии и островов Тихого океана.

Чтобы судить о размахе и эффективности партизанской борьбы в годы Второй мировой войны, приведем следующие данные.

К весне 1944 г. численность партизанских сил и созданных на их базе национально-освободительных армий в тылу фашистских оккупантов превышала миллион триста тысяч человек.[137] И это были по большей части хорошо организованные группы, отряды, соединения и даже целые армии, имевшие явное преимущество перед противником в моральном отношении. А отсутствие авиации, танков, недостаток артиллерии и автоматического оружия партизаны в значительной мере компенсировали своей особой тактикой и диверсионной техникой.

Большие потери противнику нанесли партизаны и в других странах. Французские партизаны только за время высадки союзников на севере Франции летом 1944 года, по признанию американского командования, своими действиями на коммуникациях за две недели причинили немцам больший урон, чем авиация союзников — за два месяца.[138]

Вопросам партизанской войны в тылу фашистских и японских агрессоров во Второй мировой посвящено много трудов исследователей.

В чем же секрет успеха партизанской войны?

Прежде всего он объясняется героизмом партизан и народа, эффективными тактическими приемами борьбы и умелым использованием технических средств. А все это позволяет партизанам вести боевые действия с минимальными людскими и материальными затратами. Чтобы не быть голословными, подтвердим это некоторыми сравнительными цифровыми данными.

Так, во второй мировой войне вооруженные силы антигитлеровской коалиции на фронте на одного выведенного из строя вражеского солдата и офицера израсходовали свыше одной тонны боеприпасов, а партизаны только около 20 кг — то есть в 50 раз меньше.[139] Еще более эффективно партизаны применяли автоматические мины, особенно противотранспортные. По данным отчетов штабов партизанского движения и материалам проверки, а также по документам противника выходит, что эффективно срабатывала каждая четвертая мина. На фронте же в среднем на один подорванный танк расходовалось около 4000 противотанковых мин (когда у партизан — только 4 мины!). И еще больше противопехотных мин расходовалось на одного убитого вражеского солдата и офицера.[140]

Заметим, что после Второй мировой войны в вооруженных силах многих стран созданы заново спецчасти для партизанских и в первую очередь диверсионных действий в тылу противника и имеется обширная литература по основам организации, тактики партизанских действий и стратегии партизанской войны. Значительная часть ее является открытой. Знание основ организации и тактики партизанской борьбы необходимо для войск, которые могут оказаться в тылу врага и там при необходимости перейти к партизанским действиям.

Глава 3. Искусство партизанской войны — серьезная наука

Искусство партизанской войны включает организацию и подготовку партизанских сил, планирование, всестороннее обеспечение и ведение партизанских действий. Кануло в лету время, когда партизаны успешно вели борьбу против иностранных захватчиков без всякой подготовки. Военно-технический прогресс — развитие транспорта, появление бронетанковых сил, авиации, радиосвязи и, наконец, средств массового поражения, совершенствование служб контрразведки затрудняют, но, как убедительно показывает опыт, не исключают успешное ведение партизанской войны при должной к ней подготовке и умелом использовании доступных партизанам средств борьбы и прежде всего средств, которые дают партизанам возможность выполнять свои задачи, не вступая в боевое столкновение с противником.

Больше того, современное состояние промышленности, транспорта и средств борьбы резко повысили значение и возможности партизанской войны.

Опыт Второй мировой и последующих национально-освободительных войн убедительно показали, что при современных средствах борьбы и связи для достижения целей партизанской войны ее руководителям необходимо овладеть всеми составными частями военного искусства — тактикой, оперативным искусством и стратегией.

Партизанская тактика составляет теорию и практику подготовки и осуществления действий одиночек, групп, отрядов и соединений по конспирации, передвижению, преодолению контрпартизанских мероприятий противника и осуществлению поставленных задач (засад, налетов и нанесение урона противнику, не вступая с ним в бой), а также вынужденные оборонительные действия.

Оперативное искусство или малая стратегия партизанских сил охватывает теорию и практику подготовки и осуществление операций, способных в войне против агрессора отрезать войска противника от источников их снабжения с использованием наземного и подземного транспорта, захватывать плацдармы при форсировании рек, водных преград, а также другие операции, способствующие успеху действий своих регулярных войск.

В национально-освободительных войнах внезапные операции партизанских сил способны ошеломить противника, создать

условия для победы повстанцев. Оперативное искусство партизанской войны — теория и практика внезапных всесторонне обеспеченных операций партизанских сил, способных преодолеть контрпартизанские мероприятия противника, и нанести ему урон, имеют большое значение. Состояние современной техники дает возможность это осуществить относительно малыми силами с использованием незаметно устанавливаемых средств, способных действовать в заданное время.

Стратегия партизанская — теория и практика подготовки и ведения партизанской войны. Она занимается определением стратегических задач партизанских сил и необходимых для выполнения условий и средств. Партизанская стратегия и практическая деятельность руководства партизанскими силами должны не допускать действий, которые бы насторожили противника в ходе выполнения операций, чтобы не вызывать у него трудно преодолимых или даже вовсе непреодолимых контрпартизанских мероприятий раньше, чем завершаться операции, которые достигнут поставленной цели.

Послевоенный прогресс и его влияние на возможности партизанской войны

После окончания второй мировой войны прошло уже почти полвека. За это время локальные войны в мире не прекращались и не раз вспыхивали партизанские войны.

Но самыми поучительными являются действия партизан в Южном Вьетнаме, где потерпели поражение войска весьма могущественной страны — США и действия партизан в Афганистане, где войска другой сверхдержавы так и не могли спасти навязанный извне режим Кабрала и Наджибуллы. При этом советские войска понесли особенно большие потери тяжело ранеными воинами, подорвавшимися на минах.

Поражение американских войск во Вьетнаме и провал операций советских войск в Афганистане явились следствием того, что военное и политическое руководство этих стран недооценило новые возможности партизанской войны, появившиеся в результате военно-технического прогресса, произошедшего после Второй мировой войны. Особенно велики такие возможности у партизанских сил, организуемых и снабжаемых государствами, обладающими современной военной техникой, приспособленной для использования в тылу противника.

Исторический опыт убедительно показывает, что

партизанская война весьма эффективна только в справедливых освободительных войнах. Этот же опыт показывает, что отдельные и даже массовые террористические акты приносят больше вреда тем, кем они направляются, чем тем, против кого они направлены.

Глава 4. Партизанская борьба — важнейший фактор достижения победы над фашизмом

Вопросам партизанской войны в тылу фашистских и японских агрессоров во Второй мировой войне посвящено много трудов исследователей. Приведем некоторые из их оценок.

«История войн не знает ни одного примера, когда партизанское движение играло бы такую роль, какую оно сыграло в последней мировой войне, — вынужден признать бывший генерал-полковник гитлеровской армии Лотар Рендулич. — По своим размерам она представляет собой нечто совершенно новое в военном искусстве. По тому колоссальному воздействию, которое оно оказало на фронтовые войска и на проблемы снабжения, работы тыла и управления в оккупированных районах, оно стало частью понятия тотальной войны».[141]

Гейнц Гудериан,[142] занимавший посты командующего 2-й танковой группы, а затем начальника Генштаба сухопутных войск Германии, говорит, что «по мере того, как война приобретала затяжной характер, а бои на фронте становились все более упорными, партизанская война стала настоящим бичом, сильно влияя на моральный дух фронтовых солдат».[143]

Это подтверждают и английские исследователи Ч. Диксон и О. Гейльбрунн: «Ущерб, нанесенный немецкой армии партизанской войной, нельзя определить только числом убитых и раненых и количеством уничтоженных орудий и складов. К этому же следует добавить потерю немецкой армией боеспособности и ударной мощи, значение которой трудно оценить в цифрах».[144]

Еще более ярко пишет в своей «Второй мировой войне 1939–1945 годов» Дж. Фуллер:[145] «В России партизаны, число которых все время возрастало, вселяли ужас в сердца немецких солдат, разбросанных вдоль бесконечное линии сообщений. На огромных пространствах, через которые проходили коммуникации, партизанские отряды играли такую же роль, как и стаи подводных лодок в Атлантическом океане».[146]

Только советские партизаны (по данным «Истории Великой Отечественной войны»):

— уничтожили, ранили, разложили или взяли в плен около полутора миллионов вражеских солдат, офицеров, чиновников оккупационной администрации и т. п.;

— произвели более 18 000 крушений поездов;

— уничтожили 9400 паровозов и значительно больше их

вывели из строя на значительные сроки, около 42 000 автомашин и мотоциклов, около 4000 танков, бронеавтомобилей, самоходных орудий и арттягачей, около 800 самолетов;

— разрушили и повредили около 2000 мостов на железных и около 8000 — на автомобильных дорогах, и нанесли противнику много другого вреда, трудно выражаемого в точных, цифрах.

Заметим, что по своей эффективности партизанская война, как неоспоримо следует из вышеприведенных цифр, сравнима, как минимум, с крупной войсковой стратегической операцией, влияющей на исход войны.

Трудно представить, как отразилось бы на ходе войны отсутствие партизанской борьбы в тылу фашистских оккупантов. У противника появилась бы возможность дополнительно использовать на внешних фронтах от 50 до 100 дивизий полевых войск и, по меньшей мере, 100–150 дивизий, дополнительно сформированных за счет полицейских подразделений, которые в минувшей мировой войне отвлекались партизанами. Отсутствие партизан дало бы возможность агрессору более полно использовать людские и материальные ресурсы оккупированных им территорий. Не ощущал бы противник и перебоев в работе транспорта.

По сути дела, партизанская война была одним из важнейших факторов достижения Победы, но, вместе с тем, одна она в отечественных условиях ее достичь бы не смогла, так же, как и одна Красная Армия, без партизан.

Партизанское движение началось с первых дней войны, неорганизованно, с ошибочной установкой о формировании партизанских отрядов на занятых противником территориях. Отрицательное значение так же и то, что в Полевом Уставе 1943 года говорилось, что основной единицей партизанской, войны является отдельный, самостоятельно действующий партизанский отряд. Стратегическая ошибка! Самостоятельно действующий отряд сам выбрал себе цель, пошел, выполнил свою задачу, но привлек внимание, противника и помешал другим партизанам выполнить гораздо более важную задачу. Отдельные, самостоятельные действия партизанских отрядов настораживали врага и не давали провести операции, могущие иметь оперативное и даже стратегическое значение.

Командиры партизанских формирований понимали пагубность такого подхода к партизанской войне. Если по данным на июнь 1942 года на территории Белоруссии действовало 241 отдельный отряд, 12 бригад и 58 бригадных отрядов (процентное соотношение — 77,5 % отдельных отрядов на 22,5 % крупных соединений), то на июнь 1943 года — 129 отдельных отрядов, 91

бригада и 456 бригадных отрядов (т. е. 19 % на 81 % соответственно), а в июне 1944 года — 53 отдельных отряда, 102 бригады и 490 бригадных отрядов (8 % на 92 %).[147]

В 1942 году на Калининском фронте был даже сформирован партизанский корпус, но был распущен Центром, как «бюрократическая надстройка», мешающая эффективным действиям партизан.

В результате в 1944 году, когда практически вся территория нашей страны была освобождена, в тылу противника продолжали действовать только хорошо подготовленные диверсионные группы, чья подготовка была настолько высока, что даже действуя за границей, они могли организовывать там крупные партизанские формирования. Они могли организовывать там восстания (как, например, Словацкое национальное восстание), были в зарубежных странах детонаторами борьбы. Наиболее понимающие возможности нанесения урона противнику командиры действовали до самого конца войны и встретились, по сути дела, с союзниками на Эльбе.

Нельзя не восхищаться высоким профессионализмом действий этих партизан-диверсантов. Но увы — их было немного. Основная масса партизан после изгнания оккупантов осталась, в нашем тылу, превратилась в пехоту, часть из них пошла на советскую работу, часть — на борьбу с бандами ОУН-УПА.

Второе направление развития партизанского движения и партизанской войны можно условно назвать «западным». Что же оно собой представляло? Начнем с Югославии. Там основной единицей партизанской борьбы не считали отдельный отряд. В ходе войны партизанские отряды, и группы превращались в соединения, потом — в дивизии и корпуса и, наконец, стали НОАЮ, которая одновременными партизанскими действиями на территории противника и армейскими — на линии фронта, оттеснили врага и практически полностью освободили свою страну и даже часть Италии.

В Италии так же были крупные партизанские соединения, которые превратились в могучую армию, которая смела фашистский режим на севере страны и даже захватила Муссолини. Даже если бы не было союзников, итальянские партизаны освободили бы свою родину.

Что получилось во Франции? Во Франции так же мелкие формирования Движения Сопротивления, руководимые Де Голлем и антифашистским военным движением КПФ, превращались путем слияния в более крупные. Эти партизанские соединения буквально сковали противника, затруднив даже внутреннее снабжение массовыми диверсиями. В итоге Франция

не только ничем не помогала Германии, но и, по существу, не могла удовлетворить собственные потребности. Одни убытки для оккупантов!

Таким образом, выявилось два пути: первый — превращение партизанских соединений в армию, способную вести полномасштабные боевые действия, и второй — выделение из основной массы отрядов и групп, действующих в тылу противника, высокопрофессиональных диверсионных групп, способных действовать практически в любых условиях и на любой территории. Первый характерен для стран, по той или иной причине, не имевших национальной армии, способной противостоять, агрессору, второй — для государства, чьи вооруженные силы одновременно с партизанами вели борьбу против оккупантов.

Какой из этих путей наиболее перспективен — показало будущее, а здесь стоит только заметить, что ответ на любой вопрос зависит от конкретных обстоятельств и абсолютизация значения накопленного опыта еще ни к чему хорошему, как правило, не приводило.

Признавая это, Сталин в сентябре 1942 года в приказе «О задачах партизанского движения» писал: «Разгром германских армий может быть осуществлен **только** одновременными боевыми действиями на фронте и мощными непрерывными ударами партизанских отрядов по врагу с тыла… Народное партизанское движение на нашей территории, временно захваченной немецкими оккупантами, становится **одним из решающих условий победы над врагом**».

Слышите: **только**!

Слышите: **одно из решающих условий победы над врагом**!

В ноябре 1944 года Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин выступил с докладом: «27-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции». Тогда же, 7 ноября 1944 года был издан приказ № 220.

В докладе и приказе отмечались великие победы Красной Армии и заслуги союзников в достижении огромных побед над фашистским Вермахтом. О помощи партизан войскам Красной Армии и союзников в достижении этих побед Сталин не сказал ни слова.

В заключении в приказе говорилось: «Красная Армия и армии наших союзников заняли исходные позиции для решающих наступлений на жизненные центры Германии. Задача сейчас состоит в том, чтобы стремительным натиском армий Объединенных наций в кратчайший срок сокрушить гитлеровскую Германию.

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, сержанты, офицеры и генералы! Трудящиеся Советского Союза!

В Великой Отечественной войне мы отстояли свою Родину от захватчиков, окончательно ликвидировали угрозу порабощения народов СССР фашистскими извергами и стоим теперь накануне полной, победы».[148]

О том, что Верховный в своем докладе и приказе не отметил заслуг советских партизан в победах над фашистами, партизанам было очень обидно. Я помню печальное и недоуменное выражение лиц бывалых партизан-диверсантов, которых поразило то обстоятельство, что Верховный забыл об их огромном вкладе и о том, что сам писал меньше двух лет тому назад.

Еще большее недоумение вызывало то обстоятельство, что перед партизанами не было поставлено никаких задач. А ведь в это время советские партизаны вели самостоятельную борьбу в тылу врага за пределами Советского Союза, в Польше, Чехословакии, Югославии, Венгрии и ряде других стран. Это не могло не привести к тому, что партизанские силы могли оказаться вне забот об их снабжении и судьбе.

И вот наступил долгожданный день, День Великой Победы. Великий праздник, великая радость — кончилась, наконец-то, война, временами казавшаяся бесконечной. И поздравляет народ с Победой сам Верховный Главнокомандующий. Он говорит о тех, кто ковал эту Победу, погибал на фронтах и работал для фронта.

Но ни слова о партизанах.

Так и пошло с тех пор по традиции: выступает 9 мая глава государства, говорит о Победе и тех, кто ее вырвал у врага — а о партизанах и диверсантах молчок. Будто и не было их. По-другому стала называться страна, сменилась, вроде бы, идеология, 1995 год, пятидесятилетие Победы. С праздничной речью выступает президент Российской Федерации Б. Н. Ельцин. Хорошо говорит, долго. Ни одного упоминания о партизанах.

И в научных трудах, и в школьных учебниках о партизанской войне — несколько неопределенно: было что-то такое. Второстепенное.

Посмотрим на эту проблему немного с другой стороны. По окончании Великой Отечественной войны 11 тысяч человек заслужено получили звание Героя Советского Союза. Из них — 234 партизана. И только 130 тысяч — медаль «Партизан войны» (при общей численности партизан по меньшей мере 800 тысяч человек).

Как же так?

Анализ вклада партизан в Победу показывает, что, как минимум, 15 % урона врагу было нанесено ими. Почему же, когда

стали представлять к наградам, получилась такая штука? Иван Николаевич Кондрашов, которого я знал еще до войны, очень переживал что тысячи партизан остались без наград.

Коницкий Сергей Васильевич, так много сделавший для создания диверсионной службы в соединении Ковпака, — до сих пор не награжден.

Гнездилов Федор Данилович, за полгода превратившийся из раненого воина в командира целого партизанского полка им. Ф. Э. Дзержинского — и это в первый-то год войны, Героя ему впору давать! — не награжден.

Имен много…

Был у нас один двенадцатилетний мальчик-партизан Толя Запорожец. Никто его не поощрил. Я снял свою медаль и вручил ему. Был и другой, Витя Коняхов, который начал борьбу в 14 лет и закончил войну в Польше. Отважно действовал…

Вовсе не получили никаких наград наши испанские друзья, воевавшие в тылу «голубой дивизии». Их десантировали так неумело, что сначала они оказались у нас в тылу. Хотели уж было закладывать мины, но обнаружили, что они в Вологодской области. Их подобрали и вновь выбросили в тыл врага — зимой, без лыж и продовольствия! Они, несмотря на чрезвычайно трудную ситуацию, провели ряд диверсий, но, в конце концов, были вынуждены вернуться.

Давайте спросим, почему партизан после Победы как-то забыли.

Маршал Г. К. Жуков пишет, что когда «война шла к концу, и осталось провести несколько завершающих операций, И. В. Сталин наверняка хотел, чтобы во главе этих операций стоял только он один».[149] Этот вывод Жуков сделал после предложения Сталина передать в дальнейшем руководство всеми фронтами в руки Ставки. То есть: Сталин хотел, чтобы его слава и авторитет в результате Победы увеличился. Но ведь хорошо известно, что чем сложнее задача, тем больше славы будет от ее решения. Чем выше гора, тем больше славы ее покорить. Чем сильнее армия противника — тем больше славы ее победителю. А победителей, как заметил писатель Георгий Владимов, при Сталине «у нас всего было два: один с адресом — «Москва, Кремль, товарищу Сталину», другой — «великий советский народ под водительством родной партии», и даже если не со всем здесь можно согласиться, тенденция того времени подмечена верно.

А теперь скажите, победа над каким Вермахтом приносила больше славы Красной Армии и Сталину, как Верховному Главнокомандующему — над измученным, разложенным партизанами, как то было на самом деле, или над неким могучим

и доселе непобедимым. Когда советские войска форсировали Днепр и ряд других рек, переправы им предоставляли партизаны — но разве об этом говорится где-нибудь?

Если бы Сталин признал, что партизаны внесли свой вклад в исход войны, срывая снабжение армий Вермахта, разлагая их, представляя вражескую армию перед РККА ослабленной, то пришлось бы признать, что немецкая армия во время боев была не настолько сильной, насколько он хотел представить.

Без партизан больше славы доставалось Сталину, его генералам и Красной Армии, это было выгоднее с политической точки зрения — союзники быстрее шли на уступки. И партизан предпочли забыть.

Сегодня размышляя об этом, я думаю, что ответ на все вопросы кроется в известном высказывании Никколо Макиавелли: «Горе тому, кто умножает чужое могущество, ибо оно добывается умением или силой, а оба этих достоинства не вызывают доверия у того, кому могущество достается».

Часть IV. Партизанская практика

Глава 1. Выход из окружения (прорыв блокады)

Если наши неопытные партизанские группы, погибали на своей земле, то хорошо подготовленные партизаны в самых сложных условиях действовали за пределами СССР, когда казалось перспектив на выживание не было. Вот что рассказал мой бывший начальник финансов.

В октябре 1944 года в результате прямой измены буржуазной прослойки во время народных выборов в Словакии, словацкое народное восстание (по предложениям гитлеровцев и их заокеанских англо-американских покровителей) должно было потерпеть полный провал. Так оно и казалось на первый взгляд: Гольян и Вест (англо-американские ставленники — возглавлявшие восставшую словацкую армию) дали команду о прекращении сопротивления. Освобожденный район перестал существовать. Неподготовленные к переходу на партизанские методы борьбы части словацкой армии массами сдавались в плен, солдаты, бросая оружие, разбегались по домам. Партизанские отряды и бригады, удерживающие более половина линии фронта освобожденного района этим предательским распоряжением были поставлены под угрозу уничтожения, т. к. не были своевременно предупреждены о роспуске армии и прекращении обороны района. Фашистские части быстро растекались по дорогам и занимали населенные пункты в тылу партизан, продолжавших держать оборону на порученных им участках фронта.

Уничтожение партизанских отрядов в этот момент было предупреждено своевременным вмешательством товарища Готвальда, который в это время руководил борьбой чехословацкого народа из советского тыла.

Переданное из УШПД по радио распоряжение о переходе на партизанские методы борьбы начало немедленно реализовываться командирами партизанских отрядов и бригад (в основном состоявших из советских командиров).

Переход на партизанские методы борьбы был сопряжен с огромными трудностями:

1. Враг через своих шпионов и предателей словацкого народа был хорошо осведомлен о расположении, численности и вооружении партизан.

2. Заранее заготовленных баз оружия и продовольствия в горах не было (за исключением небольших баз, заложенных А. С.

Егоровым по его собственной инициативе).

3. Скопление большого количества отрядов в районах бывшей линии обороны затрудняло маневренность партизан и облегчало противнику их блокаду.

Чтобы избежать разгрома, партизанам было необходимо срочно сосредоточить свои силы. Трудность решения этой задачи заключалась в том, что фашистские части располагались не только перед бывшей линией обороны освобожденного района, но и вышли в тыл партизанам. Кольцо окружения сжималось с каждым днем и становилось все более плотным.

В этой обстановке командир бригады тов. Егоров приказал своему заместителю по разведке, ныне Герою Советского Союза тов. В. И. Клокову вывести из района расположения бригады (Турчанский св. Мартин) в район Бановце сводный отряд численностью 800 чел. Соединиться в районе Бановце с бригадой имени Яна Жижки и при их содействии перейти в Моравию.

Учитывая, что основные силы противника сконцентрированы для прорыва обороны партизан и выхода им в тыл и хорошо зная обстановку в тылу фашистских войск, блокировавших освобожденный район, командир сводного отряда решил выходить из окружения через стабилизировавшийся фронт.

Выход из окружения был назначен на вечер 2 ноября 1944 года.

Партизанам предстояло пройти между гарнизонами противника и в течение ночи пересечь открытую долину р. Турец. Чтобы не сбиться с пути и не растерять личный состав, командир решил построить отряд в колонну по одному, так как узкие тропинки не позволяли идти по два и больше человек в ряд. Впереди колонны были поставлены проводники из числа проверенных разведчиков, хорошо знавших местность. Командиры шли впереди своих подразделений. С каждым из командиров также следовали разведчики, хорошо знавшие местность.

Командир отряда приказал командирам, в случае обнаружения и обстрела колонны противником и невозможности продолжать путь в одной цепочке, не отвечая на огонь самостоятельно выходить со своими подразделениями к сборному пункту, назначенному в горных лесах, на другой стороне долины. Команды передавать шепотом по цепочке.

Первый привал был назначен у речки, примерно через 1,5 часа движения, для разведки места переправы.

Холодная погода и накрапывающий временами дождь очень усложняли движение по узкой и неудобной тропе. Изредка сквозь облака проглядывала луна, освещая длинную цепочку шедших в

полном молчании людей. Однако она не особенно мешала, так как на фоне гор партизан было очень трудно заметить даже с близкого расстояния. Намеченного пункта привала партизаны достигли благополучно и остановились, не нарушая строй колонны.

Командир отряда ждал донесения от высланной им вперед разведки. Однако донесения не было, а неясная и сложная обстановка не позволила больше оставаться на месте и требовала немедленного принятия решения, обеспечивавшего до рассвета переход долины и выход в большой лес.

Вызвав к себе разведчиков и нескольких партизан из числа местных жителей, командир отряда расспросил их о других возможных местах переправы и маршрутах выхода в леса и решил переправиться через речку вброд в 8 км севернее места привала. Идти пришлось по целине между речкой и шоссе, всего метрах в 300 от последнего.

Населенные пункты обходили стороной, во избежание обнаружения не только противником, но и случайных встреч с местными жителями.

Уже при подходе колонны к новому месту переправы командиру по цепочке доложили, что почти половина колонны отстала. Посланные командиром отряда разведчики вернулись минут через тридцать, не найдя хвоста колонны. Приближался рассвет и командир решил начать переправу не дожидаясь подхода отставшей части колонны. В это время в нескольких километрах позади колонны началась пулеметная и минометная стрельба. Она, постепенно разгораясь приближалась, вдоль реки к району переправы. Времени терять было нельзя и партизаны взявшись за руки переходили реку не раздеваясь по пояс в ледяной воде.

Впереди неожиданно разведчики обнаружили выставленные гитлеровцами посты. Однако они имели приказание ни в коем случае не ввязываться в бой, если не удастся бесшумно снять пост. Они нашли удобный проход между постами и провели этим путем всю колонну, незамеченную противником.

Колонна прошла уже около трех километров, когда фашисты с этих постов присоединились к общей, то утихающей, то вновь разгоравшейся беспорядочной стрельбе по всей долине.

На сборном пункте, в лесу, когда колонна вышла вскоре после рассвета, командир отряда, опасаясь, что он стал известен противнику, приказал оставить замаскированный пост из числа наиболее проверенных и надежных партизан, а остальных отвел вглубь леса на 6–7 километров, чтобы накормить людей и дать им отдых.

Перед выступлением партизан на сборный пункт прибыли командир группы и с ним двое из разведчиков, посланных командиром в район намеченного перед выходом места переправы. Переправившись через речку, они чуть было не наткнулись на сильную засаду. Послав двух разведчиков обратно предупредить колонну, командир группы двинулся вдоль реки в поисках нового места переправы.

В одном месте они были замечены гитлеровцами, открывшими по ним стрельбу, которую слышали при переправе партизаны.

Оторвавшиеся от колонны перед переправой подразделения, подошли к сборному пункту только на 3-й день и вместе с ожидавшим их постом еще через сутки соединились с основными силами отряда, которые к этому времени уже находились в горах в 40–50 км от пункта сбора. Позднее, когда отряд собрался вместе, из докладов командиров подразделений, донесений разведки и показаний пленных стало ясно, какая опасность ожидала партизан, и каков был замысел гитлеровцев по разгрому отряда.

Немцам, от пробравшихся в отряд шпионов и предателей было известно о готовящемся переходе долины и месте переправы. Они посадили на противоположном берегу на большом протяжении крупные засады, а между ними выставили усиленные посты с целью прижать переправившийся отряд к реке и уничтожить всех партизан. Однако им вначале не было известно место пункта сбора.

Фашистам удалось узнать это позднее от захваченного в плен разведчика-словака, посланного командиром разведгруппы предупредить командира отряда о засаде гитлеровцев за переправой.

Установив место сбора, гитлеровцы организовали прочесывание леса. Они заставляли местных жителей, главным образом женщин, цепью идти по лесу и криком «пугать» партизан. «Храбрые» гитлеровские вояки шли группами позади женщин, угрожая им оружием.

Такие облавы и прочесывания леса, проводившиеся гитлеровцами в течение двух дней, ничего им не дали, но доставили много неприятных минут партизанам с поста, поджидавшим отставшие подразделения. Они не могли в течение этого времени ни развести костер, чтобы обсушиться, согреться, ни сварить пищу.

Оказалось, что разрыв колонны также был не случаен. Это было делом рук одного из предателей, засланных фашистами в отряд, который разорвал колонну и скрылся в темноте. Однако их

расчет провалился и здесь. Находившийся с отставшей частью колонны русский командир-десантник А. Тараканов немедленно принял на себя командование и быстро отвел колонну к лесу, но не на исходное положение, где как он и предполагал уже была засада, а севернее километров на 5.

Он разбил эту часть колонны на три группы по 90–100 человек и они на третьи сутки, каждая своим маршрутом, перешли долину и использовав в качестве проводников местных жителей, вышли к условленному месту сбора.

Опыт этого перехода многому научил партизан. Они поняли, что в их среду враг засылает врагов-шпионов. Партизаны усилили бдительность и многих из них разоблачили. И, зная это, партизаны в будущем придерживались следующих правил:

1. Всегда иметь готовый запас сухих продуктов для выхода в любой момент, чтобы приготовлениями к переходу не рассекретить момента изменения расположения отрядов.

2. О выходе объявлять за 2–3 часа, усиливая наблюдение за каждым человеком, с обязательным докладом командиров об исчезновениях (что частенько бывало и заставляло изменять маршруты и время выхода).

3. Полностью о маршруте и задачах должен знать только штаб; командиры подразделений могут знать только о части его за полчаса до выхода. В конце каждой части маршрута, в случае отрыва подразделений, оставляли связных из проверенных местных жителей с соблюдением пароля для данного поста-явки). Это позволяло очень часто резко менять направление движения, избегать стычек с противником на марше и сохранять связь с оторвавшимися подразделениями.

Глава 2. Освобождение военнопленных бойцов и командиров Красной Армии

14 февраля 1943 года командованию партизанского соединения М. И. Наумова стало известно, что 8 км западнее Великий Истороп (Сумская обл.) гитлеровцы конвоируют около 2000 пленных бойцов и командиров Красной Армии. Командование соединения приняло решение: внезапным налетом на конвой, сопровождающий военнопленных, уничтожить его и освободить военнопленных.

Для выполнения задачи была отобрана группа партизан-конников из отрядов «Смерть фашизму», «Червоный» и им. Хрущева под командованием комиссара соединения тов. Анисименко и политрука тов. Гришенко.

Гитлеровцы остановили военнопленных на отдых в с. Сумская Ворожба. В это время партизаны-конники ворвались в с. Сумская Ворожба, внезапным ударом уничтожили немецкий конвой и освободили военнопленных. Образцы мужества и отваги при этом проявили комсомольцы Приходько, Сухота, Немолод, Дроздова, Лысенко и другие. Партизаны уничтожили до 40 гитлеровцев и захватили их вооружение.

Из Сумской Ворожбы партизаны перевели военнопленных в Великий Истороп. Освобожденные бойцы и командиры, которые по состоянию здоровья могли носить оружие, вступили в отряды соединения, а бессильные и больные были направлены в Сумские леса.

Глава 3. Разрушение бельгийскими партизанами мостов через канал вблизи Монса

Под влиянием побед Советской Армии к началу 1944 года в Бельгии усилилась партизанская борьба против немецко-фашистских оккупантов. Бельгийские партизаны, базируясь в лесах, заброшенных шахтах, опираясь на активную помощь подполья, усиливали свою боевую деятельность. В некоторых Бельгийских партизанских отрядах были и советские граждане бежавшие из фашистских лагерей смерти. Так, в партизанском отряде «Свободная Бельгия» действовавшем юго-западнее Брюсселя было 14 советских граждан, которые в начале января 1944 года бежали в Бельгию с каторжных работ в Германии. Бельгийские рабочие, к которым обратились бежавшие, укрыли их в заброшенных шахтах, затем связали с партизанами. В партизанском отряде был поляк, хорошо знавший французский и русский языки. Он давал советским гражданам уроки французского языка. Дней через 12 в шахту, где скрывались 14 советских граждан, пришли 7 человек, одетые в немецкую форму. Видя испугавшихся беглецов, один из пришедших сказал на русском языке: «Не бойтесь! Здесь все свои». Затем он спросил, кто каким оружием владеет, и не был ли кто в советских партизанских отрядах? Никто до того не был. Пришедшие выдали всем по пистолету и по 2 штуки самодельных гранат, и пояснили как ими надо пользоваться. Затем группа вместе с пришедшими пошла в лес в расположение партизанского отряда. Советские граждане шли со спрятанным оружием, как бы под конвоем. По пути следования, при подходе к одному небольшому мостику группу остановил часовой. Один из партизан, одетый в форму противника, сказал, что ведут пойманных бандитов. Часовой дал свисток. На его вызов вышли еще трое полицейских, которые потребовали «пропуск», но его видимо некто не знал. Первыми нарушили переговоры бельгийские партизаны, которые вместе с русскими внезапно бросились в атаку не противника. Часовой и трое вышедших полицейских были уничтожены. Партизаны перебежали через мостик и скрылись в темноте раньше, чем успели открыть огонь полицейские, бывшие в караульном помещении.

Огонь полицейских встревожил гарнизон противника в ближайших населенных пунктах и над ними в воздухе появились белые ракеты. Однако, партизаны, видимо, уже привыкли к

нервозности оккупантов и предателей, осторожно передвигаясь, известными им дорогами и тропами, они вышли в расположение отряда, где советских людей радушно приняли.

Отряд располагался в небольших лесочках, часто меняя свои базы. Все материальные средства, за исключением тех, которые люди не могли нести с собой, партизаны прятали в секретных складах.

Через несколько дней группа советских партизан участвовала в налете на электростанцию и в ее разрушении.

Во второй половине марта в отряде начали подготовку к разрушению сильно охраняемого важного для противника железнодорожного моста через канал вблизи Монса.

Командование решило произвести внезапный налет на этот мост моторизованным отрядом, используя для этой цели имевшиеся в отряде трофейные автомобили, мотоциклы и собственные велосипеды партизан. Надо отметить, что возможности использования партизанами трофейного автотранспорта ограничивались не только мероприятиями противника на охране дорог, населенных пунктов, но горюче-смазочными материалами, поэтому партизаны при подготовке к операции в течение длительного времени накапливали ГСМ. Для захвата и разрушения моста были подготовлены: штурмовая группа в составе — 60 человек, подрывная группа в составе — 20 человек и группа боевого обеспечения в составе — 40 человек. Отряд находился по прямой в 20 км от моста, но с учетом объезда крупных населенных пунктов надо было проехать около 40 км в одну сторону. Путь пешим порядком превышал 30 км. Маршрут пролегал по густо населенной местности и крупному отряду было невозможно незаметно остановиться на дневку. Для доставки людей к объекту было решено использовать три грузовых автомашины, два легковых автомобиля, 8 мотоциклов, из них 3 с колясками, которые могли вместить до 85 человек, остальные 35 человек должны были следовать на велосипедах, буксируемых вне населенных пунктов автомашинами. Для удобства буксирования применялось жесткое спаривание велосипедов. В течение трех суток группы отрабатывали вопросы передвижения, выполнения каждой группой своих задач по захвату и разрушению моста, боевого обеспечения и взаимодействия.

В 21.00 26.3.44 сводный отряд выехал на выполнение задачи. Все люди на мотоциклах и велосипедах были одеты в форму противника. Колонна отряда, выехав на автомобильную дорогу остановилась и превратилась в засаду с целью захвата языка, так как не зная пропуска-пароля проезжать через контрольно-пропускные пункты, которые обычно были расположены в

населенных пунктах и на охраняемых мостах, было рискованно. Движение на дорогах, особенно в ночное время, было редким и партизанам пришлось простоять в засаде около 40 минут, пока они не увидели огни двух мотоциклов. Когда мотоциклисты поравнялись с колонной, их остановили и бесшумно обезоружели. В первый момент они даже не подозревали, что попали к партизанам и, когда у них спросили пароль, они быстро ответили и уже собирались ехать, но командир отряда сказал им, что пароль недействителен. Они стали доказывать его действительность и предъявили документы. Мотоциклистами оказались бельгийские фашисты, которые находились на службе гитлеровских оккупантов. Теперь партизаны располагали паролем, да еще двумя подлинными документами. Это избавило их от неприятностей на контрольно-пропускных пунктах. Но и при наличии пароля командир отряда предпочитал не заезжать в такие населенные пункты, где имелись сильные гарнизоны противника, а объезжать их.

Около 24.00 колонна партизан свернула в сторону с автомобильной дороги и вскоре остановилась под деревьями, растущими вдоль канала. Машины были развернуты так, чтобы можно было сразу выехать на шоссе. Дул пронизывающий северо-восточный ветер. Но партизаны не замечали холода, готовясь к нападению на мост. Вскоре партизаны увидели вдали шедший с большой скоростью поезд, но с едва заметными фарами. Движения по автомобильной дороге не было заметно.

Трудность захвата моста заключалась в том, что подходы к нему были прикрыты огневыми точками, расположенными за проволочными заграждениями, о чем партизанам было известно из разведывательных данных добытых подпольщиками.

Оставив машины с водителями и одним взводом обеспечения, остальной состав отряда направился к железной дороге. Путь на подходе к мосту охранялся слабо и партизаны никем не замеченные вышли к железной дороге примерно в 800 метрах от моста. Вскоре со стороны моста появились еле заметные огни поезда. Когда поезд шел мимо партизан, они, используя его как прикрытие, перешли через путь на противоположную от караульного помещения сторону и залегли вдоль пути, наблюдая за мостом. Командир отряда решил передвигаться вдоль пути, используя поезда. Следующий поезд был опять встречный и поэтому во время его движения, когда он мешал часовым просматривать путь, партизаны продвинулись весьма незначительно и опять залегли, готовясь использовать следующие попутный поезд. Около 2.30 показался попутный поезд. Когда он поравнялся с залегшими партизанами, они вскочили и побежали

вначале по берме, а затем по пути вслед за поездом к мосту. Однако часовой обнаружил партизан, он выстрелил в них, бросился к огневой точке, но был сражен партизанами. Второй часовой скрылся. Первый взвод штурмовой группы овладел мостом и одно отделение расположилось в пустых огневых точках, которые были приготовлены противником для обороны моста. Подрывники бросились устанавливать заряды и соединять их детонирующим шнуром. Два других взвода штурмовой группы осадили казарму, но захватить ее не смогли. Гранаты партизан отлетали от окон, которые были защищены металлическими сетками. Противник из окон и чердака вел огонь по нападавшим, а также по подрывникам. Под огнем противника партизаны-подрывники, несмотря на потери, все же установили принесенные заряды, воспламенили зажигательные трубки и отошли на противоположную сторону, где находился в засаде один из взводов штурмовой группы. Командир отряда отдал приказание отходить от минированного моста, продолжая обстрел казармы из пулеметов. Партизаны под прикрытием огня начали отход. В это время показался поезд, идущий из Брюсселя, который заметно начал сбавлять ход. Боевое охранение, находившееся на пути, воспламенило зажигательные трубки зарядов, установленных для подрыва рельсов и стало также отходить к машинам. Вдруг небо озарило яркой вспышкой. Партизаны увидели силуэт поврежденного моста и до них донесся звук взрыва и свист летевших осколков фермы, которые рухнули в канал. Поезд остановился в 1 км от моста и перед ним начались взрывы зарядов, установленных сбоку рельсов. Паровоз стал давать тревожные сигналы, над поездом вспыхивали зеленые и белые ракеты. Из поезда стреляли по невидимому противнику. Партизаны, унося раненых уже приближались к машинам. Когда основная часть подошла к машинам, на противоположном берегу уже находились остальные партизаны, которые снимали одежду и, не имея переправочных средств, готовились преодолевать канал вплавь. Переправа задержала партизан минут на пять. Однако взвод боевого обеспечения на велосипедах уже выехал на развилку дорог, чтобы обеспечить путь колонне. Раненых уложили в грузовые и легковые автомобили, промокшим товарищам дали сухую одежду, сняв ее с себя. Противник не преследовал партизан, а сильно обстреливал подходы к пути, где рвались заряды, которыми подрывались рельсы. Эта канонада и стрельба глушила шум моторов, партизаны благополучно выехали на автомобильную дорогу и, опасаясь засад, направились на базу другим маршрутом и без особых происшествий прибыли туда. Задание было выполнено — ферма моста была разрушена и

движение по железной дороге прервано, но партизаны понесли тяжелые потери: 16 человек пали в бою с врагом на поле боя, 7 человек умерли от ран во время перевозки и 3 человека умерло от ран в отряде, 17 человек длительное время лечились в партизанском подполье.

Разрушение моста вызвало новый подъем активности партизан и подполья, заставило противника задействовать еще больше сил на охрану путей сообщения и искусственных сооружений.

Значительные потери партизан объясняются наличием в окнах казармы сеток против гранат, что партизанам не было известно. Прочные металлические сетки спасли гарнизон противника от уничтожения его гранатами, которые не только не наносили урона противнику, но, отскакивая от окон, наоборот, наносили урон самим партизанам. Следует отметить, что, несмотря на длительную подготовку, не были отработаны вопросы возвращения групп, перешедших на противоположный берег. Планом предусматривалось уничтожение гарнизона противника и возвращения минеров через мост до его разрушения, но сохранившийся гарнизон противника огнем заставил партизан отказаться от возвращения по мосту.

В данных условиях было бы целесообразно для уничтожения засевшего в казарме противника использовать кумулятивные заряды, для ослепления его, дымовые шашки.

Примерно через полмесяца после разрушения моста противник силами свыше двух пехотных полков окружил лес, в котором находилось до 900 партизан, и стал его прочесывать. Партизаны отходили, неся потери. Командование партизан до создания противником плотного кольца окружения успело послать связных к соседним отрядам. После двух дней упорной борьбы, когда у партизан уже кончались патроны, на помощь им прибыли два других отряда, которые, используя форму и пароль противника, ночью внезапно напали на него с тыла. Неожиданное нападение партизан было ошеломительным для подразделений противника и они поспешили выйти из лесов.

Отступление противника произошло во второй половине ночи. В рядах вражеских подразделений возникла паника. Партизаны нашли на поле боя 42 убитых ими солдата противника, 26 человек захватили в плен. При этом были захвачены богатые трофеи: 12 автомобилей, 7 мотоциклов, 27 лошадей, 30 пулеметов, свыше 100 автоматов и винтовок и около 120 000 патронов. В этом бою участвовали и советские граждане, вступившие в партизанский отряд в январе 1944 года.

Решающую роль в разгроме карательных подразделений

сыграли: мужество партизан, взаимная выручка соседних отрядов, которые прибыли к месту боя на мотоциклах и велосипедах и внезапно атаковали противника с тыла.

Надо отметить умелое использование бельгийскими партизанами формы и паролей противника.

Успех боевых действий бельгийских и других партизан стран Западной Европы в значительной мере объясняется тем, что наиболее боеспособные войска противника были отвлечены Советской Армией на Восточном фронте.

Глава 4. Обоз и штабные документы

Это была часть 454 пехотной дивизии Днем 19 января 1944 соединение пересекло железную дорогу Ровно-Львов через станцию Мирогоща. Охрана станции не принимая боя разбежалась. Когда хвост колонны переходил через пути к станции подошли несколько немецких танков, в воздухе появились самолеты, но было поздно — колонна уже благополучно вошла в холмистые небольшие леса в районе Кременца.

Позже соединение вело сильные и непрерывные бои с националистами и немецкими войсками в районе Кунева, Острога, Верхобужа, Залосья и Злочева. В этих районах соединение непрерывно подвергалось нападению противника с воздуха и на земле.

К апрелю 1944 года соединение вышло в предгорье Карпат район Косув-Микуличин с задачей пройти по Карпатам в район Борислава-Дрогобыч.

До того, — пишет Шукаев (автор записок), — ни я, ни мои товарищи — никто из нас не был в Карпатах и, разумеется, представляли себе серые неприветливые горы, а не такими, какими мы их увидели. В особенности на первых привалах Карпаты показались нам суровыми с беспрерывно плывущими лохматыми облаками, когда наше соединение находилось на горе Хорда, в районе Микуличина.

После нескольких дней пребывания в Карпатах, — говорит дальше Шукаев, — у нас совершенно иссякли продукты. Обоз, которым располагало соединение, был оставлен на равнине для соединения с частями Красной Армии. Взятые нами около 200 лошадей под вьюки, от голода подохли, на ходу срывались с гор и летели вниз вместе с вьюками. Села, находившиеся вблизи нас, все были обведены противником.

От голода среди морально неустойчивых партизан и даже среди некоторых командиров невысокого ранга все больше и больше росло недовольство. Некоторые вслух говорили: «Куда нас завели?». И в самом деле обстановка была очень тяжелая. Кругом лежал снег глубиной в 50–70 сантиметров. Началось дезертирство. Страх перед голодом и отсутствие перспектив по улучшению создавшейся обстановки на ближайшее время с каждым днем все более и более охватывала все соединение. Я, — пишет Шукаев, — подолгу сидел над картой и искал решение, которое сохранило бы основные силы соединения и достигло бы цели, поставленной ЦК КП(б)У и генералом Строкачем — о

выводе соединения в районе Борислава-Дрогобыч. 10 мая людьми были съедены почти все взятые с нами лошади.

Партизаны подолгу смотрели в ту сторону, где была видна равнина. В этот день, — продолжает Шукаев, — между мною и моим заместителем майором Гладилиным произошел следующий разговор: «Как ты думаешь, — спросил я у Гладилина, — пройдем мы через Карпаты или нет?» Майор с минуту помолчал, затем, тяжело вздохнув, привстал и решительно сказал: «Конечно надо пройти». Как пройти и где пройти, Гладилин не сказал. За что я готов был его расцеловать. Теперь мне было ясно, что у меня есть единомышленники, хотя и подавляющее большинство партизан молчали.

К вечеру этого же числа я приказал выстроить весь личный состав соединения и перед строем (причем, голодным строем) я выступил с большой речью.

Я говорил много, призывая людей не падать духом, помнить о Родине. Последние слова моей речи перешли в простую команду «Товарищи, я иду дальше по Карпатам, — говорил я, — кто может идти со мною — остается на месте, кто не может идти — выйти из строя!»

Опираясь на палку, с подвязанной рукой, еще не зажившей от ранения в схватках с немцами под Крутой, я обошел строй и внимательно смотрел на людей и все стояли молча с суровыми и даже какими-то напряженными лицами.

Всех партизан, которые вышли из строя, я повернул лицом к тем, которые остались на месте, и произнес еще небольшую речь. «Те, которые согласны идти по Карпатам выполнять приказ партии и Родины — есть истинные партизаны — говорил я — это люди, которые умеют переносить всякие временные лишения: голод и холод.

Тех, кто вышел из строя, я назвал людьми случайно попавшими в партизаны, трусами.

После моей второй речи многие партизаны, которые не хотели идти дальше по Карпатам, перебегали к тем, кто был согласен идти дальше.

Людей, которые окончательно отказались идти дальше по Карпатам, я подверг каждого личному осмотру. В результате такого осмотра многих партизан я возвратил в строй, который должен был идти со мною.

Действительно малосильных и слабых, больных и окончательно отощавших от голода, я отчислил на соединение с частями Красной Армии, для чего назначил хороший командный состав, способный вывести людей на соединение с ней.

В исключительно тяжелых условиях горной местности, при

полном отсутствии хлеба, питались отбитыми у противника в засаде на шоссейных дорогах лошадьми.

Невдалеке от Микуличина нам удалось отбить у противника несколько тонн картофеля, этот картофель был разделен среди партизан равными частями независимо от ранга. После дележки люди немедленно уничтожили полученный картофель: кто варил, а кто просто сырым ел.

Марш наш по Карпатам был медленным. Иногда в день соединение проходило всего 4–5 км. Все тропы и горные дороги были занесены снегом. Те, кто шел впереди, прокладывая путь всем, менялись через каждые 20–30 минут, некоторые не выносили даже этих 20 минут и падали. Колонна шла только по одному с длинными палками в руках, которыми облегчали устойчивость особенно малосильным. Им случалось часто скатываться с горы и разбивать голову, лицо и руки.

От лошадей, которых мы взяли с собою в Карпаты к концу марша осталось всего две.

Только 23 мая т. е. через месяц соединение достигло района Бориславь-Дрогобыч и раскинуло свой лагерь на горе Черная Гура. Всего за месяц соединением прошло по Карпатам 250 километров. После небольшого отдыха соединение приступило к активным боевым действиям, одновременно принимая на свою базу десанты партизанских организованных групп.

Следует заметить, что партизан в то время, когда мы пришли в район Борислава, совершенно не было. Зато много было банд националистов, с которыми нам приходилось вести бои.

За два месяца дислокации соединения в районе Борислава партизанами взорвано 8 разных заводов, сожжено 104 нефтяных вышки, сожжено около 10 000 тонн горючего, спущено под откос 40 воинских эшелонов, при этом разбито около 600 вагонов и 31 паровоз. Взорвано 18 мостов, разбито много мелких гарнизонов противника.

Соединение за этот период трижды подвергалось полному окружению и всякий раз с малыми потерями или вовсе без потерь выходило из окружения, нанося врагу большой урон в живой силе и технике.

В августе этого же года соединение вышло на территорию Польши в район Санок-Турка, а позже на территорию Венгрии. 26 августа пересекло Чехословацкую границу у Медзилабо и вышло в район Стропков.

По всей границе Чехословакии с Польшей стояли войска, личный состав которых состоял из словаков под командованием немецких генералов и офицеров.

После некоторых переговоров со словацкими офицерами на

нашу сторону перешли с полным вооружением две роты солдат под командованием Владислава Ковача и поручика Берского.

Позже на нашу сторону перешло много словацких частей, численный состав которых был около 4000 человек. Эта большая группа перешла на нашу сторону под командованием подполковника Яна Стрелки и капитана Кельчика.

Все прилегающие к Стропкову и Гуменне села были заняты партизанами, контролировались все важные дороги как железные, так и шоссейные.

Из перешедших на нашу сторону солдат и офицеров Словацкой Армии я сформировал 12 партизанских бригад, которые входили в состав соединения партизанских отрядов им. Сталина. Численный состав соединения в Словакии достигал 6000 человек. Сформированными словацкими партизанскими бригадами командовали словацкие офицеры и советские комиссары под общим командованием штаба соединения им. Сталина.

Особенно следует отметить активное участие в руководстве партизанским движением в Словакии Генерального секретаря Компартии Чехословакии, который через свои партийные организации расширял партизанское движение на всей территории Чехословакии, оказывал систематическую и повседневную помощь партизанам вплоть до финансирования.

Совместная борьба против общего врага Чехословакии и советских партизан продолжалась в течение шести месяцев, за эти полгода многие из русских овладели словацким языком, отношение к нашим партизанам было исключительно хорошее. Очень многие жители Чехии и Словакии были нашими резидентами и сообщали ценные данные о противнике.

За время пребывания соединения на территории Словакии ему приходилось побывать в низких и высоких Татрах.

С наступлением зимы многие словацкие солдаты с трудом выносили лишения и испытания.

На территории Словакии соединением разгромлены многие гарнизоны противника, спущен под откос 31 воинский эшелон, взорвано 24 моста, в том числе мост на железной дороге Тисовец-Брезно, который не был в эксплуатации около месяца, уничтожено на аэродроме 23 самолета, взорван чугунолитейный завод в Тисовце, произведено много других боевых действий.

26 февраля 1945 года в районе Спишска Ново-Вес Чехословакии соединение партизанских отрядов вышло из тыла противника и соединилось с частями Красной Армии.

Таким образом, за время пребывания в тылу врага т. е. с 18 июля 1943 по 26 февраля 1945 года в журнал боевых действий

соединения партизанских отрядов им. Сталина, занесено следующее:

1. Спущено под откос 206 воинских эшелонов
2. Подбито и уничтожено автомашин разных 500 шт.
3. Мотоциклов 47 шт.
4. Самолетов 24 шт.
5. Взорвано заводов 9 шт.
6. Сожжено нефтевышек 104 шт.
7. Взорвано разных мостов 84 шт.
8. Сожжено горючего 10 000 т.
9. Подбито танков и транспортеров 6 шт.
10. Всего проведено диверсий 803
11. Проведено нападений на гарнизоны 58
12. Послано радиограмм на большую землю с разведданными и др. доп. 1500 шт.

В соединении насчитывалось 22 национальности (партизан) включая французов, поляков, венгров, испанцев, и др. и все в нем боролись за единое дело — уничтожение фашизма.

Дополнительно о роли руководителей: по своему опыту боевых действий в тылу врага могу назвать как хорошего организатора генерала Т. А. Строкача, который, понимая, что такое партизанское движение, отдавал ему все силы. Но такой руководитель как генерал Андреев, занимая во второй половине 1944 года должность начальника штаба, допустил ряд ошибок, следствием чего и стала недостаточная диверсионная деятельность наших партизан в Чехословакии».

Подполковник Шукаев.

25 марта 1948 года.

Глава 5. Использование партизанами захваченных у противника средств связи

Партизанское соединение, которым командовал Герой Советского Союза генерал-майор М. И. Наумов, неоднократно совершало рейды и стремительные переходы по тылам противника. При этом партизаны умело меняли направление движения и применяли другие меры маскировки и введения противника в заблуждение. В результате противник обычно узнавал о пребывании партизан в том или ином пункте только во второй половине дня, а иногда и после их ухода оттуда.

При внезапных налетах на гарнизоны и различные объекты противника в руки партизан нередко попадали исправные средства телефонной и радиосвязи, которые они умело использовали для получения разведывательных данных, введения противника в заблуждение и разгрома его подразделений и частей.

Так, например, 8 марта 1943 года соединение, насчитывавшее к этому времени около 700 партизан, совершило стремительный ночной марш и 9-го внезапным налетом с хода захватило село Крымки. Гарнизон, состоявший из небольшого отряда полиции, партизаны перебили, захватив в плен нескольких полицейских.

Одиночные выстрелы не привлекли внимания гарнизонов противника, расположенных в соседних селах, так как одиночная стрельба была обычным явлением в тылу противника: солдаты противника и полицейские нередко поднимали стрельбу спьяна, ради бахвальства, а зачастую и для острастки местного населения и партизан.

Благодаря инициативным и решительным действиям партизаны захватили здание полиции настолько быстро, что противник не успел сообщить по телефону в соседние гарнизоны о нападении. Телефон оказался в исправности и командир решил использовать его для введения противника в заблуждение и разгрома его подразделений нападением из засад.

Для ведения переговоров с противником партизанам нужен был полицейский, которого бы знали в соседних гарнизонах. Начальник полицейского отряда и его помощник были убиты при захвате села. Однако среди пленных оказался полицейский, часто дежуривший у телефона. Его знали и по фамилии и по голосу многие из комендантов и дежурные соседних гарнизонов, в том числе гарнизона села Александровка, где находилась районная комендатура и располагался большой гарнизон противника.

Под угрозой расстрела полицейский быстро согласился вести разговоры по телефону в интересах партизан. Его проинструктировали как отвечать на звонки и, кроме того, для контроля за ним и за разговором к телефонному аппарату присоединили вторую трубку. Командир соединения приказал выставить у всех выходов из села небольшие заставы, а на скрытые подступы выслать секреты, из села никого не выпускать и всех входящих в село также задерживать и направлять их к начальнику разведки соединения.

Партизанское соединение расположилось в селе отрядами. В целях маскировки лошадей поставили в сараи, конюшни и под навесы. Ненужное хождение по селу запретили, а патрули сидели на завалинках и на скамейках у хат. Со стороны нельзя было предположить, что в селе находится целое партизанское соединение.

В течение ночи противник вел себя спокойно — вызовов по телефону не было. Партизаны же с помощью полицейского позвонили в три соседних гарнизона, мимо которых проходило соединение перед налетом на Крымки, и справились, не появлялись ли там партизаны. Противник ничего не знал о прошедшем мимо него соединении. Это обстоятельство весьма благоприятствовало партизанам в осуществлении их замысла.

Часов в 11 утра в Крымки позвонил комендант из Александровки и потребовал к телефону командира полицейского отряда. Полицейский по указанию командира партизанского соединения доложил коменданту, что в селе спокойно, а командир полицейского отряда выехал с группой полицейских в соседнее село, где, якобы, появилось несколько подозрительных лиц. Комендант похвалил инициативу начальника полиции и приказал передать ему по возвращении — подготовить помещения для расквартирования в Крымках к 17.00 роты охранного батальона. Полицейским по прибытии роты в Крымки поступить в подчинение ее командира, который назначается начальником гарнизона Крымков. Кроме того комендант передал, что по имеющимся у него сведениям в направлении села Крымки прошел партизанский отряд. Он приказал усилить бдительность и при появлении партизан немедленно доложить по телефону. Этот разговор был очень кстати, так как избавлял партизан от необходимости звонить самим в Александровку с целью «выманить» оттуда противника.

Командир партизанского соединения поручил разгром прибывающих в Крымки фашистов отрядам имени Н. С. Хрущева и «Червоный», по его указанию на северной и северо-западной окраине села, откуда мог подойти из Александровки противник, к

16 устроили засаду. Вскоре на дороге, ведущей к северной окраине, где находились в засаде партизаны, показался обоз около 20 подвод. Впереди на хорошей бричке, запряженной парой сытых коней, ехали предатели, на подводах сидело около 80 гитлеровцев. Считая, что в селе полицейские, они ехали спокойно, хотя соблюдали меры охранения, выслав вперед полицейских из числа местных предателей.

Хорошо замаскированные партизаны пропустили бричку с полицейскими. Когда обоз гитлеровцев поравнялся с засадой, он попал под внезапный огонь. После огневого нападения партизаны атаковали противника. Гитлеровцы в растерянности заметались и не смогли оказать сколько-нибудь организованного сопротивления и вся рота фашистов была уничтожена.

Партизаны подобрали оружие, взяли документы убитых, захватили боеприпасы, продовольствие и обмундирование.

Так, благодаря умелому использованию захваченных у противника средств связи, партизаны разгромили целое подразделение без потерь со своей стороны (если не считать троих легко раненых) и при этом преждевременно не обнаружили себя.

* * *

Через несколько дней отряд им. Кирова этого соединения ночью занял поселок имени Котовского.

В доме старосты находился исправный телефон. Командир отряда Шебетун решил подслушать телефонные разговоры, чтобы получить новые разведывательные данные о противнике и о положении в районе. В течение ночи противник почти не вел разговоров, и подслушивание ничего ценного не дало, кроме немногих разговоров, из которых стало ясно, что противник не знал еще о занятии партизанским отрядом поселка им. Котовского.

Командир отряда сразу оценил это и решил использовать наличие связи для захвата языков. Он распорядился привести к нему арестованного старосту и приказал ему: позвонить в село Мирополье, попросить к телефону гебитс-комиссара, доложить, что собранный у крестьян в амбарах хлеб начал портиться и попросить выслать представителя для проверки. Староста выполнил приказ и гебитс-комиссар обещал, что представители скоро прибудут.

К этому времени партизаны уже погрузили часть хлеба на подводы, а остальной раздали населению.

Не прошло и часа, как в поселок прикатили на двух бричках сам гебитс-комиссар с двумя своими помощниками, переводчиком и охраной, состоявшей из четырех полицейских.

Партизанские патрули на окраине поселка беспрепятственно пропустили ничего не подозревавших фашистов к амбарам в центре села, где их без единого выстрела захватила засада, выставленная командиром отряда.

В руках партизан, благодаря инициативе и умелому использованию связи оказались ценные «языки», представлявшие собой всю администрацию района.

Заключение. Подвиг народа

В предыдущих главах книги нам пришлось говорить преимущественно об упущенных возможностях в партизанско-диверсионной войне в тылу вермахта. Увы, все это было: и интриги в руководстве партизанской борьбой, и зигзаги, и недооценки. То, что нам, спустя более чем полувека, приходится обо всем этом говорить, — это наша беда. Реальная история была так перекроена сталинскими «летописцами», что и до сих пор, в общественном сознании, да и в историографии, сохраняется некий мифологический образ Великой Отечественной войны. Пролить свет на реальные факты и события тех лет — дело, вне всякого сомнения, благородное и необходимое. Однако, восстановление исторической правды — дело постепенное и не терпящее спешки. Следует отдавать себе отчет в том, что при таком огромном количестве лжи, — которую мы видим в сталинской фальсифицированной истории нашей Родины, когда временами совершенно непонятно, где правда, а где — нет, работа по восстановлению реальных исторических событий должна быть крайне осторожной. Ведь с водой можно выплеснуть и ребенка. К сожалению, вечный радикализм нашего общества и здесь сыграл свою отрицательную роль. С развалом страны на читателя хлынул мутный поток разоблачений (зачастую бывших фальсификациями почище сталинских); ни о каком бережном отношении к истории не приходилось и говорить. И самая отрицательная роль, которую сыграли эти «разоблачения сталинских преступлений» заключается в полном забвении великой исторической роли советского народа (под которым мы понимаем все народы, проживавшие на территории Советского Союза), благодаря которому стала возможной победа в схватке с фашистской Германией.

После всего того, что я рассказал об руководстве партизанской войной и об отношении руководителей сталинской выучки к нашим партизанам-диверсантам, нельзя не испытывать моральную необходимость рассказать и о великом подвиге народа в борьбе в тылу противника, на нашем «втором фронте», способствовавшем, наравне с усилиями союзников, достижению победы над фашизмом.

Основной урон противнику в партизанской войне нанесли специально подготовленные формирования, пользовавшиеся диверсионной техникой. Но необходимо отметить, что эти формирования выполняли поставленные перед ними задачи в какой-то мере и благодаря всенародной помощи и поддержке.

Советские люди, оказавшиеся на оккупированной территорий, непосредственно помогающие партизанам, рисковали гораздо больше их. Партизаны ударили, нанесли урон противнику — и ушли, а эти люди оставались и, зачастую, попадали под ответный удар карательных фашистских отрядов.

Местные жители зачастую снабжали партизан продовольствием, предоставляя им кров и убежище, а в первый год войны даже добывали для партизан оружие на полях сражений, т. е., по существу, делали то же самое для партизан, что и войсковые снабженцы для солдат Красной Армии. Немцы таких людей вполне обоснованно считали такими же партизанами, как и тех, кто непосредственно вел боевые действия — и поступали с ними, соответственно. Сталин же так, по-видимому, не считал — ведь после войны только единицы таких советских патриотов, помогавших партизанам, рискуя своей жизнью, получили медаль партизана. Едва ли это можно считать справедливым. Впрочем, как я уже говорил, после войны в отношении партизан вообще было немного справедливости.

Партизанская борьба в Великой Отечественной войне в 1943 году достигла всенародного размаха. В ней участвовали не только те, кто оказался на оккупированной территории, но и добровольцы с неоккупированных территорий: ленинградцы, москвичи, сибиряки и уральцы. Среди них хочется отметить таких, как Григорий Матвеевич Линьков, Овидий Александрович Горчаков, Нина Васильевна Молий, Василий Антонович Братусь, которые встали на путь партизанской борьбы, хотя их родные места никогда не занимались противником. Но главной особенностью этой партизанской войны было то, что в ней участвовали не только советские люди; наряду с ними в ней принимали активное участие и иностранцы.

В первую очередь это были испанцы, которые вступили в борьбу с фашизмом еще в 1936 году, во время фашистского мятежа в Испании, и которым после падения республики удалось попасть в Советский Союз. С первых дней Великой Отечественной войны они добивались разрешения воевать с врагом в советских вооруженных силах, в первую очередь — в тылу оккупантов. Надо отметить, что испанцы, жители страны с теплых климатом, успешно участвовали в январе-феврале 1942 года в ледовых походах через Таганрогский залив в тыл противника, действовали на Украине, Брянщине, в Тверской и Смоленской областях, на Северном Кавказе.

Хочется отметить, что их участие в войне до сих пор практически не находило отражения в нашей печати. (Можно вспомнить только книгу Серно Роке «Испанцы в России в 1941–

1945 годах»).[150] Между тем одна из главных заслуг испанцев в этой войне — то, что они щедро делились своим боевым опытом с нашими партизанами. Мне хочется отметить мужество и отвагу Хосе Веско, Пасо Сандовал Анхела, Рамоса дель Оско, Хуана Рамиреса, Хуана Браво, Рафаэля Эстрелло и многих других, которые помогли подготовить соответствующие кадры на Украине, в Белоруссии и в России и сами активно участвовали в партизанских действиях.

На стороне партизан сражались перешедшие на их сторону словацкие части, которые пронемецкое словацкое правительство направляло на Восточный фронт. Потом эти партизаны-словаки вместе с нашими партизанами участвовали в Словацком национальном восстании. Переходили к партизанам венгры и даже кое-кто из немцев.

Множество людей успешно вели партизанскую войну в тылу противника. Труден был путь многих из них в партизаны. Некоторые, для того чтобы выжить, вначале поступали в полицейские формирования и другие предательские организации, а потом — переходили на сторону партизан. В этом отношении весьма показателен пример Гиль-Родионова. 16 августа 1943 года к партизанам перешла так называемая «Русская национальная народная армия» под командованием Владимира Владимировича Гиль-Родионова, сформированная немцами из военнопленных. Это формирование получило название Антифашистской партизанской бригады и успешно действовало вплоть до 1944 года, когда соединилась с частями Красной Армии. Комиссару бригады И. М. Тимчуку в январе 1944 года было даже присвоено звание Героя Советского Союза.[151]

Здесь мы сталкиваемся с достаточно важным вопросом, который, как мне известно, беспокоит многих. Его можно сформулировать следующим образом: если действия партизан часто приводили к истреблению гитлеровцами мирного населения, то насколько была оправдана их необходимость? Было бы глупо обойти этот вопрос, делая вид, что его не существует. Попробуем найти ответ.

Истребительная часть войны планировалась заранее. Об этом убедительно свидетельствуют многочисленные документы предвоенного периода. Так, 30 марта 1941 года на совещании высшего генералитета Вермахта Гитлер заявил, что в войне против СССР борьба будет вестись «на уничтожение», что это будет истребительная война в полном смысле этого слова. Такие документы, как «Генеральный план «Ост», «Инструкция об особых областях к директиве № 21», датированная 13 марта 1941 года, «О военной подсудности в районе «Барбаросса» и особых

полномочиях войск» от 13 мая 1941 года, «Двенадцать заповедей поведения немцев на Востоке и их обращении с русскими» от 1 июня 1941 года и ряд других, возводили зверства по отношению к мирному населению в ранг государственной политики».[152]

Я привел эту достаточно пространную цитату только для того, чтобы напомнить многим подзабывшим, что собирались делать гитлеровцы на захваченных территориях. Сейчас этот вопрос как-то обходят вниманием, сосредотачиваясь преимущественно на сталинских преступлениях. А это, в свою очередь, ведет к появлению в нашей стране неонацистских и откровенно фашистских группировок и организаций. «Что нам Гитлер, — говорят их идеологи, — когда Сталин репрессировал гораздо больше народу. И ничего, государство было сильным». Э, нет, дорогие мои. Во-первых, сталинские преступления непосредственно привели к сегодняшнему удручающему положению в стране; можно сказать, что сейчас взрываются мины замедленного действия, установленные Сталиным. Во-вторых, если посмотреть, сколько лет был у власти Сталин, и сколько — Гитлер, подсчитать их жертвы и провести простенькое арифметическое действие — поделить количество репрессированных на время, то мы увидим, что при Сталине не было и не могло быть такой вакханалии уничтожения людей, какая творилась в гитлеровской Германии и на оккупированных ею территориях. Сталин, разумеется, не был кротким ягненком, но до Гитлера он все-таки не дотягивает.

Истребление и угон на каторгу мирного населения гитлеровцами начался бы вне зависимости от действий партизан. Напротив, достаточно часто именно партизаны спасали советских людей от фашистских вояк. Другое дело, что иногда действия партизан действительно влекли за собой репрессий против населения. Однако такая реакция фашистов была характерна прежде всего для одиночных террористических актов против видных представителей оккупационной администрации. Это, вне всякого сомнения, было недопустимо. Только при проведении одновременных оптимально спланированных крупных партизанских операций противник терял всякую возможность вымещать свой гнев на беззащитном населении, поскольку был вынужден переходить к обороне.

И хотя партизанская война действительно способствовала большим потерям мирного населения, но эти жертвы, были оправданы спасением от уничтожения миллионов людей.

Здесь следует отметить и то, что подготовка квалифицированных кадров партизан-диверсантов была бы попросту невозможна без наличия большого числа добровольцев,

желавших бить врага в его же тылу.

Без широкой самоотверженной всенародной поддержки партизанская война едва ли могла бы сыграть такую роль в достижении Великой Победы, какую она сыграла. В этом, как в зеркале, отразился один из главных исторических выводов, сделанных минувшей мировой войной: побеждают в войнах не правительства или государственные устройства, как вдалбливалось нам идеологией, — побеждают народы, отстаивающие собственную независимость.

К сожалению, сейчас часто забывают о совершенном нашим народом великом подвиге, стоившем больших усилий и жертв, и в этом заключается наша национальная трагедия. Помнить об этом — наш долг перед самими собой и я искренне надеюсь, что эта книга поможет хотя бы некоторым вспомнить об этом, как и о том, что победа не была предопределена заранее.

Ведь без памяти о прошлом нет и будущего.

Список литературы

1. Абов А. О партизанском движении в Сибири. Новосибирск, 1932. 44 С.

2. **Автомонов П. Ф.** Ледовый десант. Киев, 1971.

3. **Аксенов Ю.** За чертой страха. Стальные дороги победы. М., 1985.

4. **Андреев В. А.** Народная война. Записки партизана-офицера в Великую Отечественную войну. М., 1 949 264 С. (5 переизданий).

5. **Андреев П. Г** . Народная война в Смоленской губернии в 1812 году. Смоленск, 1940. 19 С.

6. **Антонов-Овсеенко В. А.** Строительство Красной армии в революции. М., 1923. 59, 2 С.

7. **«Антоновщина».** Статьи, воспоминания и др. материалы к истории эсеро-бандитизма в Тамбовской губернии/Под ред. С. В. Евгенова и О. С. Литовского. Тамбов, 1 924 143, 3 С, 4л. портр.

8. **Анчел М.** Испанские партизаны во Франции 1940–1945 гг. Гавана, 1971.

9. **Аралов С. И.** Ленин вел нас к победе. 2-е изд. М., 1989.

10. **Арамилев И.** Мстители. Молотов, 1942. 39 С.

11. **Аратюнянц С. А** . По ту сторону фронта. Записки партизана. Ереван, 1 957 232 С.

12. **Артозеев Г.** Партизанская быль. М., 1954.

13. **Бабахан.** Крымское подполье (1919–1920). Ялта, 1921. 62 С.

14. **Баранов А. В.** Гражданская война на Урале. Пособие для лекторов. Свердловск, 1928. 38, 2 С.

15. **Беренштейн.** Зона бури. Киев, 1976.

16. **Бармин А.** Как наши партизаны расправляются с врагами Отчизны. Л., 1941. 45 С.

17. Бессмертие юных. Сборник статей. М., 1 960 384 С.

18. Большевики Брянщины организаторы и руководители партизанского движения. Брянск, 1951.

19. Борьба за власть Советов в Иркутской губернии (1918–1920). Партизанское движение в Приангарье. Иркутск, 1 959 276 С.

20. Борьба партизан в тылу у фашистских захватчиков. Красноярск, 1941. 36 С.

21. Борьба партизан против фашистских поработителей. Элиста, 1941. 28 С.

22. **Бочарникова В. И.** Партизанское движение в Омской области в годы гражданской войны и иностранной военной

интервенции. Омск, 1960.

23. **Бринский А. П.** По ту сторону фронта. Воспоминания партизана. Горький, 1 959 512 С.

24. **Брянцев Г. М** . По ту сторону фронта. Ташкент, 1 949 288 С.

25. **Булгаковский Д. Г.** Наши ополченцы и партизаны в Отечественную войну. СПб., 1912.

26. **Буревой К. С.** Колчаковщина. М., 1919. 4 °С.

27. **Буторин А**. М. Зиминское восстание. Исторический очерк. Барнаул, 1960. 43 С.

28. **Бычков Л. Н.** Крестьянское партизанское движение в Отечественной войне 1812 года. М., 1 954 104 С.

29. В боях за Харьковщину. Харьков, 1968.

30. В тылу врага. Ворошиловск, 1941. 27 С.

31. В тылу врага. Ростов на Дону, 1941. 39 С.

32. В тылу врага. М., 1 943 222 С.

33. **Валентэй Иг. А.** Тайны воздушной войны. Рассказы о приключениях летчиков при высадке шпионов в тылу неприятеля/Пер. с франц. М., 1 924 111 С.: илл.

34. **Ваупшасов С. А.** На тревожных перекрестках. 3-е изд. М., 1988.

35. **Вершигора П. П.** Военное творчество народных масс. М., 1961.

36. **Вершигора П. П.** Люди с чистой совестью. М., 1 946 422 С.

37. **Вершигора П. П.** Рейд на Сан и Вислу. М., 1960.

38. **Вершигора П. П., Зеболов В.** Партизанские рейды. Кишинев, 1962.

39. **Витолин А. М** . Румыния. М.: Развед. отд. Штаба РККА., 1923. 3, 195 С., 7 л. карт.

40. Военные сообщения за 50 лет. М., 1967.

41. **Вознесенский Н.** Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948.

42. Война в тылу врага. М., 1974.

43. Война. Народ. Победа. М., 1976.

44. **Волин Б. М.** Всенародная партизанская война. М., 1942.

45. **Волончук Ф. Ф.** По тылам врага. М., 1961.

46. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. В 3-х томах. Минск, 1983.

47. Всенародная партизанская война в тылу врага: Сборник. М., 1941. 77 С.

48. Вторая мировая война 1939–1945. М., 1958.

49. Герои партизанской борьбы на Украине. Киев, 1957. Т. 1.

(На укр. яз.).

50. Герои партизанской войны. Сборник. Сталинград, 1941. 22 С.

51. Героическая борьба советских партизан. Казань, 1941. Вып. 1. 44 С.

52. **Глуховский С. Д.** За Отчизну! (Очерки о партизанах-осавиахимовцах). М., 1947. 79 С.

53. **Голицын Н. С.** О партизанских действиях в больших размерах, приведенных в правильную систему и примененных к действиям армий вообще и наших русских в особенности. М., 1858.

54. **Голубев А. В.** М. В. Фрунзе о характере будущей войны. М., 1 931 126, 2 С.

55. **Голубых М.** Уральские партизаны. Поход отряда Блюхера-Каширина в 1918 году. Екатеринбург, 1 924 104, 2 С.

56. **Горчаков О., Пшимановский Я.** Вызываем огонь на себя. М., 1960.

57. **Гофман Ц.** Партизанское движение в тылу у Колчака. 1918–1919. М., 1942. 32 С.

58. **Гохберг И.** Советские партизаны Великой Отечественной войны. М., 1941. 3 °С.

59. Грозные мстители: Очерки о героической борьбе в тылу фашистских захватчиков. Чкалов, 1941. 78 С.

60. **Гудериан Г.** Воспоминания солдата. М., 1954.

61. **Гудериан Г.** Танки — вперед! М., 1957.

62. **Гусева З.** Партизан Владимир. Пенза, 1943. 1 °С.

63. **Давыдов Д. В.** Военные записки. М., 1940.

64. **Давыдов Д. В.** Дневник партизанских действий 1812 года. М., 1 942 128 С.

65. **Давыдов Д. В.** О партизанской войне. М., 1942. 48 С.

66. **Давыдов Д.** Опыт теории партизанского действия. М., 1821. XVI, 22 °С.

67. **Давыдов Д. В.** Разбор трех статей, помещенных в «Записках» Наполеона. М., 1825.

68. **Денисов Н. В.** Друзья мои диверсанты. Казань, 1950.

69. **Деткин Г. И.** Очерк партизанского движения в Чернушинском и прилегающих к нему районах Предуралья, Уральской области. 1917–1932. Чернушка, 1932. 76 С.

70. **Джонлагич А., Атанаукович Ж., Пленча Д.** Югославия во второй мировой войне. Белгород, 1967.

71. **Дидык П. Г** . В тылу врага. Кишинев, 1 960 211 С.

72. **Диксон Ч., Гейльбрунн О.** Коммунистические партизанские действия. М., 1954.

73. **Дробов М. А.** Малая война партизанство и диверсии//

Альманах «Вымпел». 1998. № 1.

74. **Дулов В.** Советские партизаны. Иркутск, 1942. 88 С.

75. **Елчанинов А. Г** . Народная война и герои из народа в 1812. М., 1912. 36 с. с илл.

76. **Жантуаров С**. Б. С оружием в руках. Воспоминание I командира Казахского партизанского отряда на Южном Урале в Гражданскую войну. М., 1 950 208 С.

77. Железнодорожные войска в Великой Отечественной войне. М., 1995.

78. **Жерве Н. П.** Славные партизаны 1812 года. М., 1912.

79. **Жуков Г. К.** Воспоминания и размышления. М. 1971.

80. **Жуков Ю. А** . Советские партизаны. Йошкар-Ола. 1941. 18 С.

81. **Задонский Н. А** . Партизаны 1812 года. Исторический очерк. Куйбышев, 1942.

82. **Задонский Н. А** . Партизаны. Исторический очерк. Воронеж, 1941.

83. Записки партизана. Рассказы о борьбе партизан в фашистском тылу. М., 1941. 29 С.

84. **Збанацкий Ю.** Лесная красавица. М., 1955.

85. **Игнатов П. К** . Подполье Краснодара. М., 1947.

86. **Игнатов П**. К.Partisanen. Berlin, 1 952 375 С.

87. **Изаков Б**. Р. Народные мстители. Горький, 1942. 62 С.

88. **Илемницкий П.** Хроника. М., 1948.

89. **Ильин Д.** По минным полям. Стальные дороги победы. М., 1985.

90. **Ильинский В. Н.** Отечественная война и партизан Сеславин. Тверь, 1912.

91. Инженерное обеспечение оборонительных операций войск Советской Армии в Великой Отечественной войне. Сборник. М., 1970.

92. Инженерные войска в боях за Советскую Родину. М., 1970.

93. История Великой Отечественной войны. М., 1961. Т. 2.

94. Итоги второй мировой войны//Истории Великой Отечественной войны. М., 1967.

95. **Кабанов П. А.** Стальные перегоны. М., 1973.

96. **Кайсенов К.** Юные партизаны. Литературная запись. Алма-Ата, 1 954 105 С.

97. **Каплер А. Я** . В тылу врага. М., 1942. 48 С.

98. **Караваева А. А** . В огне партизанской войны. М., 1941. 28 С.

99. **Каров Д**. Партизанское движение в СССР в 1941–1945 годах. Мюнхен, 1 954 118 С.

100. **Карпова М**. А. Партизанское движение в Великой

Отечественной войне. Статьи и сводки Совинформбюро. Сталинград, 1944. 54 С.

101. **Квитинский В. А.** Партизанские Татры. Киев, 1982.

102. **Квитинский В. А.** Фронт без тыла. М., 1971.

103. **Кентий А. В., Курс И. Ф.** Штаб непокоренных. Киев, 1988.

104. **Киселев А. М.** Умельцы военной поры. М., 1986.

105. **Клоков В. И** . Борьба народов славянских стран против фашистских поработителей (1939–1945). М., 1956.

106. **Клоков В. И п.** Действия партизан Украины на железнодорожных коммуникациях в тылу фашистских войск. Киев, 1984.

107. **Клоков В. И.** Ковельский узел. Киев, 1981.

108. **Ковалев И. В.** Транспорт в Великой Отечественной войне. М., 1981.

109. **Ковпак С. А** . От Путивля до Карпат. М., 1949.

110. **Козлов И.** В Крымском подполье. М., 1948.

111. **Колосков И. А., Цырульников Н. Г.** Народ Франции в борьбе против фашизма. М., 1960.

112. **Колюбакин Б. М** . Набег Дорохова на Смоленскую (Можайскую) дорогу с 9-го по 14-е сентября 1812 года. СПб., 1900. 37 С., 1 л. илл.

113. Командарм Якир. М., 1963.

114. **Коробов Л.** Малая земля. М., 1948.

115. **Кочиашвили М.** Из истории партизанской борьбы против немецко-фашистских захватчиков в Великой Отечественной войне (Восстание на острове Тексел). Тбилиси, 1954. 2 °С.

116. **Кратт И. Ф.** Партизаны. М.-Л., 1941. 1 °С.

117. **Кузин И. Н.** Записки партизана. Куйбышев, 1942 64 С. (6 изданий).

118. **Кузин П.** Память не умирает//Транспортное строительство. М., 1990. № 8. С. 54.

119. **Кукуричкин В. К.** Опыт работы по разминированию МЗД//Сборник по обмену опытом восстановления железных дорог. М., 1945. № 8. С. 146.

120. **Лагин Л.** Черноморские моряки-партизаны. Б. м., 1944. 17 С.

121. **Лангфанг А.** Народные мстители. Куйбышев, 1941.

122. **Левшин А. Г.** Партизаны в Отечественную войну. Очерк. М., 1912. 32 С.

123. **Ливенцов В.** Партизанский Ленинград. М., 1951.

124. **Лильин Т.** Письма из партизанского отряда. Сталинград, 1941 11 С.

125. **Линьков Г. М.** Война в тылу врага. М., 1949.

126. **Лоскутов С.** У партизан. Записки фотокорреспондента. Горький, 1942. 96 С. (6 изданий).

127. **Лурье А. Я.** Герои-партизаны в Отечественную войну 1812 года. Алма-Ата, 1943.

128. **Ма Фа, Си Жун.** В горах Люйляна. М., 1951.

129. «Малый фронт» в тылу врага. Сталинград, 1942. 4 С.

130. **Марцишек Г.** Мы на своей земле. Одесса, 1960.

131. **Массович Я. М.** Им помогал Ленин. М., 1971.

132. **Миддельдорф Э.** Тактика в русской кампании. М., 1958.

133. **Минц И. И** . Партизанская война. М., 1941. 3 ˚С.

134. **Минц И. И** . Против фашистских людоедов. Лекция в ВПШ в 1941. М., 1941. 31 С.

135. **Михневич Н. П.** Партизанские действия кавалерии в 1812 и 1813 годах. СПб., 1888.

136. **Мухина Е. А.** 8 сантиметров. М., 1975.

137. Мы — интернационалисты. Сборник. М., 1975.

138. На земле, в небесах и на море. М., 1988.

139. Народная война. Рассказы о партизанах, действующих в тылу у фашистских захватчиков. Омск, 1941. 38 С.

140. Народная война в тылу фашистских оккупантов на Украине. 1941–1944. Партизанская война. Книга вторая. Киев, 1985.

141. Народная месть. Железнодорожники в Отечественной войне) Сборник статей. Куйбышев, 1942. 46 С. (5 изданий).

142. **Некрасов В. И.** Друзья партизан. Очерки. М., 1943.

143. **Некрич А. М.** 22 июня 1941. М., 1965.

144. **Непомнящий К.** По тылам врага. М., 1942. 3 ˚С.

145. **Непомнящий К.** Рейд по тылам врага. Куйбышев, 1942. 14 С.

146. О трех героях: З. Космодемьянская, М. Гурьянов, И Кудрин. М., 1942. 55 С.

147. **Осипов К.** Народные мстители. М., 1942. 16 С.

148. Отважные советские партиза**ны.** Сборник. Ворошиловск, 1941. 47 С.

149. Отношения России (СССР) с Югославией 1941–1945 гг.: Документы и материалы. М., 1998.

150. **Павленко П. А.** Народные мстители. Очерки. М., 1942. 64 С.

151. **Павлов Я. С.** Ленин и партизанское движение. Минск, 1975.

152. Партизанская борьба советских патриотов. Сб. статей. Фрунзе, 1941. 23 С.

153. Партизанская дружба. Воспоминания о боевых делах

партизан-евреев участников Великой Отечественной войны. М., 1948. 20 °С.

154. Партизанские были. Сборник записок, дневников и воспоминаний. М., 1 958 559 С.

155. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944). Краткие сведения об организационной структуре партизанских соединений, бригад, отрядов и их личном составе. Минск, 1983.

156. Партизаны. М., 1912. 31 С.

157. Партизаны. Куйбышев, 1941. 79 С.

158. Партизаны. Сборник избранных газетных статей. Киров, 1943.

159. Партизаны. Славные дела советских патриотов в тылу фашистских орд. Ростов на Дону, 1941. 62 С.

160. Партизаны 12-го года. СПб., 1910. 5 °С.

161. Партизаны Брянщины. Брянск, 1959.

162. Партизаны Великой Отечественной войны. М., 1941. 29 С.

163. **Петрович Н.** Оборона тыла армии. М., 1936.

164. **Петрушенко Т. К.** Молодые партизаны брянщины. Брянск, 1951.

165. **Пикер Г.** Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1993.

166. **Пономарев Б. Н.** Югославия в огне партизанской войны. М., 1942.

167. **Пономаренко П. К.** Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941–1944. М., 1986.

168. **Пономаренко П. К.** Партизанское движение в Великой Отечественной войне. М., 1943. 37 С. (На белорусск. яз.).

169. **Попудренко Н. Н.** Дневник. Киев, 1949. (На укр. яз.).

170. Поражение германского империализма во второй мировой войне//Истории Великой Отечественной войны. М., 1960. Т. 6.

171. **Прохоров Н. Н.** Комендант брянских лесов. Из партизанских былей. Курск, 1954.

172. Работа Компартии Белоруссии в тылу врага. Минск, 1959. (На белорусск. яз.).

173. **Раковский Л.** Константин Заслонов. Смоленск, 1953.

174. **Ремизова Е.** Народные мстители. Алма-Ата, 1942. 72 С. с илл.

175. **Русев Харалан.** По кручам. М., 1950.

176. **Савинов Е. Ф** . Зоины товарищи. Документальный очерк. Ярославль, 1 958 104 С.

177. **Садиленко А. С.** За фронтом фронт. Сахалин, 1962.

178. Сборник листовок всенародной партизанской борьбы в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Минск, 1952.

179. **Сет Рональд.** Неустрашимые. М., 1967.

180. Советские партизаны. М., 1960.

181. Совком ветеранов войны. Солидарность народов с Испанской республикой. М., 1972.

182. **Соловьев Н.** Мемориал вечной славы в Харькове. Харьков, 1978.

183. **Сорель А.** Партизанская война XX века. На исп. яз. Париж, 1970.

184. **Сталин И. В.** О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952.

185. **Старинов И. Г.** Белофинские мины и ловушки. М., 1940.

186. **Старинов И. Г.** Записки диверсанта//Альманах «Вымпел». М., 1997. Вып. 3.

187. **Старинов И. Г.** Мины ждут своего часа. М., 1964.

188. **Старинов И. Г.** Не в плен, а в партизаны//«Профи». 1997. № 1, № 2.

189. **Старинов И. Г.** Пройди незримым. М., 1988.

190. **Старинов И. Г.** Разрушайте тыл врага. Чернигов, 1941.

191. **Старинов И. Г., Эпов Б. А.** Мины в тылу врага. М., 1965.

192. **Сухомлинов В. А.** На Большой Смоленской дороге. Из партизанских действий в 1812. СПб., 1912. 11 С.

193. **Тарле Е. В.** Наполеон. М., 1942.

194. **Тийон Шарль.** Французские франтиреры и партизаны в борьбе против немецко-фашистских оккупантов. М., 1983.

195. **Типпельскирх К.** История второй мировой войны. М., 1956.

196. **Тодорский А. И** . Маршал Тухачевский. М., 1963.

197. **Томилин С. В** . Набег партизанского отряда Чернышева на Кассель, столицу Вестфалии в 1813 году. СПб., 1919. 35 С.

198. **Тухачевский М. Н.** Борьба с контрреволюционными восстаниями//Война и революция. 1926. № 8.

199. **Федоров А. Ф.** Подпольный обком действует. М., 1950–1957. Части 1–3.

200. **Фомин Анатолий.** По одну линию фронта с Вермахтом//Свободная мысль. № 8. Август. 1997.

201. **Фрунзе М. В.** Военная доктрина и Красная Армия// Избранные сочинения. М., 1977.

202. **Фрунзе М. В.** Избранные произведения. М., 1977.

203. **Фуллер Дж.** Вторая мировая война 1939–1945 гг. М., 1956.

204. **Хнеупек Богуслав.** Генерал с орденом льва. Прага, 1971.

205. **Червяков Д. Е** . Партизанское движение в период

подготовки проведения Кутузовым контрнаступления в 1812 году. М., 1953. 4 °С.

206. **Червяков Д. Е** . Партизанское движение в Отечественную войну 1812 года. Л.-М., 1941. 23 С.

207. **Черемухин В.** Старостиха Василиса и другие герои Народной войны 1812 года. М., 1912.

208. **Черчилль У. С.** Вторая мировая война. М., 1998. В 6-то томах.

209. **Шевердалкин П. Р** . Героическая борьба Ленинградских партизан. Л., 1959.

210. **Штеменко С. М.** Генеральный штаб в годы войны. М., 1969–1973. Т. 1–2.

211. Энциклопедия третьего рейха. М., 1996.

212. **Якир И. Э.** Десять лет тому назад. Отрывки из воспоминаний старого красноармейца. Харьков, 1928. 46 С.

Список сокращений

ВГК — Верховный Главнокомандующий.

ВГИК — Всесоюзный Государственный институт кинематографии.

ВОШОН — Высшая оперативная школа особого назначения.

ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем.

ГКО — Государственный Комитет Обороны.

ГРУ — Главное разведывательное управление.

ГСМ — Горюче-смазочные материалы.

ГУВВР — Главное Управление военно-восстановительных работ.

КГБ — Комитет государственной безопасности.

КПЮ — Коммунистическая партия Югославии.

ЛКСМ — Ленинский Коммунистический союз молодежи.

МВД — Министерство Внутренних дел.

МЗД — Мина замедленного действия.

МНР — Монгольская народная республика.

МПВ — Минно-подрывные взводы.

МПС — Министерство путей сообщения.

НКВД — Народный Комиссариат Внутренних Дел.

НОАЮ — Народная Освободительная армия Югославии.

НРА ДВР — Народно-революционная армия Дальневосточной республики.

ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление.

ОМСБОН — Отдельная мотострелковая бригада особого назначения.

Оперод — Оперативный отдел.

ОУЦ — Оперативно-учебный центр Западного фронта.

ПВО — Противовоздушная оборона.

ПМС — Поездная мина Старинова.

РККА — Рабоче-крестьянская Красная Армия.

СНК РСФСР — Совет народных комиссаров Российской Советской федеративной Социалистической Республики.

УВВР — Управление военно-восстановительных работ.

УПА — Украинская повстанческая армия.

УССР — Украинская советская социалистическая республика.

УШПД — Украинский штаб партизанского движения.

ЦК КП(б)У — Центральный Комитет Коммунистической партии (большевиков) Украины.

ЦШПД — Центральный штаб партизанского движения (30

мая 1942).

ЧССР — Чехословацкая советская социалистическая республика.

notes

Примечания

1

Альманах «Вымпел». М., 1997. Вып. 3.

2

Сабуров Александр Николаевич (1908–1974), один из руководителей партизанской борьбы в Великой Отечественной войне. С 1938 находился в органах НКВД. Во время Великой Отечественной — командир партизанского отряда, затем соединения, действовавшего в Орловской и Сумской областях, а также на Правобережной Украине. С 1942 — член подпольного ЦК КП(б)У. Начальник штаба партизанского движения в Житомирской области. С 1944 в органах НКВД, МВД (Прим. ред.).

З

Строкач Тимофей Амвросиевич (1903–1963), один из руководителей партизанского движения на Украине в годы Великой Отечественной войны, генерал-лейтенант (1944). В 1919–1922 участвовал в партизанском движении на Дальнем Востоке. С 1924 — служил в пограничных войсках. С 1940 — заместитель наркома внутренних дел УССР. В Великую Отечественную с 1942–1945 начальник Украинского штаба партизанского движения. С 1946 — министр Внутренних дел Украинской ССР. С 1956–1957 — ответственный работник МВД СССР (Прим. ред.).

4

Выходец Павел Александрович (1903), один из руководителей партизанского движения в Великой Отечественной войне, полковник (1943). Воевал в Гражданскую войну В 1943 назначен начальником школы особого назначения Украинского штаба партизанского движения.

5

Федоров Алексей Федорович (1901), один из руководителей партизанского движения на Украине в годы Великой Отечественной войны, генерал-майор (1943), дважды Герой Советского Союза (1942–1944). Участник Гражданской войны. Окончил строительный техникум (1932). С 1938–1-й секретарь Черниговского (с сентября — подпольного) обкома партии. С марта 1943 — секретарь Волынского обкома партии. Командир Черниговско-Волынского партизанского соединения (Прим. ред.).

6

Вершигора Петр Петрович (1905–1963), участник партизанской войны, писатель, генерал-майор (1944), Герой Советского Союза (1944). Окончил ВГИК (1938). В годы Великой Отечественной войны — командир взвода, роты, батальона. С 1942 — в партизанах. Заместитель командира партизанского соединения по разведке. С декабря 1943 командир 1-й Украинской партизанской дивизии. Участник 5 рейдов по тылам врага (Прим. ред.).

7

Наумов Михаил Иванович (1908–1974), один из организаторов партизанского движения на Украине в годы Великой Отечественной войны, генерал-майор (1943). С 1930 — в войсках ОГПУ и НКВД. Окончил высшую школу пограничных войск (1938). С началом Великой отечественной войны — командир группы, партизанского отряда, начальник штаба оперативной группы партизанских отрядов Сумской области, командир партизанского кавалерийского соединения. Совершил 3 рейда по Украине и Курской области. Окончил Высшие академические курсы при Военной академии Генштаба (1945). После войны (до 1960) в органах и войсках МВД (Прим. ред.).

8

Сверчевский Кароль (1897–1947), государственный и военный деятель Польши. Один из организаторов Войска Польского. Участник Октябрьской революции в России. С 1918 — в Красной Армии. Окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе (1927). Во время Гражданской войны в Испании (1936–1939) — командир интернациональной бригады и дивизии (под псевдонимом генерал Вальтер). Во время Великой Отечественной — командир стрелковой дивизии. С 1943 — заместитель командира 1-го Польского корпуса. С 1944 заместитель командир Первой и Второй Армии Войска Польского. С 1946 заместитель министра национальной обороны Польши. Убит националистами (Прим. ред.).

9

Аковцами называли участников армии Крайовой, сформированной в Польше эмиссарами правительства В. Сикорского в Лондоне (Прим. ред.).

10

Прокопюк Николай Архипович (1902–1975), активный участник партизанской борьбы в Великой Отечественной войне. Участник Гражданской войны. По окончании, служил в органах безопасности в Испании. С 1942 — в тылу врага. В 1944 — командир специального партизанского отряда и соединения, действовавшего на Украине, в Польше и Чехословакии. С декабря 1944 участвовал в национально-освободительной войне в Китае (Прим. ред.).

11

Заместителем Вершигоры в то время был Москаленко, а Кальницкий был начальником 3 роты минеров, капитаном (Прим. ред.).

12

Пилсудский Юзеф (1867–1935), политический и военный деятель Польши. С 1926 глава реакционного режима, маршал. Лидер правового крыла Польской социалистической партии. Один из создателей ее националистической фракции (1906). В 1-ю мировую войну командовал Польским легионом, сражавшимся на стороне Австро-Венгрии. В 1918–1922 «начальник государства». В 1920 вел военные действия против Советской России. С 1926 военный министр и генеральный инспектор вооруженных сил. В 1926–1928 и в 1930 премьер-министр и диктатор Польши (Прим. ред.).

13

Ковпак Сидор Артемьевич (1887–1967), один из организаторов партизанской борьбы на Украине в годы Великой Отечественной, дважды Герой Советского Союза (1942, 1944), генерал-майор (1943). Участник гражданской войны. С 1937 — председатель Путивльского горисполкома. В Великую Отечественную — командир партизанского отряда, затем соединенных партизанских отрядов Сумской области. Возглавил 5 рейдов по тылам (Прим. ред.).

14

Бандеровцы — участники военно-политических формирований Украинской повстанческой армии в Западной Украине в 1943–1947. Названа по имени его руководителя С. А. Бандеры. Входили в состав ОУН Бандеры, а также состоявших в ОУН Мельника, движении Т. Бульбы-Боровца (т. н. «бульбовцы») и члены украинских националистических организаций, сотрудничавших с фашистскими оккупантами (Прим. ред.).

15

Бегма Василий Андреевич (1906–1965), один из руководителей партизанского движения на Украине во время Великой Отечественной войны, генерал-майор (1943). С 1928 — на комсомольской, профсоюзной и партийной работе. В 1942–1944 — секретарь Ровенского подпольного обкома КП(б)У. Начальник Ровенского штаба партизанского движения.

16

Фомин Анатолий. По одну линию фронта с вермахтом// Свободная мысль. № 8. Август. 1997. С. 109.

17

Там же. С. 111

18

Фомин Анатолий. По одну линию фронта с вермахтом// Свободная мысль. № 8. Август. 1997. С. 114.

19

Тито Броз Иосип (1892–1980), политический и военный деятель Социалистической Федеративной Республики Югославия, маршал (1943). В 1915 попал как военнопленный в Россию. В 1917 в Омске вступил в Красную гвардию, воевал против Колчака. В 1920 вернулся на родину. В 1935–1936 работал в Москве в Коминтерне. В 1941–1945 стал главнокомандующим Народной освободительной армии Югославии. В 1943–1945 — председатель Национального комитета освобождения Югославии. В 1945–1946 — председатель Временного правительства, министр обороны и верховный главнокомандующий. После войны — глава Югославии (Прим. ред.).

20

Антонеску Йон (1882–1946) военный диктатор Румынии с 1940–1944. С 1933 — начальник румынского Генштаба, министр обороны Румынии с 1938. Подписал протокол о присоединении Румынии к державам «оси». 23 августа 1944 в результате антифашистского вооруженного восстания был свергнут и арестован как военный преступник и 1 июня 1946 казнен (Прим. ред.).

21

Михай Гогенцоллерн (1921), король Румынии (1927–1930, 1940–1947). В годы 2-й Мировой войны король Михай обладал ограниченной властью. Фактически страной правил военный диктатор Антонеску. В 1941 король вместе с матерью — королевой Еленой, урожденой греческой принцессой — посетил Берлин. Вспоминая этот визит А. Гитлер писал: Румыния! Если теперь с Антонеску что-нибудь случится, кто придет на его место? Я с ужасом думаю об этом. Король просто грязная свинья; этот тип даже не желал помочь своей матери выйти из машины, ибо опасается, что тем самым принизит свое королевское достоинство. (Цит. По: Генри Пикеру. «Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1993). (Прим. ред.).

22

Эдвард Кардель — видный член КПЮ, соратник И. Броз Тито.

23

Роман этот, под названием «Не в плен, а в партизаны» был опубликован в журнале «Профи» за 1997 год в № 1–2.

В дальнейшем это подразделение соединилось с Красной Армией и влилось в ее ряды.

25

Голиков Филипп Иванович (1900–1980). Участник Гражданской войны. До 1931 находился на партийно-политической работе. Окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. Затем — командир стрелкового полка, дивизии, механизированной бригады, мех. корпуса, командующий Винницкой армии, заместитель начальника Генштаба — начальник Главного Разведывательного Управления. С апреля 1943 — заместитель наркома обороны СССР по кадрам. С мая 1943 — начальник Главного управления кадров Министерства Обороны СССР. (Прим. ред.).

26

Аксенов Ю. За чертой страха. Стальные дороги победы. М., 1985. С. 91.

Железнодорожные войска в Великой Отечественной войне. М., 1995. С. 154–164.

28

Кузин П. Память не умирает//Транспортное строительство. 1990. № 8. С. 54.

} Кукуричкин В. К. Опыт работы по разминированию МЗД. Сборник по обмену опытом восстановления железных дорог. М., 1945. № 8. С. 146.

30

Ильин Д. По минным полям. Стальные дороги победы. М., 1985. С. 82.

31

Железнодорожные войска в Великой Отечественной войне. М., 1995. С. 170.

32

Малиновский Родион Яковлевич (1898–1967), советский государственный и военный деятель, маршал Советского Союза (1944). Народный герой Югославии. Участник Первой мировой и Гражданской войн. С 1930 — начальник штаба кавалерийского полка. Работал в штабах военных округов. Участвовал в Гражданской войне Испании (1936–1939). С 1941 — командир стрелкового корпуса. С 1943 — командующий Южным, Юго-Западным, 3-м и 2-м Украинским фронтами. С 1945 командующий Забайкальским фронтом (Прим. ред.).

33

} Воструxов Владимир Иванович (1895–1971), генерал-полковник (1945). Участник Первой мировой и Гражданской войн. С 1921 командир полка, преподаватель и начальник курсов «Выстрел». Окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе (1933). Во время Великой Отечественной войны — заместитель командующего по тылу ряда армий, а позднее Калининского, Степного, 2-го Украинского и Забайкальского фронтов (Прим. ред.).

34

Конев Иван Степанович (1897–1973), маршал Советского Союза (1944), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945), Герой ЧССР, Герой МНР. Участник Первой мировой. В Гражданскую — комиссар бронепоезда, стрелковой бригады, дивизии, штаба НРА ДВР. В 1940–1941 — командующий войсками Забайкальского Военного Округа. В период Великой Отечественной войны — командующий 19 армией Западного, Калиниского, Северо-Западного, Степного, 2-го и 1-го Украинских фронтов. С 1945 — главнокомандующий Центральной группы войск (Прим. ред.).

35

Булганин Николай Александрович (1895–1975), советский государственный, военный и партийный деятель, генерал-полковник (1958). С 1918 состоял в органах ВЧК, с 1922 — на хозяйственной работе. В 1931–1937 — председатель Моссовета. С 1937 — председатель СНК РСФСР. В 1938–1941 — председатель правления Госбанка и заместитель председателя СНК СССР. В период Великой Отечественной войны — член Военного совета Западного, 2-го Прибалтийского и 1-го Белорусского фронтов. В 1944 — заместитель наркома обороны и член ГКО (Прим. ред.).

36

Блюхер Василий Константинович (1890–1938), маршал (1935). Участник 1-й мировой. В Гражданскую возглавлял окруженные в районе Оренбурга войска. Совершил с ними 1500 километровый рейд по Уралу на соединение с 3 армией Восточного фронта. С лета 1919 — начальник 51-й стрелковой дивизии, пройдя от Тюмени до Байкала. Командир Перекопской ударной группы. В 1921–1922 — военный министр и главком Народно-революционной армии Дальневосточной республики. Командир-комиссар корпуса, главный военный советник при китайском революционном правительстве, помощник командующего войсками Украинского Военного Округа. С 1929 командующий ОКДВА. Летом 1938 — командующий Дальневосточным фронтом (Прим. ред.).

37

Масленников Иван Иванович (1900–1954). Участник Гражданской войны, командир кавалерийской группы, полка, бригады. С 1928 в пограничных и внутренних войсках, затем в органах ОГПУ и НКВД. Окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе (1935). В период Великой Отечественной войны — командующий 29 и 39 Армиями Северной группы войск Закавказского фронта, заместитель командующего ряда фронтов. С 1944 — командующий 3-м Прибалтийским фронтом. В 1945 — заместитель главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке, затем командующий войсками Бакинского и Закавказского Военного округа. С 1948 — на службе в МВД (Прим. ред.).

38

Хрущев Никита Сергеевич (1894–1971), советский государственный и партийный деятель, генерал-лейтенант (1943). Участник гражданской войны. После 1920 — на хозяйственной и партийной работе. В 1929 окончил Промышленную академию. С 1931 — на партийной и хозяйственной работе в Москве. В 1935–38–1-й секретарь МК и МГК ВКП (б). С 1938 по 1947–1-й секретарь ЦК КП(б)У. С 1944–47 являлся также председателем СНК УССР. С декабря 1949 — секретарь ЦК и 1-й секретарь МК ВКП (б). С 1953–1-й секретарь ЦК КПСС. В 1964 освобожден от обязанностей. (Прим. ред.).

39

Цит. по: Горчаков О. Тайна полковника Старинова// Соберитесь в саду. М.: «Известия», 1963. С. 68–77.

40

Муссолини Бенито (Амилькаре Андреа) (1883–1945), основоположник итальянского фашизма, глава итальянской фашистской партии и правительства Италии в 1922–1943 и марионеточного правительства т. н. Республики Сало в 1943–1945. Был захвачен партизанами вместе с любовницей (Прим. ред.).

41

Давыдов Денис Васильевич (1781–1839). Получил блестящее домашнее воспитание. В 1807 назначен адъютантом к кн. Багратиону. Зимою 1808 года состоял в нашей армии, действовавшей в Финляндии, прошел вместе с Кульневым до Улеаборга, занял с казаками о-в Карлоэ и, возвратясь к авангарду, отступил по льду Ботнического залива. В 1809, состоя при кн. Багратионе, командовавшем войсками в Молдавии, а затем, когда Багратион был сменен, поступил в авангард молдавской армии, под начальство Кульнева. При начале войны 1812 состоял подполковником в ахтырском гусарском полку и находился в авангардных войсках ген. Васильчикова. Перед Бородинским сражением, первый подал мысль о выгодах партизанских действий и первый же начал их. Быстрые его успехи убедили Кутузова в целесообразности партизанской войны, и он дал ей более широкое развитие. Одним из выдающихся подвигов Давыдова, за это время, было дело под с. Ляховым, где он, вместе с другими партизанами, взял в плен 2-х тысячный отряд ген. Ожеро; затем под г. Копысом он уничтожил франц. кавалерийское депо, рассеял неприятельский отряд под Белыничами и, продолжая поиски до Немана, занял Гродно. С переходом границы, поступил в корпус ген. Винцингероде, участвовал в поражении саксонцев под Калишем и, вступив в Саксонию с передовым отрядом, занял предместье Дрездена. В 1814, командуя ахтырским гусарским полком, находился в армии Блюхера, участвовал с нею во всех крупных делах и особенно отличился в сражении при Ла Ротьере. В 1815 был произведен в генерал-майоры; потом занимал место начальника штаба сначала в 7-м, а потом в 3-м корпусе. В 1827 с успехом действовал против персов, а в 1831 — против польских мятежников (Прим. ред.).

Давыдов Д. Военные записки. М., 1982. С. 292.

Ваупшасов С. А. На тревожных перекрестках. М., 1971. С. 201–202.

Давыдов Д. Опыт теории партизанской войны. М., 1821. XVI, 22 °С.

45

Голицын Николай Сергеевич (1809–1892), русский военный историк, генерал от инфантерии (1880). Участвовал в русско-турецкой войне 1828–1829. В 1838–1847 — начальник кафедры стратегии, военной истории и военной литературы Военной академии. С 1848 — директор императорского Училища правоведения, редактор газеты «Русский инвалид». В 1857–1864 работал в Генштабе. Автор многочисленных работ по военной истории (Прим. ред.).

46

Клаузевиц Карл (1780–1831), военный писатель, произведший своими сочинениями полный переворот в теории войны. В походе 1806, был адъютантом принца Августа и вместе с ним захвачен в плен. В 1810–12 преподавал военные науки наследному принцу прусскому. В 1812 перешел на русскую службу. В 1814 возвратился в прусское войско. В 1831, при выступлении прусских войск на польскую границу, был назначен начальником штаба; умер в Познани от холеры. Самое важное сочинение «О войне» (1880) Отличительные черты его трудов — ясность изложения, меткая критическая оценка военных событий, причем, согласно его руководящему взгляду на войну («война есть продолжение политики, действующее только иными средствами»). Он отводил широкое место политическому элементу и стремится выяснить, насколько судьба армий зависит от силы и слабости полководцев, характеристика которых выдается у Клаузевица блеском (Прим. ред.).

47

Жомини Антуан Анри (Генрих Вениаминович) (1779–1869), военный теоретик и историк, генерал от инфантерии русской армии (1926). С 1798 состоял на службе в швейцарской армии. В 1804–1813 — во французской армии. Один из основателей Российской Военной академии. Привлекался к планированию боевых действий в русско-турецкой войне (1828–1829) и Крымской (1853–1856) войнах (Прим. ред.).

Этот труд был переиздан в Альманахе «Вымпел». 1998. № 1.

49

Суворов Александр Васильевич (1730–1800), князь Италийский, граф Рымникский и Священной Римской империи, генералиссимус русской армии и генерал-фельдмаршал австрийской, величайший русский полководец. Еще ребенком был записан рядовым в Семеновский лейб-гвардейский полк. В 1745 поступил на действительную службу. В 1754 он был произведен в офицеры, а на боевое поприще впервые выступил во время 7-летней войны. Участвовал в сражении при Кунерсдорфе и в набеге Чернышева на Берлин. В 1761 командовал отдельными отрядами и отличился как отважный партизан и лихой кавалерист. В 1762 был послан с депешами к императрице и был назначен командиром Астраханского пехотного полка. Командуя с 1763 Суздальским пехотным полком, выработал свою знаменитую систему воспитания и обучении войск, на основании боевых опытов, вынесенных им из войны против такого полководца, каким был Фридрих Великий. В 1768 действовал против польских конфедератов, в которых проявились его блестящие дарования. В 1773 участвовал в действиях армии П. Румянцева против турок и своими действиями повлиял на исход войны и заключение мира в Кучук-Кайнарджи. По окончании турецкого похода С. был послан к гр. Панину, занятому усмирением пугачевского мятежа; но к месту нового назначения С. успел прибыть лишь после окончательного поражения Пугачева. До 1779 командовал войсками на Кубани и в Крыму и превосходно организовал оборону берегов Таврического полуострова, на случай десанта со стороны турок. За это же время он устроил выселение из Крыма христианских обывателей; греки были водворены по Азовскому побережью, армяне — на Дону, близ Ростова. В 1779 получил в командование малороссийскую дивизию, а в 1782 принял начальство над Кубанским корпусом. После присоединения Крыма к России (1783) должен был привести в покорность ногайских татар, что и было им исполнено, несмотря на значительные затруднения. В 1786 произведен в генерал-аншефы и назначен начальником Кременчугской дивизии. С началом 2-ой турецкой войны 1787–91, был назначен начальником кинбурнского корпуса, на который возложена была оборона Черноморского побережья, от устья Буга до Перекопа. Участие его в осаде Очакова (1788) прекратилось вследствие ссоры с Потемкиным. В 1789, командуя дивизией в армии Репнина, разбил турок при Фокшанах и Рымнике, за что получил орден св. Георгия I ст. и титул графа Рымникского, а от

австрийского императора — титул графа Священной Римской империи. В декабре 1790 он взял штурмом Измаил. Подвиг этот, вследствие последовавшего затем столкновения с Потемкиным, не дал Суворову фельдмаршальского жезла: он награжден был лишь званием подполковника л. — гв. Преображенского полка. В 1791 Суворову поручено обозрение финляндской границы и составление проекта ее укрепления, поручением этим он очень тяготился. В конце 1792 на него было возложено подобное же поручение на юго-западе России, в виду возможности возобновления войны с Турцией. В августе 1794 он был вызван на театр польской войны. Ряд одержанных им побед, завершившийся взятием Праги, награжден был чином генерал-фельдмаршала. В 1796 назначен начальником наших военных сил в южной и юго-западных губерниях и здесь развил до полноты свою систему обучения и воспитания войск. Здесь же он дал окончательную редакцию своему военному катехизису («Наука побуждать», «Деятельное военное искусство»). Когда, по восшествии на престол императора Павла, в войсках начались разные нововведения, Суворов открыто выразил свое осуждение, за что подвергся опале. В феврале 1797 был отставлен от службы и сослан в его имение, под присмотр полиции. Ссылка эта продолжалась около двух лет, пока, в феврале 1799, по настоятельным ходатайствам венского двора, не последовал Высочайший рескрипт, которым ему поручалось начальство над австро-русской армией в войне с Францией. Эта война увенчала его новою славой. Император Павел пожаловал ему титул князя Италийского и звание генералиссимуса и приказал поставить ему памятник в Петербурге. Последняя война надломила силы престарелого полководца; совершенно больным возвратился он Петербург, где скончался. Прах его покоится в Александро-Невской лавре (Прим. ред.).

Тарле Е. В. Наполеон. М., 1942. С. 43.

51

Наполеон Бонапарт (1769–1821), французский военный и политический деятель. Выдвинулся в период Французской революции. Во время Директории командовал армией. В 1799 совершив государственный переворот, стал первым консулом, а в 1804 провозгласил себя императором. Благодаря победоносным войнам подчинил Франции большинство государства Западной и Центральной Европы. Распад его империи начался с поражения в войне 1812 (Прим. ред.).

Давыдов Д. В. Военные записки. М., 1940. С. 175.

53

Кутузов (Голенищев-Кутузов) Михаил Илларионович (1745–1813), великий русский полководец, генерал-фельдмаршал (1812). С 1776 служил в Крыму под началом А. В. Суворова. Участники русско-турецкой войны 1787–1791. Отличился при штурме Измаила. В 1792–1802 — посол в Турции, затем директор Сухопутного шляхетского кадетского корпуса, командующий и инспектор войск в Финляндии, литовский и петербурсгкий военный губернатор. В 1805 — главнокомандующий русской армией в Австрии. В 1806–1811 военный губернатор Киева, командир корпуса. В русско-турецкую войну (1806–1812) командовал Молдавской армией. В Отечественную войну избран начальником Петербургского, а затем Московского ополчения. С августа — главнокомандующий русской армией (Прим. ред.).

Тарле Е. В. Наполеон. М., 1942. С. 43.

Петрович Н. Оборона тыла армии. М., 1936. С. 10.

Дробов М. А. Малая война партизанство и диверсии// Альманах «Вымпел». 1998. № 1. С. 60.

Павлов Я. С. Ленин и партизанское движение. Минск, 1975.

58

Колчак Александр Васильевич (1875–1924), один из руководителей контрреволюции в России, адмирал. Окончил Морской кадетский корпус (1894). Участвовал в русско-японской и Первой мировой войнах. В 1916–1917 командовал Черноморским флотом. В 1918–1919 «Верховный правитель Российского государства». После падения белого движения, расстрелян (Прим. ред.).

59

Павлов Я. С. Ленин и партизанское движение. Минск, 1975. Глава «Партизанское движение в Гражданской войне».

60

Деникин Антон Иванович (1872–1947), один из руководителей контрреволюции в период Гражданской войны, генерал-лейтенант (1916). Окончил Академию Генштаба (1899). Участвовал в Первой мировой войне. С апреля 1918 возглавил Добровольческую белогвардейскую армию. После победы Красной армии, эмигрировал (Прим. ред.).

61

Шкуро (Шкура) Андрей Григорьевич (1887–1947), один из главарей контрреволюции. Окончил Николаевское кавказское училище (1907). В 1918 начал вооруженную борьбу против советской власти на Северном Кавказе. В 1919 — командир кавалерийского корпуса «Вооруженных сил Юга России». После разгрома белогвардейского движения, эмигрировал. В 1939–1945 сотрудничал с гитлеровским режимом. Казнен (Прим. ред.).

62

Там же

63

Там же.

64

Махно Нестор Иванович (1889–1934), один из представителей народного движения на Украине во время Гражданской войны. В 1919–1920 Махно трижды вступал в соглашение с Советской властью и трижды нарушал его. В 1921 его соединения разгромлены советскими войсками. В 1921 эмигрировал (Прим. ред.).

65

Тухачевский Михаил Николаевич (1893–1937), маршал Советского Союза. Окончил Александровское военное училище (1914). Участник Первой мировой войны. В Гражданскую войну — военный комиссар обороны Московского района, командир 1 Армии, помощник командующего Южного фронта. В 1920–1921 — командующий Кавказским, Западным фронтами. Участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа и антоновщины в Тамбовской губернии. После 1921 — начальник Военной академии РККА, 1922–1924 — командующий Западным фронтом. С 1925–1928 — начальник штаба РККА. С 1928 — командующий войсками Ленинградского Военного округа. С 1931 заместитель наркомвоенмора и председатель Реввоенсовета СССР, начальник вооружений РККА. С 1936–1-й заместитель наркома обороны и начальник управления боевой подготовки. В 1937 командующий войсками При ВО (Прим. ред.).

Тухачевский М. Н. Борьба с контрреволюционными восстаниями//Война и революция. 1926. № 8. С. 4–5.

Невозможно не восхищаться стойкостью абиссинской армии, сопротивлявшейся превосходящим силам агрессора не два, как предполагало фашистское итальянское командование, а целых семь месяцев.

68

Берзин (Берзинь) Ян Карлович (1889–1938). Настоящая фамилия и имя Кюзис Петерис. Участвовал в революции 1905–1907, Февральской и Октябрьской революциях 1917 года. В Гражданскую войну — начальник политотдела дивизии и начальник особого отдела армии. С 1921 в разведывательном управлении РККА. В 1924–35, 1937 — начальник разведывательного управления. В 1936–1937 — главный военный советник республиканской армии в Испании (Прим. ред.).

Подробнее о подготовке партизанского движения в СССР в 20-е-30-е годы см. в следующей главе.

Подробнее об этом говорится в первой части воспоминаний.

71

Сорель А. Партизанская война XX века. На исп. яз. Париж, 1970. С. 83

Анчел М. Испанские партизаны во Франции 1940–1945 гг. Гавана, 1971. С. 17–261 (на исп. яз.)

73

Фрунзе Михаил Васильевич (1885–1925), советский военный, государственный и партийный деятель. Полководец Гражданской войны и военный теоретик, один из организаторов и создателей Советских Вооруженных сил. Учился в Петербургском Политехническом институте. Принимал участие в Революции 1905–1907, руководил Иваново-Вознесенской стачкой. В 1909–1910 дважды приговаривался к смертной казни за революционную деятельность., однако она была заменена пожизненной ссылкой в Сибирь. С 1910–1915 на каторге. Бежал. В 1-ую мировую вел революционную работу в армии на Западном фронте. Во время Октябрьской революции возглавлял Военно-революционный комитет в Шуе. Участвовал в ликвидации левоэсеровского мятежа в Москве и в разгроме контрреволюционного мятежа в Ярославле. В 1919 — командующий Южной группой войск Восточного фронта и Восточным фронтом. С 1919 — командующий Туркестанского фронта. В сентябре освобождал Крым. Уполномочен РВСР на Украине, член Политбюро ЦК КП(Б)У, заместитель председателя СНК УССР и заместитель председателя Украинского экономического совета. В 1924–1925 — заместитель председателья и председатель РВС СССР, заместитель наркома и нарком по военным и морским делам. Одновременно являлся начальником Штаба РККА, начальником Военной академии и член Совета Труда и Обороны. Под его руководством осуществлена военная реформа 1924–1925 (Прим. ред.).

Фрунзе М. В. Избранные произведения. М., 1977. С. 43.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 181.

Фрунзе М. В. Военная доктрина и Красная Армия//Избранные сочинения. М., 1977. С. 22–23.

77

Якир Иона Эммануилович (1896–1937), командарм 1 ранга (1935). В гражданскую войну командир красногвардейского отряда, комиссар стрелковой бригады, начальник политотдела Южного участка отрядов завесы, член Революционного Военного совета 8 армии. В 1919–1920 начальник стрелковой дивизии, командовал Южной группой войск 12 армией, Фастовской, Злочевской, Львовской группой войск и 14 армией. После войны командовал войсками Крымского района, Киевского Военного округа. С 1923 — командир и комиссар стрелкового корпуса, начальник Главного управления военно-учебных заведений РККА, командующий войсками Украинского Военного Округа. В 1930–1934 член РВС СССР (Прим. ред.).

78

Примаков Виталий Маркович (1897–1937), участник Гражданской войны. В 1917 в Петрограде возглавлял красногвардейский отряд при штурме Зимнего дворца, участвовал в разгроме мятежа Керенского-Краснова. Командовал кавалерийским полком, бригадой, дивизией, корпусом. После войны окончил Высшие военно-академические курсы комсостава РККА (1923). Начальник и военком Высшей кавалерийской школы, военный атташе в Афганистане и Японии, командир и военком стрелкового корпуса.

Ваупшасов С. А. На тревожных перекрестках. 3-е изд. М., 1988. С. 219.

Подробнее об этом см.: Старинов И. Г. «Записки диверсанта»//Альманах «Вымпел». М., 1997. Вып. 3.

81

Подробнее об этом см.: Старинов И. Г. «Записки диверсанта»//Альманах «Вымпел». М., 1997. Вып. 3.

82

Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952. С. 15

83

Там же.

84

Пономаренко Пантелеймонович Кондратьевич (1902), советский партийный и государственный деятель, генерал-лейтенант (1943). Участник Гражданской войны. Окончил Московский институт инженеров транспорта (1932). В 1938–1947 1-й секретарь ЦК КП Белоруссии. В период Великой Отечественной войны члены военных советов 3-й ударной армии, Западного, Центрального и Брянского фронтов, в 1942–1944 начальник ЦШПД. С 1944 председатель СНК, Совета Министров БССР (Прим. ред.).

85

Тимошенко Семен Константинович (1895–1970), советский государственный и военный деятель. Участник 1-й мировой войны. В Гражданскую — командир кавалерийского полка, бригады, дивизии. Окончил Высшие академические курсы (1927). После войны командир кавалерийского корпуса. С 1933 заместитель командующего, с 1937 командующий войсками ряда военных округов. Во время похода в Западную Украину (1839), командующий Украинским, а в 1939–1940 — Северо-Восточным фронтом. Как известно, после советско-финляндской войны зимой 1939–1940 годов К. Е. Ворошилов был смещен и заменен С. К. Тимошенко на посту наркома обороны. В период Великой Отечественной войны — председатель Ставки Главнокомандующего. В июле-сентябре 1941 — заместитель наркома обороны. С июля — главнокомандующий Западным, Юго-Западным направлением. С 1943 — представитель Ставки на фронтах (Прим. ред.).

Радуга, журнал. Киев, 1965. № 5. С. 180.

Там же.

88

Черчилль Уинстон Леонард Спенсер (1874–1965), политический, государственный и военный деятель Великобритании. С 1908, будучи консерватором, находился на различных министерских постах. Один из главных инициаторов интервенции в Россию в 1918–1920. В 1940–1945 и 1951–1955 — премьер министр. В годы войны вынужденный союзник СССР, после ее окончания — один из идеологов «холодной войны». Приводимый отрывок взят из его книги «Вторая мировая война». М., 1998. Т. 3. С. 228. (Прим. ред.).

89

Рокоссовский Константин Константинович (1896–1968), маршал (1944), Герой Советского Союза (1944, 1945). Участник Первой мировой и Гражданской войн. Командир кавалерийского эскадрона и полка. Окончил кавалерийские курсы. Командир бригады, дивизии. Окончил курсы усовершенствования высшего нач. состава при Военной академии им. М. В. Фрунзе. С 1936 — командир кавалерийского корпуса. В период Великой Отечественной войны командир мех. корпуса. С июля 1941 — командующий 16 армией. С 1942 командующий Брянским, Донским, Центральным, 1 и 2-м Белорусским фронтами. С 1946 — командующий Северной группой войск. С 1949 — министр Национальной обороны и заместитель председателя Совета Министров Польской Народной Республики. С 1956 — заместитель министра обороны СССР (Прим. ред.).

90

Баграмян Иван Христофорович (1897–1982), маршал (1955), дважды Герой Советского Союза (1944, 1977). Окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе (1934), Военную академию Генштаба (1938). В период Великой Отечественной войны — начальник оперативного отдела — заместитель начальника штаба, начальник штаба Юго-Западного фронта и штаба войск Юго-Западного направления. В указанный автором период маршалом не являлся (Прим. ред.).

91

Мехлис Лев Захарович (1889–1953), генерал-полковник (1944). Участник Первой мировой. В Гражданскую войну — военком бригады, стрелковой дивизии и Правобережной группы войск на Украине. В 1921–1936 — на советской и партийной работе. Окончил институт Красной профессуры (1930). В 1937–1940 — начальник политуправления РККА. С 1940 — нарком госконтроля СССР. В период Великой Отечественной войны был начальником Главного политуправления РККА, заместителем наркома обороны (до июня 1942), затем членом Военных советов армий Воронежского, Волховского, Брянского, 2-го Прибалтийского, Западного, 2-го Белорусского и 4-го Украинского фронтов (Прим. ред.).

92

Невский Георгий Георгиевич (1891–1961), генерал-лейтенант инженерных войск (1943). Окончил Военно-инженерную академию (1918). Участвовал в Гражданской войне сначала как дивизионный инженер, начальник снабжения Северного и Западного фронтов. С 1934 помощник инспектора, старший инспектор Управления военно-учебных заведений РККА. В Великую Отечественную войну — начальник инженерных войск Юго-Западного направления. С 1942 — заместитель командующего — начальник инженерных войск Карельского фронта. В 1944–12 946 — начальник Суворовского военного училища (Прим. ред.).

93

Котляр Леонтий Захарович (1901–1953), генерал-полковник инженерных войск (1944), Герой Советского Союза (1945). Окончил Военно-техническую академию им. Ф. Э. Дзержинского (1930). С 1937 — инженер контроля при НКО СССР, начальник отдела инженерных войск военного округа, начальник управления оборонительного строительства Главного военно-инженерного управления РККА. В период Великой Отечественной войны — начальник Главного военно-инженерного управления, начальник инженерных войск Советской армии. С 1942 — начальник инженерных войск Воронежского, Юго-Западного и 3-го Украинского фронтов (Прим. ред.).

94

Вознесенский Николай Алексеевич (1903–=1950), советский партийный и государственный деятель. Окончил Институт красной профессуры (1931). С 1935 — председатель городской плановой комиссии и заместитель председателя Ленинградского горсовета. С 1938 — председатель Госплана. С 1941–1-й заместитель председателя СНК (с 1946 — Совета Министров). С 1942–1945 — член ГКО (Прим. ред.).

95

Аралов Семен Иванович (1880–1969), участник Гражданской войны. В 1918 — начальник оперативного отдела штаба Московского Военного округа, начальник оперативного отдела Наркомата по военным и морским делам, член РВС. С 1921 — на дипломатической работе. Во время Великой Отечественной войны находился в дивизии народного ополчения.

Аралов С. И. Ленин вел нас к победе. 2-е изд. М., 1989. С. 43.

97

Тодорский Александр Иванович (1894–1965), участник Гражданской войны. В Гражданскую войну — командир бригады стрелкового корпуса, дивизии, помощник командующего и член РВС Туркестанского фронта. Окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе (1927). С 1928 помощник командующего войсками военного округа, заместитель начальника и начальник Управления военно-учебных заведений (Прим. ред.).

98

Ваупшасов Станислав Алексеевич (1899–1976), советский разведчик, участник партизанской борьбы в Великую Отечественную войну. Герой Советского Союза (1944). В 20-е-30-е годы — на разведывательной работе. Участник войны испанского народа. В 1942–1944 — командир партизанского отряда в Минской области.

99

Корж Василий Захарович (1899–1967), один из руководителей партизанской борьбы в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Участник гражданской войны в Испании (1936–1939). С 1940 — начальник отдела Пинского обкома партии. В период Великой Отечественной войны — командир партизанского соединения.

100

Орловский Кирилл Прокофьевич (1895–1968), один из руководителей партизанского движения в Белоруссии. Герой Советского Союза (1943). Участник 1-й мировой. В 1920–1925 руководил партизанскими группами в Западной Белоруссии. Участвовал в Гражданской войне в Испании. С 1938 — в органах НКВД СССР. В 1942–1943 — командир партизанского отряда. С 1943 — в органах государственной безопасности Белоруссии.

101

Щаденко Ефим Афанасьевич (1885–1951), генерал-полковник (1942). Участник Гражданской войны. Окончил два курса Военной академии РККА (1923). После войны — начальник Военной академии им. М. В. Фрунзе. С 1937 — зам наркома обороны (Прим. ред.).

Пономаренко П. К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941–1944. М., 1986. С. 73

103

Пономаренко П. К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941–1944. М., 1986. С. 72.

Партизанские формирования Белоруссии. Минск, 1983. С. 20–21.

105

Калинин Михаил Иванович (1875–1946), советский партийный и государственный деятель. Член Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Агент газеты «Искра». Один из организаторов стачки путиловских рабочих. Участник Февральской и Октябрьской революций. С 1919 — председатель ВЦИК. В 1922 — председатель ЦИК СССР. С 1938 — председатель президиума Верховного совета. В период Великой Отечественной войны занимался подготовкой резервов для Советской Армии, эвакуацией промышленных предприятий.

106

Воробьев Михаил Петрович (1896–1957), маршал инженерных войск (1944). Участник Гражданской войны. Окончил Военно-техническую академию (1929). С 1932 — начальник факультета Военно-инженерной академии, начальник военно-инженерного училища, генерал-инспектор инженерных войск РККА. В период Великой Отечественной войны — начальник управления и начальник инженерных войск Западного фронта. С 1942 — начальник инженерных войск (Прим. ред.)

107

Василевский Александр Михайлович (1895–1977), советский государственный деятель, маршал (1943), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). Участник Первой мировой, Гражданской войн. С 1931 — в управлении боевой подготовки РККА. Окончил Военную академию Генштаба (1937). В 1940 — заместитель начальника оперативного управления Генштаба. С августа 1941 — заместитель начальника Генштаба и заместитель наркома обороны СССР (Прим. ред.).

108

Ворошилов Климент Ефремович (1881–1869), советский партийный, государственный и военный деятель, маршал (1935), дважды Герой Советского Союза (1956, 1968). Герой МНР. Участник трех революций. Один из организаторов и руководителей Советской Армии. С 1917 комиссар Петрограда, вместе с Ф. Э. Дзержинским вел работу по организации ВЧК. В марте 1918 возглавлял создание 5-й Украинской армии и руководил ее боевыми действиями. Командир царицынской группы войск. С ноября 1918 Нарком внутренних дел Украины, командующий войсками Харьковского военного округа. В 1919 возглавлял оборону Екатеринослава и Киева. В 1919–1921 один из организаторов и член РВС. В 1921 участвовал в ликвидации Кронштадтского мятежа. В 1921–1925 командующий войсками Северо-Кавказского и Московского военного округов. В 1925–1934 нарком по военным и морским делам и председатель РВС СССР. В 1934–1940 — нарком обороны СССР. В период Великой Отечественной — член ГКО, ставки ВГК, командующий Ленинградским фронтом, главнокомандующий партизанским движением (Прим. ред.).

109

ЦПА ИМЛ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 795. Л. 4.

Пономаренко П. К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941–1944. М., 1986. С. 90.

111

Клембовский В. — генерал русской армии. Ярко выраженный сторонник партизанских действий, ведущихся с инициативой от армии. Выступление «народных масс» в качестве самостоятельной силы в тылу противника не воспринимал, более того, относился к этому отрицательно. Его труды неоднократно переиздавались в период Гражданской войны. Несмотря на их кажущуюся односторонность, они носили систематизированный характер. Основной стержень работ — управляемость малой войны. В связи с чем он нажил себе много противников, которые ратовали и стояли за большую и даже полную свободу партизан.

Ковалев И. В. Транспорт в Великой Отечественной войне. М., 1981. С. 312–313.

Пономаренко П. К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941–1944. М., 1986. С. 241.

Народная война в тылу фашистских оккупантов на Украине. Книга вторая. Киев, 1985. С. 208.

115

Партархив УФ ИМЛ. Ф. 75. Оп. 75–1. Д. 3. Л. 51.

116

Жуков Георгий Константинович (1896–1974), маршал Советского Союза (1943), четырежды Герой СССР (1939, 1944, 1945, 1956). Герой МНР. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Окончил курсы высшего начсостава (1930). С 1940 — командующий войсками Киевского Особого Военного округа. В январе-июле 1941 — начальник Генштаба — зам. Наркома обороны. С августа 1942–1-й заместитель наркома обороны и заместитель Верховного главнокомандующего. В 1942–1943 осуществлял координацию действий фронтов под Сталинградом, по прорыву блокады Ленинграда, в битвах под Курском и за Днепром. В марте-мае 1944 — командующий 1-м Украинским фронтом, а затем — 1-м Белорусским фронтом. От имени и по поручению Совета Верховного Главнокомандования 8 мая 1945 принял капитуляцию вооруженных гитлеровских формирований.

117

Жуков Г. К. Ук. произв. Т. 2. С. 99.

118

Машеров Петр Миронович (1918–1980), советский партийный и государственный деятель. Один из руководителей партизанского движения в Белоруссии. Окончил Витебский педагогический институт (1939). В период Великой Отечественной войны (с 1942) — командир партизанского отряда, комиссар партизанской бригады, 1-й секретарь подпольного обкома ЛКСМ Белоруссии. С 1946 — секретарь, в 1947–1954–1-й секретарь ЦК ЛКСМ Белоруссии. Впоследствии руководитель Белорусской компартии. Погиб в автокатастрофе.

119

Гусейн-заде Мехти Ганифы-оглы (1918–1944), лейтенант (1942). В 1942 ранен, попал в плен. В 1944 бежал, вступил в югославский партийный отряд. Участвовал в разведывательно-диверсионных операций на территории Югославии и Италии. Погиб в бою.

Жуков Г. К. Ук. произв. М., 1971. С. 79.

121

Штеменко Сергей Матвеевич (1907–1976). Окончил Военную академию моторизации и механизации РККА (1937), Военную академию Генштаба (1940). С 1940 в Генштабе — старший помощник начальника. В период Великой Отечественной войны — заместитель начальника, начальник оперативного управления Генштаба. С 1948 — начальник Генштаба, заместитель министра Вооруженных Сил СССР.

Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1969–1973. Т. 1–2.

123

Пономаренко П. К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских оккупантов. М., 1986. С. 72.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1971. С. 49.

125

Пономаренко П. К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков. 1986. С. 72.

126

Заслонов Константин Сергеевич (1910–1942), один из руководителей партизанского движения в Белоруссии. С ноября 1941 руководил подпольной группой в Орше, которая вела диверсионную деятельность. В 1942 — командир партизанского отряда, затем бригады. С октября 1942 командовал всеми партизанскими силами оршанской зоны. Погиб в бою.

127

Отношения России (СССР) с Югославией 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1998. С. 475.

128

РЦХИДНИ. Ф. 495. О. 184. Входящие телеграммы. 1941 г. Д. 7. Л. 456.

Отношения России. Ук. соч. С. 64.

130

РЦХИДНИ. Ф. 495. О. 184. Входящие телеграммы. 1942 г. Д. 4. Л. 27.

131

РЦХИДНИ. Ф. 495. О. 184. Входящие телеграммы. 1942 г. Д. 4. Л. 133–135.

132

Воззвание ЦК КПЮ к народам Югославии в связи с нападением фашистской Германии на Советский Союз// Отношение России… С. 41.

133

По-видимому подразумевается, что на этих станциях были произведены взрывы.

Пономарев Б. Н. Югославия в огне партизанской войны. М., 1942.

135

Черчилль У. С. Вторая мировая война: В 6 т. Т. 5. С. 295–296

Джонлагич А., Атанаукович Ж., Пленча Д. Югославия во второй мировой войне. Белгород, 1967. С. 154–155.

137

К партизанам мы относим и спецформирования, действовавшие в тылу врага.

138

Сет Рональд. Неустрашимые. М., 1967. С. 138.

139

Подсчитано автором на основе данных 6-томной Истории Великой Отечественной войны, т. 6 «Поражение германского империализма во второй мировой войне». М., 1960 и «Итоги второй мировой войны», М., 1967.

Инженерные войска в боях за Советскую Родину. М., 1970. С.358.

Итоги второй мировой войны. М., 1967. С. 135.

142

Гудериан Хайнц Вильгельм (1889–1954), генерал-полковник германской армии (с 1940), военный теоретик. Наряду с де Голлем и Фуллером — родоначальник моторизованных способов ведения войны.

143

Гудериан Г. Воспоминания солдата. М., 1954

Диксон Ч., Гейльбрунн О. Коммунистические партизанские действия. М., 1954. С. 25.

145

Фуллер Джон Фредерик Чарльз (1878–1966), английский военный историк и теоретик, генерал-майор (1930). Участник англо-бурской (1899–1902) и Первой мировой войн. С 1926 помощник начальника генштаба. Автор «теории малой армии».

Фуллер Дж. Вторая мировая война 1939–1945 гг. М., 1956. С. 332.

147

Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944). Краткие сведения об организационной структуре партизанских соединений, бригад, отрядов и их личном составе. Минск, 1983. С. 20–21.

Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952

149

Жуков Г. К. Ук. соч. М., 1991. Т. 3. С. 149

На русском языке эта книга вышла под названием «Испанцы в Великой Отечественной войне». М., 1986.

151

Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны: июнь 1941 — июль 1944 гг. Краткие сведения об организационной структуре партизанских соединений (бригад), полков, отрядов (батальонов) и их личном составе. Минск, 1983. С. 477.

152

Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. В 3-х томах Т. 3. С. 217.